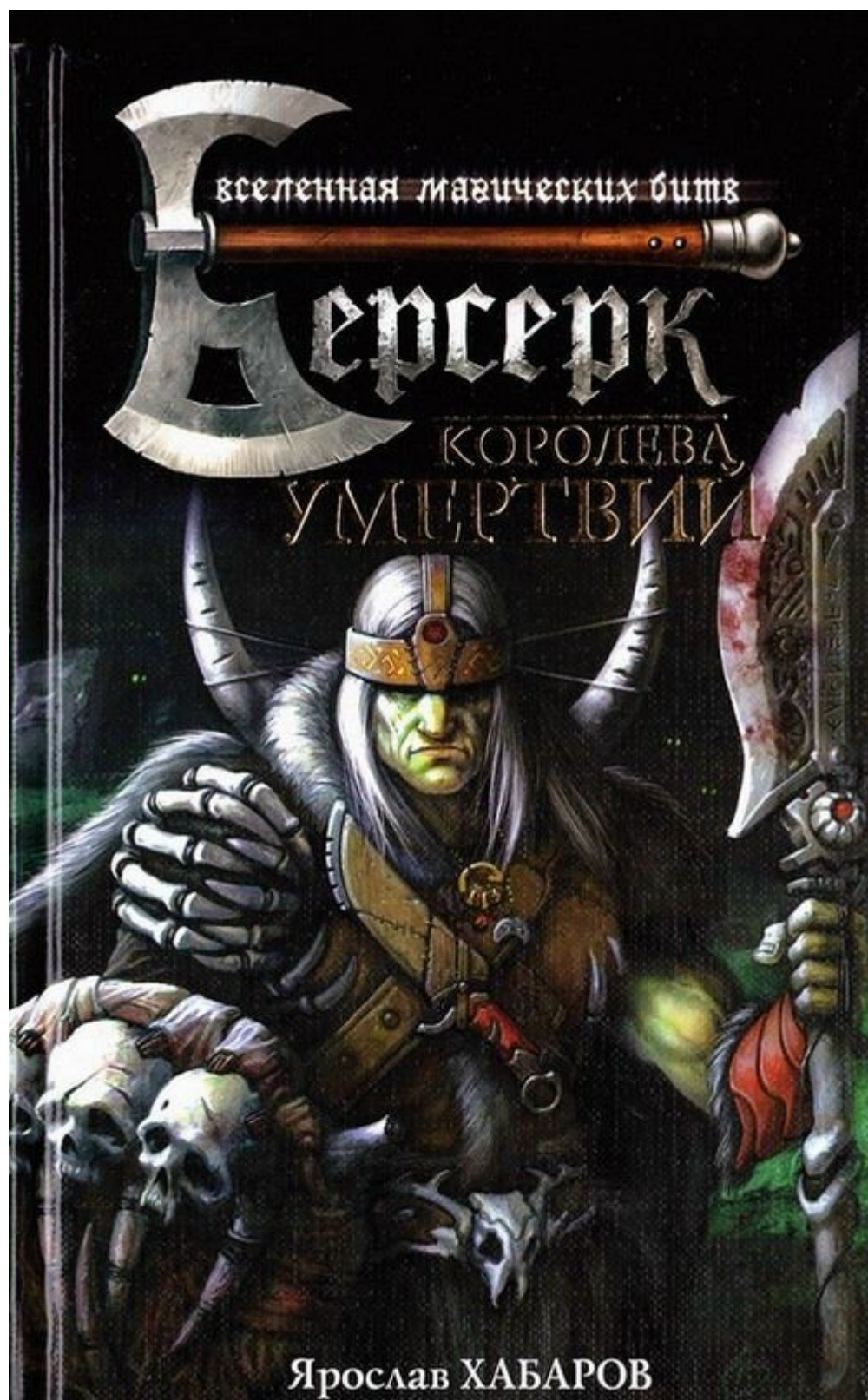

Ярослав Хабаров
Королева умертвий

Берсерк – 2

Ярослав Хабаров

Королева мертвых

Глава первая

Темные башни Соултрада возносились к мрачным, низко нависшим над городом небесам. Узкие улицы петляли, образуя лабиринт. Казалось, ничего не стоит заблудиться здесь навеки; однако существа, обладающие крыльями, прекрасно видели с высоты, каким странно соразмерным был этот лабиринт.

Черные фасады, украшенные искусной резьбой, почти соприкасались на узких улицах. Иногда казалось, что две химеры, размещенные на домах, стоящих напротив, ведут тихий, оживленный разговор. О чем шепчутся каменные чудовища? Какие страшные тайны сообщают они друг другу, усмехаясь и выставя кривые клыки?

На маленьких площадях у чужака начинала кружиться голова: каждый дом представлял как застывший монстр – опасный, плотоядный, притаившийся в засаде. Куда ни посмотри, везде оскаленные шипы, узкие темные арки окон, похожие на глаза странной формы, – и кто знает, какие живые монстры таятся за ними и тайно наблюдают за тобой?

И все же Соултраду нельзя отказать в своеобразной красоте: город завораживал и отталкивал одновременно.

Госпожа Тегамор передвигалась по городу в носилках, которые покоились на плечах четверых ее рабов, здоровенных толстяков, идеально подобранных по росту. Тегамор лично приобрела их у Племута, Мастера Плоты, большого знатока своего дела. Все четверо носильщиков неотличимо походили друг на друга: желтокожие, с маленькой головой, широкими мускулистыми плечами и короткими, кривыми, мощными ногами. Их тела были безволосы, а на лопатках красовались шипы, похожие на наросты или остатки от отрубленных крыльев, хотя на самом деле это были рудиментарные руки – побочное, хотя и совершенно безвредное следствие искусной работы над плотью.

Племут хорошо знал свое дело. В Соултраде он считался одним из лучших. Госпожа Тегамор давно вела с ним дела: иногда ей требовались дополнительные слуги, иногда – кое-какие знания, а то и просто материал для дальнейших исследований.

Носильщики неторопливо бежали по улицам. Носилки мерно покачивались, Тегамор рассеянно посматривала в окно, наполовину скрытое парчовой занавеской. Мимо проплывали знакомые дома – разверстые дверные проемы, причудливые узоры фриз, каменные изваяния, которым мастера, случайно или нарочно, придали устрашающую форму.

Иногда в стену дома были вмонтированы и живые существа. Такое позволяли себе наиболее опытные из соултрадских магов. В последнее время подобный способ украшать здания стал весьма распространенным явлением, и Тегамор подумывала о том, чтобы и ей последовать общему обыкновению. Измененные магией, застывшие в позе, которую придало их телам заклинание, эти создания оставались живыми и даже сохраняли остатки разума, но не могли ни покинуть место своего заточения, ни даже пошевелиться. Маги изощрялись, как могли, изобретая для своих живых скульптур извращенные, не свойственные человеческому телу положения. Чем более изломанным выглядел вмурованный к стене раб и чем полнее было его сознание, тем роскошнее считалось украшение.

Да, об этом стоило бы подумать. Тем более что в какой-то мере подобные эксперименты были созвучны одной из любимых идей госпожи Тегамор – преобразованию и совершенствованию личности мага путем поглощения ею других личностей. Тегамор живо интересовалась этой темой с юных лет и успела немало достичь в области, которую избрала для своих исследований.

Она обитала в южной части Соултрада, в доме, сложенном из черного необработанного камня. Древнее это гнездо досталось Тегамор не от родственников, а от учителя, у ног которого она провела большую часть детства и юности. Оно выглядело похожим скорее на неприступную крепость, чем на обычный жилой дом. И тем не менее там веками обитали маги и чувствовали себя более чем уютно.

Первый этаж особняка Тегамор, высотой в два человеческих роста, представлял собой огромный зал без окон; его стены не украшали ни гобелены, ни даже простая облицовка – те же самые камни, что и снаружи, черные, округлые, словно обточенные самим Временем.

Второй и третий этажи были жилыми, и сразу можно было сказать, что устроены они для женщины, любящей комфорт: множество безделушек, мягкие ковры на полу, широкие кровати, удобные кресла...

Здесь же располагалась и кухня, в которой трудились поварихи дома Тегамор – еще один шедевр Плегмута, Мастера Плоти. Эти существа были лишены рта. Высокие, с длинными костлявыми руками, они обладали лишь одним умением и одним страстным желанием: прибираться в доме и на кухне и стряпать, стряпать, стряпать. Они питались запахами, поэтому прикасаться к пище, варить и жарить, тушить, парить, мариновать было для них жизненной потребностью. Если Тегамор хотела наказать их, она просто сажала их в подвал на несколько дней, и они выползали оттуда, обессиленные, плачущие, абсолютно покорные воле госпожи, которая могла убить их в любое мгновение, если только они не сумеют угодить ей.

Самый верхний этаж занимала лаборатория. Она размещалась в башне, венчающей строение. Там имелись широкие окна, выходящие на все стороны света – или, точнее, коль скоро речь идет о Соултраде, – на все стороны тьмы. В лабораторию слугам вход был настрого запрещен; даже тех, кто считался если не другом, то, по всяком случае, доверенным лицом Тегамор, хозяйка лаборатории впускала крайне редко и неохотно. Вся обстановка этой комнаты, казалось, полностью опровергала впечатление, производимое как первым этажом, так и вторым и третьим. Если огромное темное «пещерное» помещение мог облюбовать для себя какой-нибудь суровый владыка, которому требуются просторные залы – размещать своих воинов и устраивать грандиозные пиры, озаренные светом факелов; если уютные гнездышки жилых этажей, несомненно, принадлежали избалованной женщине, то полная артефактов лаборатория, чьи стены были покрыты пятнами самого разнообразного цвета и происхождения, от ядов и копоты до желчи и крови, была логовом безумно увлеченного своей работой мага, не имеющего ни пола, ни возраста. Догадаться, что здесь проводит опасные эксперименты красивая женщина, было невозможно, если только не знать об этом заранее.

* * *

При звуке шагов пленник насторожился.

Он находился в подвале, куда не проникал ни единый луч света, невообразимо давно. Один или два раза ему приносили поесть, но он едва притрагивался к пище. Даже голод не мог заставить его побороть обычную осторожность: он слишком хорошо знал, где находится, и не сомневался в том, что в еду подмешали какое-нибудь снадобье, которое изменяет сознание или подавляет волю.

Он слабел с каждым часом. В первое время он еще пытался восстановить силы, но всех его способностей на это явно не хватало. К тому же черные камни, из которых был сложен подвал, совершенно определенно поглощали чужую магическую энергию и становились «сильнее», в то время как пленник мерял не только сверхъестественные возможности, но и полю к жизни.

Эгертона – таково было имя молодого мага – захватили, когда он спал и не в силах был оказывать сопротивление. Последние события совершенно измотали молодого мага, к тому же он был ранен – страшный ожог покрывал всю левую сторону его лица, а брови и волосы сгорели: такова была цена, которую он заплатил за свое участие в безрассудном штурме священного города Ифа, который предприняло существо в серебряном доспехе. Это существо на время подчинило себе волю мага и заставило его действовать против могущественных шаманов-гурров.

Как ни странно, именно это ментальное насилие, длившееся не слишком долго,

высвободило в Эгертоне те его качества, о которых он предпочел забыть на очень долгое время.

Дело в том, что Эгертон был унгаром... Каких только слухов не ходило по Лаару об унгарах! Большинство досужих кумушек, любительниц почесать языками на «страшные» темы, сходились на том, что унгары представляли собой некое племя изгоев, которых тулленцы загнали в болота. И, дескать, там, среди болотных испарений, и появились эти уроды, отвратительные создания, которые затем расплозились по всему Лаару. Однако это, как и все рассказы такого толка, представляло собой, научно выражаясь, полную и несусветную чушь.

Унгаром мог оказаться любой – независимо от места обитания, воспитанности и манер (у иных унгаров манеры как у придворных, а другие ведут себя хуже подзаборных пьяниц, и ничего!). Унгаром мог оказаться любой – существо любой расы и любой магической одаренности. Ибо способность подчинять себе других никак не связана ни с одним из этих факторов. Она либо есть, либо ее нет. Это как сексуальная привлекательность или, скажем, склонность к стихотворчеству.

Унгар может подчинить себе другое существо, а оно, это существо, даже не будет подозревать о том, в какие тенета попало. До Катаклизма унгаров не слишком боялись, поскольку большее, на что они были способны, – это установить контроль над каким-нибудь животным, вроде лошади или собаки. В редких случаях и ненадолго – над другим человеком.

Все переменилось после Катаклизма. Всё – в том числе и унгары. Они обрели невиданное доселе могущество.

Причиной тому стала магия Скованного, чье истинное имя, которое не произносят вслух, – Улгарх, в сознании некоторых существ звучит похоже на «унгар»... Застывшая на орбите Лаара магия Скованного разбилась и просыпалась на Лаар огненным дождем золотых и серебряных кристаллов. Так родилась магия кристаллов, и унгары научились использовать их и собственных целях.

Теперь многократно умноженный использованием кристалла дар унгара позволял подчинять себе не какую-нибудь одну охотничью псину или ручную звероящерицу, но целые десятки других существ, вполне разумных и временами очень-очень опасных. И как все изобретения и достижения, сила унгаров стала служить и первую очередь войне и корысти.

Естественно, все живые существа на Лааре (да и не-мертвые тоже) ненавидели и боялись унгаров. Поэтому те скрывали свой дар и старались сделать так, чтобы об этом никогда не узнали окружающие. Встречались даже такие, кто прилагал усилия к тому, чтобы дар никак не проявлялся, и избегал кристаллов. К числу последних принадлежал и Эгертон.

Но после того как он испытал на себе ментальное подавление, что-то надломилось в молодом маге, и он начал чувствовать, как его дар растет и требует выхода...

Принадлежа к ордену Тоа-Дан, Эгертон лучше всего владел огненной магией и предпочитал использовать именно ее. Открыто и честно, считал он. Его вечно исцарапанные руки свидетельствовали о том, что ему нередко приходилось выпускать из своего тела пламенных саламандр, которые бежали, повинаясь приказанию повелителя, и поджигали все на своем пути, а потом возвращались обратно в руки Эгертона, как бы втягивались в его плоть и становились ее частью. Что касается защитных чар, то в этом Эгертон отнюдь не был силен. Большая часть его магической мощи была связана с атакой; подобно многим тоаданцам, он плохо умел обороняться, и если противник не погибал сразу, то Эгертон оставался перед ним практически беззащитен.

По своей натуре он был странником, исследователем, существом любопытным и зачастую – безжалостным. Впрочем, следует отдать должное молодому магу, он никогда не бывал жестоким просто так, ради извращенного удовольствия, и если его опыты над живыми существами бывали иногда довольно болезненными, то это делалось исключительно ради добывания крупиц нового знания.

А знания ордену Тоа-Дан требовались, как никогда: в Лааре появилась некая новая

сущность, которую необходимо было всесторонне изучить...

Люди называли эту сущность Карой богов, но такое определение давало лишь самое общее и отвлеченное представление о происходящем. На болота Ракштольна выпадал мистический туман – смертоносный туман, убийственный, туман, разносящий чуму. Всякий, кто хотя бы мимолетно соприкасался с этим туманом, мгновенно заражался... Постепенно плоть несчастного разъедали язвы, в которых клубились белые клочья того же тумана... Проходил день-два, не более (а в редких случаях довольно было и нескольких часов), – и вот уже нет человека, остался лишь белый сгусток зловонной взвеси... туман... туман, несущий чуму дальше.

Но что еще хуже, выпав на землю, он порождал умертвий. Отвратительные чудовища возникали в местностях, пораженных чумой: невообразимо гнусные твари, ожившие мертвецы, разлагающиеся прямо на глазах, агрессивные, похожие на богомоллов создания... Их разнообразие не поддавалось учету – хотя бы потому, что не находилось охотников учитывать эдакую пакость и заносить ее разновидности и подвиды в стройные реестры.

Впрочем... кто сказал, что таких охотников не было вовсе? Двое весьма высокопоставленных тоаданцев пытались завязать контакты с пророками тумана, о чем в определенных кругах ходили весьма неприятные слухи. Ни один тоаданец, разумеется, не соглашался обсуждать это. Но молчаливость членов ордена не отменяла слухов.

Эгертон был также в числе тех, кто осмелился заняться изучением туманных умертвий и других явлений, порождаемых Карой богов. За что в конце концов и поплатился. Что ж, он заранее знал, на что шел, и не боялся.

Обессиленный, раненый, он в какой-то момент утратил бдительность. Эгертон намеревался вернуться домой, в Вольный город, где осталась его лаборатория и где хранились все его книги. Он продвигался скрытно, подолгу спал, отлеживаясь и приходя в себя. И вот однажды проснулся в окружении крайне неприятных существ.

На первый взгляд их можно было принять за людей: они были сложены вполне пропорционально, их лица обладали правильными чертами, а кожа была грязносмуглой, но в обрамлении совершенно белых волос это выглядело довольно привлекательно. Точнее – выглядело бы, если бы не одно «но»... И это «но» заключалось в их взгляде, совершенно пустом, ничего не выражающем.

Эти создания были полностью подчинены чьей-то воле. Управление существами было грубым – никто даже не пытался скрывать насилие, которое над ними чинили. Напавшие на Эгертона производили впечатление искусственно созданных. Их движения были механическими, резкими, как будто кто-то незримый управлял ими, дергая за веревочки.

Эгертон поднял руку, чтобы выпустить саламандр и отвести от себя атаку, но саламандры обессилели, как и их хозяин, и даже не попытались явиться наружу. Они лишь шевельнулись у Эгертона под кожей, и он застонал, ощутив болезненное жжение в раненых пальцах.

Неизвестные существа набросили на молодого мага сеть. Он попытался разрезать ее, но лезвие сломалось: материал, из которого была сплетена сеть, оказался крепче стали. Возможно, то была некая алмазная субстанция, превращенная силой заклинаний в тонкие полосы; а может быть, это был свет, пойманный в магическую ловушку и как бы заточенный внутри силовых линий... Эгертон еще не сталкивался с подобным.

Между тем создания вдруг разволновались. Один из них изогнулся дугой и закричал страшным, низким утробным голосом. Остальные столпились возле него, наблюдая за происходящим. Эгертон, лежащий на земле, опутанный сетью и беспомощный, морщился, корчился и стонал: существа, не замечая пленника, топтались по его рукам и ногам. На какое-то время они позабыли об Эгертоне, их интересовал лишь их сотоварищ, продолжавший вопить. Казалось, некое постороннее создание заключено внутри этого псевдочеловека; обычно это создание спит и слепо выполняет волю унгара-повелителя, но изредка просыпается и осознает весь ужас своего положения.

Даже находясь в столь плачевном положении, Эгертон не переставал запоминать и

сопоставлять факты; он делал это автоматически, не прилагая никаких усилий, как привык делать это всю свою жизнь – его нарочно для этого тренировали. Наблюдения откладывались в сознании, даже если сейчас Эгертон и не в состоянии был их анализировать. Он знал, что, очутившись в благоприятных условиях, в своей башне, в лоне ордена, он сумеет восстановить в памяти каждую мелочь из увиденного и подробно описать ее.

Существо, в котором ожило нечто, упало на землю, ударившись затылком, и забилося в припадке. Судороги выворачивали его конечности, и внезапно Эгертон понял, что происходит: обрываются незримые нити, которые управляли существом. Они лопались одна за другой, причиняя созданию невыносимую боль. Хуже того, оно осознавало, что умирает.

Догадывались об этом и другие, но ничего не предпринимали и, судя по всему, не испытывали никаких эмоций по поводу жуткой гибели их сотоварища.

Почему все это происходило? Если бы здесь оказалась каким-нибудь волшебным образом госпожа Тегамор, она бы подробно растолковала связанному и обессиленному «коллеге»-магу, чем она занимается и какие последствия имеют подчас ее интересные и плодотворные опыты.

В частности, вот эти слуги. Тегамор называла их «бегунами», поскольку их основной работой было бегать по миру и собирать для Тегамор перспективный материал для исследований и дальнейших экспериментов. В качестве такового приветствовались в первую очередь существа, наделенные какими-нибудь магическими способностями, но по тем или иным причинам обессиленные. На них набрасывалась незримая алмазная сеть, после чего бегуны взваливали добычу себе на и лечи и доставляли в Соултрад, к младшему магистру Черного Ковена, прекраснейшей Тегамор.

«Бегунов» она начала создавать в самом начале своей плодотворной карьеры. Она находила и скупала рабов подходящей внешности и, полностью уничтожив их личность, вселяла в пустые оболочки какого-нибудь из младших демонов. Тегамор давно уже установила закономерную связь между душой и телом: обе эти субстанции, вступив в соприкосновение, неизбежно оказывают взаимное влияние друг на друга: душа демона преображает тело, лишает его индивидуальных черт и придает коже серый оттенок, а человеческое тело существенно ослабляет демонскую душу – как раз до такой степени, чтобы Тегамор могла повелевать ею, не опасаясь, что раб взбунтуется и поднимется против своей госпожи. Эта магия действительно напоминала силу унгаров и была ей сродни.

Впрочем, кое-какие недоработки в этой области все еще оставались, поэтому Тегамор заложила в своих «бегунов» надежный механизм самоуничтожения. Как только плененная душа осознавала свое заточение в неудобной и жалкой человеческой оболочке и начинала, справедливо возмущаясь, рваться на волю, тело погибало.

Свидетелем именно такой смерти и стал сейчас Эгертон.

Скоро все было кончено. Как только «бегун» обмяк на земле и перестал подавать малейшие признаки жизни, остальные утратили к нему всякий интерес, отвернулись и снова обратились к пленнику. Они подняли Эгертона и быстро побежали со своей ношей. Скоро Эгертон потерял сознание. Никогда в жизни ему не было так дурно.

Он не знал, какими путями двигались «бегуны»; знал лишь, что очнулся в темноте, возле каменной стены. Он прислушался – тишина. Затем, очень осторожно, Эгертон высвободил свои магические силы, которых за время его забытья поприбавилось – Впрочем, не настолько, чтобы вырваться на волю.

С помощью магии он «прощупал» помещение, где оказался, и установил, что оно находится в большом здании посреди города и что все его стены сложены из дикого камня. Мебели здесь, кажется, не имелось, равно как и окон. Дверь – только одна, но невообразимо далеко.

Эгертон даже и не пытался добраться до нее. Он был прикован, но не цепью, а чем-то иным... В его теле как будто выросла третья рука. Она начиналась в левом боку – длинная, гибкая, с пятью дополнительными суставами, так что она могла сгибаться по всем направлениям и складываться «гармошкой». Рука эта была слабой, почти лишенной мышц.

Та часть, где на обычной руке должна была располагаться кисть, прочно вросла прямо в стену. Эгертон сделался живой, одушевленной и мыслящей частью комнаты. Он не мог отходить от отведенного ему места дальше чем на пять шагов. Несколько раз он проверял и перепроверял удивительную метаморфозу, которую претерпело его тело, но ошибки не было: некто сотворил с ним поистине неслыханное заклинание.

Если раньше у Эгертона и возникали сомнения касательно того, кто захватил его в плен, то, обнаружив у себя третью руку, он утратил всякие иллюзии. Он – в Соултраде, превращенный в собственность кого-то из магов Черного Ковена.

Потянулись долгие часы – а может, и дни – ожидания. И вот раздались легкие, быстрые, уверенные шаги...

– Я не зажигаю огня, уж прости, – прозвучал мелодичный женский голос. – Насколько я могу судить, ты – из числа поклонников Дзара...

Дзар, божество войны и огня, покровительствовал аколитам ордена Тоа-Дан, многие из которых, как и Эгертон, виртуозно обращались с огненной стихией и умели пользоваться ее силой как для обороны, так и для атаки. В этом Тегамор не ошибалась.

Эгертон молчал, а та, что взяла его в плен, продолжала и, судя по тону, улыбалась в темноте:

– Как видишь, я неплохо осведомлена касательно тебя и твоих занятий. О, у меня была возможность хорошенько рассмотреть мою новую собственность, пока ты был без сознания. Я даже немного улучшила твою... внешность. – Она засмеялась, но Эгертон все еще хранил молчание, предоставляя женщине высказаться до конца. – Надеюсь, ты оценил мои старания, – прибавила Тегамор.

– Нет, – сказал Эгертон.

– Нет? – Казалось, она была шокирована подобной откровенностью. – Нет? Ты уверен, что тебе не понравилось?

– Нет, – повторил Эгертон, – мне не понравилось. Ты изуродовала меня.

– Ты и без моего вмешательства был достаточно уродлив, – огрызнулась она.

Эгертон с удивлением отметил, что ухитрился обидеть ее. Втайне его это порадовало – каким-то образом он чувствовал, что одержал маленькую победу.

– В любом случае я не допущу, чтобы здесь появилась дружественная тебе стихия, – прибавила женщина. – Я еще не изучила тебя в достаточной степени, чтобы сделать выводы касательно твоих возможностей. Но, полагаю, как всякий тоаданец, ты сумеешь воспользоваться малейшей искоркой пламени и попробуешь обратить ее себе на пользу. А никакой пользы ты в моем доме не получишь! Только не ты. Напротив, это я намерена извлечь пользу из тебя.

– Я читал о таких, как ты, – поморщился Эгертон. Он надеялся, что его голос звучит брезгливо и пренебрежительно. Ему понравилось обижать свою мучительницу. – Вы все извращены изначально, вы ненавидите все естественное...

– Чушь! – прошипела женщина. Так и есть! Она была задета его отвращением. – Напыщенная чушь, которую распространяют о нас ограниченные глупцы из Тоа-Дана.

– Разве? – протянул Эгертон.

От волнения он постоянно сгибал и разгибал свою новую руку во всех ее суставах. Странно было ощущать эту конечность, такую живую и в то же время абсолютно неродную, насильственно приращенную к телу.

Женщина молчала, ожидая продолжения.

– Вы извратили наши идеи, – сказал Эгертон. – Вы предались запрещенной магии... Ваши занятия некромантией...

– Ах, некромантия им не нравится! – перебила Тегамор. – Скажите на милость, какие мы нежные!.. Ты хотел задеть меня, тоаданец, ну так знай, что тебе это удалось! И скоро ты пожалеешь об этом... По-твоему, лучше ставить опыты на живых существах? Мы, во всяком случае, не измываемся над живыми, а пользуемся трупами, которые возрождаем к жизни...

– Называй вещи своими именами, – отозвался Эгертон. – Бытие ожившего трупа

называется не-жизнью, а сами они становятся не-мертвыми. Это не имеет ничего общего с настоящей жизнью. Ваша некромантия подняла из могил тех, кто погиб в Катаклизме, и они...

– Игра словами! – быстро перебила Тегамор.

– Это игра судьбами, – ответил Эгертон. – И не мы ею занимаемся. Кроме того, вы экспериментируете не только на трупах. Будь достаточно откровенна, по крайней мере.

– Заметь, мы достаточно честны и не исключаем из наших экспериментов самих себя, – вставила женщина.

– Что-то я не вижу у тебя третьей руки или чего-то в подобном роде, – язвительно заметил Эгертон.

– Я не настолько примитивна, – ответила женщина. – Ты – пленник в моем доме. И мне надоело слушать твои оскорбления!

– Ну так не слушай, – пожал плечами Эгертон. Его третья рука судорожно дернулась.

– Назови свое имя, – потребовала она.

– Назову, если ты назовешь свое, – ответил Эгертон.

– Я – Тегамор, – сказала женщина гордо, – Младший магистр Черного Ковена.

– О, я слышал о том, что в Ковене многие высокие посты заняты женщинами, – сказал Эгертон. – Впрочем, «младший магистр», кажется, не слишком высокое звание...

– Достаточное, чтобы сделать из тебя мокрое место и никому не давать отчета в содеянном, – процедила она сквозь зубы. – Как мне обращаться к тебе, урод?

– Эгертон, – назвал маг.

– Это твое настоящее имя?

– Разумеется. Учти, меня нимало не заботит то обстоятельство, что какая-то женщина узнала, как меня зовут. Магия имен не имеет власти надо мной.

– Она вообще довольно слаба, эта магия, – пробормотала Тегамор. – Не понимаю тех, кто на нее надеется.

– Битье палкой по пяткам и раскаленный металл каплями на живот – гораздо более действенные методы, – серьезным тоном произнес Эгертон.

– Кажется, ты пытаешься шутить? – осведомилась Тегамор.

– Что ты, прекрасная, вовсе нет! – заверил ее Эгертон. – Учítывая, что я полностью нахожусь в твоей власти...

Все это время он прощупывал ее ментально, стараясь понять, существует ли возможность подчинить себе эту магиню. Ни один унгар, кажется, еще не пробовал овладеть волей мага-соула, но, возможно, Эгертон окажется первым. Нужно только поймать ее взгляд, установить с ней контакт... Без кристаллов почти невозможно, понял он. Почти. Или даже совсем.

– Довольно! – Тегамор топнула ногой, и Эгертон понял, что время для пустой болтовни иссякло.

Тегамор не просто так позволила своему пленнику разговаривать ни о чем и даже дерзить; все это время она внимательно изучала его.

Что ж, Эгертон, как ни был он ослаблен, тоже кое-чему научился и тоже кое-что узнал о своей похитительнице... Но говорить об этом пока, конечно, было преждевременно.

– Я хочу знать, – приступила Тегамор, – что происходит на болотах Ракштольна.

– Почему бы тебе не спросить об этом твоих слуг? – вопросом на вопрос ответил Эгертон. – В конце концов, они там побывали и многое видели собственными глазами.

– Мои слуги не способны видеть события так, как видит их живой человек, тем более – маг, – сказала Тегамор. – Уж тебе-то это должно быть понятно.

– Разговор о том, что именно мне понятно, оставим на потом, – огрызнулся Эгертон.

Ему не нравился высокомерный тон, который взяла эта магиня. Ковенцы, в представлении тоаданцев, были отступниками, предателями, и Эгертон не мог преодолеть отвращения к надменной женщине из темного Соултрада.

– Ты видел то, что люди называют Карой богов? – спросила Тегамор прямо.

– Да.

– Как это выглядит?

– Как туман... Но сперва приходят пророки тумана.

– Кто они? К какой расе принадлежат? Ты встречал лицом к лицу хотя бы одного?

– Они... говорят, что они бывают самых различных рас, – задумчиво отозвался Эгертон. – Достаточно лишь пройти посвящение. Впрочем, никто толком не знает, в чем состоит это посвящение и где оно происходит. Но неизменно они производят ужасное впечатление... Говорят, именно они возводят в обреченных на смерть деревнях и городах чумные тотемы. Никто не наблюдал за пророком во время строительства, однако...

– Как выглядят чумные тотемы? – продолжала расспросы женщина.

– Отвратительные сооружения. – Эгертон содрогнулся. – Слепленные из грязи, костей, отбросов, скрепленные палками и тряпками... Нечто вроде пирамид... или обелисков... Не описать. Если ты не видел такую вещь, то представить ее себе все равно не сможешь.

– Продолжай, – попросила она. Теперь в ее голосе слышалось почти детское любопытство.

– Чумной тотем означает, что скоро в город придет смерть.

– О чем возвещают пророки тумана? Помимо скорой гибели для всех, разумеется?

– А ты как думаешь?

Эгертон почти вьяе видел, как женщина пожимает плечами.

– Все, что я слышала о пророках, – о любых пророках, – это жалобы на бессвязность их речей, – проговорила Тегамор. – Ни один из них не удосуживался выражать свои мысли ясно и четко. Полагаю, что и пророки тумана ничем не отличаются от других своих собратьев.

– Ты права, – вынужден был признать Эгертон. – В общем и целом они вещали о Каре богов, о людских прегрешениях...

– А потом?

– Потом приходит туман.

– И... все?

– Туманная чума съедает людскую плоть, и люди попросту растворяются... А потом они превращаются в сгустки тумана, который летит на болота Ракштольна, оседает там – и встает умертвиями.

– Очень, очень интересно, – пробормотала Тегамор.

– Только не уверяй меня в том, что слышишь об этом впервые.

– От квалифицированного очевидца – впервые. – Она весело улыбнулась и продолжила допрос: – А тебе не доводилось иметь дела с умертвиями?

– Доводилось, и все они отправлены мной туда, где им самое место, – в небытие, – ответил Эгертон.

– Мужское бахвальство! – фыркнула женщина. – Я не об этом спрашиваю.

– Большинство умертвий способно лишь на кратковременное действие, – сказал Эгертон. В его голосе появилась спокойная деловитость – неожиданно для себя он заговорил с Тегамор как маг с магом, как равный с равным.

На протяжении всего этого разговора Эгертон несколько раз менял свое отношение к ней, но теперь, кажется, наконец-то сумел взять верный тон.

Судя по всему, она оценила это.

– Требуются определенные магические усилия, чтобы поддерживать в умертвии активность, – согласилась она. – Я много времени и сил посвятила этой проблеме.

– Проблеме умертвий? – уточнил Эгертон.

– Проблеме влияния... – Она осеклась, как будто испугалась, что сказала собеседнику нечто лишнее.

Эгертон опять убедился в том, что изначально не совершил ошибки, оценивая свою противницу: она, несомненно, обладала некоторыми способностями в области подчинения чужой воли. Одолеть такую магиню будет весьма и весьма непросто. Даже представить себе трудно, сколько золотых кристаллов потребовалось бы для подобного магического действия.

Эгертон втайне улыбнулся. Впервые в жизни он начал мыслить как унгар. И сразу же столкнулся с проблемой – где достать необходимое количество кристаллов... Впрочем, сейчас об этом думать еще рано. Сперва нужно понять, как вырваться отсюда.

– Я исследовала проблему соединения двух в одно, – поправилась Тегамор. – Я постоянно работаю над усовершенствованием натуры и вижу один из наиболее плодотворных путей в том, чтобы производить слияние душ и тел... слияние двух сущностей в единую.

– Любовники достигают этого без всякой магии, – ухмыльнулся Эгертон. – Если бы ты отпустила меня, я показал бы тебе, как это происходит. Довольно простой и весьма приятный процесс. Не пробовала? По голосу слышу, что нет...

Тегамор вздохнула.

– Все-таки ты мужчина... Не можешь обойтись без сальных шуточек.

Темнота скрыла выражение лица Эгертона: он вовсе не думал шутить и вообще не понял, почему Тегамор сочла его довольно банальное высказывание о природе физической любви шуткой. Очевидно, сказывалась извращенная природа самой магии. Кстати, она, кажется, молода и, судя по тому, как держится, считает себя привлекательной. Любопытно представить себе, какова она в постели.

Между тем Тегамор продолжала тоном, полным отвращения:

– Любовники соединяются в противоестественное существо лишь на краткий миг – и, кстати, зачастую для этого используют определенного рода чары. Не будем говорить о том, что не имеет отношения к делу. Смысл моих исследований...

– Я видел, – сказал вдруг Эгертон. Он решился открыть ей важную информацию – в обмен на некоторые услуги с ее стороны. Воздействовать на нее другим способом пока не получалось.

Она сразу проглотила наживку и насторожилась:

– Что ты видел?

– Пример успешного слияния.

Тегамор напряглась.

– Расскажи!

– Сначала отпусти меня.

– Не понимаю, о чем ты, – с напускным удивлением возразила Тегамор, – Куда тебя отпустить? Откуда?

– Отпусти меня из заточения, – пояснил Эгертон. – Тогда я расскажу тебе все, что ты хотела бы знать.

– Ты свободен, иди куда хочешь, – ответила Тегамор небрежно, как бы между делом.

В ее голосе не прозвучало даже намек на насмешку, и тем не менее предложение прозвучало издевательски.

– Куда же я пойду? – хмыкнул Эгертон. – Если ты еще не заметила, то напомню: я намертво прирос к твоему дому. Хочешь посмотреть? Хочешь потрогать мою третью руку? Она довольно забавная на ощупь и в состоянии доставить женщине несколько приятных минут...

Он нарочно дерзил, стараясь вывести ее из себя, однако магия не поддавалась и сохранила хладнокровие.

– Я позволила тебе уйти из моего дома в любой момент, Эгертон. Я официально объявляю тебе о том, что ты больше не пленник. А вот сможешь ты воспользоваться своей свободой или нет – это уже не от меня зависит, – отозвалась Тегамор. – Сумеешь освободиться – ступай, я не стану тебя задерживать. Такая сделка тебя устроит?

– Ты удивительная гадина, как и все ковенцы, – ответил Эгертон. – Тебе это известно?

Он продолжал говорить с ней как с равной, и потому оскорбление в его устах – удивительное дело – прозвучало едва ли не как комплимент. А затем Эгертон прибавил с кривой ухмылкой:

– Хорошо, предложенная тобой сделка меня устраивает. Если я найду способ выйти

отсюда, ты не посмеешь меня задержать.

– Рассказывай. – Она уселась прямо на пол, скрестив ноги.

Так Тегамор сидела много лет кряду, пока слушала наставления своего учителя. Как ни странно, она любила вспоминать об этом времени. Несмотря на то что благодетель юного магического дарования умер весьма странной смертью – его нашли отравленным, – серьезного расследования проведено так и не было, а Тегамор вскоре унаследовала и его дом, и его лабораторию, и начатые им исследования (не говоря уж о рабочем материале). Поговаривали, что старик стал слишком неудобен со своим тщеславием и неумеренно смелыми опытами не только над обычными существами, но и над духами, и орден Ковен был рад избавиться от него. Впрочем, Тегамор никогда не снисходила до того, чтобы прислушиваться к сплетням. Если она и убрала со своей дороги наставника, то сделала это, руководствуясь высшими соображениями, а вовсе не такими мелочными, как стремление поскорее выдвинуться или, того хуже, завладеть имуществом покойного, у которого не было других наследников.

И несмотря ни на что, Тегамор вспоминала старика с доброй улыбкой, с любовью и огромной благодарностью. Да, ей нравилось мысленно переноситься в те годы, когда она была всего лишь смиренной ученицей.

– Слышала ли ты о существе, которое само называет себя «принц-упырь» и носит имя Тзаттог? – начал Эгертон.

– Ты не будешь спрашивать меня о том, что я знаю и чего не знаю, – спокойно сказала Тегамор. – Просто излагай все подряд. Если что-то из рассказанного тобой мне уже известно – ничего страшного, выслушаю еще раз. Иногда важны не столько факты, сколько их интерпретация.

– Хорошо. – Эгертон кивнул и заговорил не спеша: – На болотах Ракштольна появилось некое... создание. – Он запнулся и с трудом подобрал слово, потому что не знал, как точно охарактеризовать Тзаттога. – Оно... Нет, поначалу все-таки «он», – поправил себя тоадаец, стремившийся быть как можно более точным в формулировках. – Тзаттог предводительствовал нежитью, выходявшей из туманов. Он собирал войнство из ошметков тумана, из дыхания чумы, и бросал на тех, кого считал своей законной жертвой. Если не знать, с кем имеешь дело, то в первые минуты его можно было принять за епископа слуа, за верховного упыря, – но Тзаттог представляет из себя нечто иное. Он враждует со слуа. Он не боится солнечного света, хотя кое-кто из подчиненных ему умертвий не переносит ярких лучей дневного светила. Тзаттог с удовольствием пьет кровь, однако не испытывает смертоносной жажды, как все вампиры. Если он не получает вовремя достаточно крови, он все же не умирает.

– Кому он служит? – перебила Тегамор.

– Возможно, только самому себе... Я не уверен. Во всяком случае, он – не слуа. Он – нечто худшее. Я не исключаю его связи с чумой, с Карой богов...

– Хочешь сказать, он – причина чумы?

– Нет, он, несомненно, – следствие, но чрезвычайно значительное следствие. Куда более существенное, нежели какой-нибудь обычный гниляк, выбравшийся из могилы.

– Понятно. Продолжай, – кивнула магиня.

– Тзаттогу было предсказано – так он утверждал, – что, слившись воедино с некой женщиной, он обретет небывалое могущество.

Тегамор насторожилась: беседа приняла крайне интересный для нее оборот.

– Ты и впрямь затронул важную тему, – промолвила она. – Пожалуй, я распоряжусь, чтобы тебе доставили побольше еды, в которой вовсе нет яда.

– Значит, яд все-таки был! – улыбнулся в темноте Эгертон.

– А ты распознал его? – По голосу слышно было, что и она улыбается. Затем магиня прибавила с совершенно детской простотой: – Я просто так спрашиваю, из чистого любопытства.

– Конечно распознал! – Эгертон был возмущен тем, что она усомнилась в его

магическом потенциале. – Уж такую-то малость я, кажется, сделать еще в состоянии, как бы я ни был ослаблен... Кстати, что это за яд?

– Мелочь, пустяки, – отмахнулась она. – Только для того, чтобы уменьшить твою способность к сопротивлению. Он никого не может убить. Слишком маленькая доза.

– Понятно...

– Сомневаюсь, чтобы тебе все было понятно, но этого и не требуется, – заметила Тегамор. – Так что этот твой Тзаттог? Удалось ему найти женщину, которая соединила с ним душу?

– Послушай, дорогая Тегамор, ты всерьез уверена, что не избавишь меня от третьей руки?

– Уверена. Не торгуйся, Эгертон.

– Ладно... – Он вздохнул. – Ее называли «королевой умертвий», и внешне она похожа на человека, однако она – не человек. Она родилась от матери, которая проживает множество жизней и меняет кожу, как змея. Сама по себе королева умертвий ничего особенного не представляет, но когда она дала согласие на слияние с Тзаттогом, она... – Эгертон помолчал, вспоминая о событиях, свидетелем и в какой-то мере участником которых он был недавно. – Она потеряла свое физическое тело, а ее дух вошел в Тзаттога и напитал его.

– А на самом Тзаттоге как это отразилось? Он как-то переменился?

– Ты смотришь в самый корень, Тегамор... Да, с этого момента все стало по-другому. Тзаттог обрел могущество.

– Насколько я понимаю, его и прежде трудно было назвать существом слабым или жалким...

– Да, но теперь... Я даже не в состоянии представить себе, какой силой он обладает и существуют ли границы у этой силы.

– И все это сделала маленькая глупая девчонка?

– Откуда тебе знать, что она была маленькая и глупая? – Эгертону вдруг стало неприятно слышать, что ковенка отзывается о Пенне с таким пренебрежением.

Тегамор пожала плечами:

– Кто еще согласился бы добровольно подарить свою душу чудовищу?

– Ты, – в упор произнес Эгертон.

– Я? – Тегамор засмеялась. – Пожалуй, я хотела бы поглотить чудовище... Но стать его частью? Никогда!

– В таком случае я ошибся, – с видимым равнодушием согласился Эгертон. – Ты гораздо разумнее, чем я предполагал в начале нашего знакомства.

– О, я весьма осмотрительна и разумна, не сомневайся, – подтвердила Тегамор. – Итак, Тзаттог успешно поглотил душу – и преобразился в более могущественное существо, нежели был раньше?

– Именно, – сказал Эгертон.

– Что ж, – произнесла Тегамор, – ты выполнил свое обещание и рассказал мне интересную историю. Я выполняю свое. Ты свободен. Если выдернешь руку из стены – уходи. А если нет... – Она засмеялась. – В любом случае я прикажу, чтобы тебе принесли еды.

* * *

Все еще улыбаясь, в отменно хорошем настроении, Тегамор поднялась в свою лабораторию. Взяла рабочую книгу, в которой вела подробную запись всех своих дел, и вывела дату. Написала имя «Эгертон», написала название ордена «Тоа-Дан». Посмотрела на эти слова, недружелюбно усмехнулась. Как будто вместе с именами она пленила и их обладателей, заперла их в книгу. Хотя никакой магии имен, разумеется, не существует, и написанная буква – всего лишь буква. Конечно, если только это не буква магического алфавита.

Вздыхнув, Тегамор обмакнула перо в чернила. Она использовала для своих заметок самые обычные чернила, сделанные из сока ягод, хотя многие маги предпочитали более сложные и странные составы. Предрассудок, и не более, полагала Тегамор. Все эти составы ничуть не предохраняют запись ни от разрушения, ни от чтения недоброжелателями. Требуются особенные заклинания, но тратить каждый раз силы на составление такого заклинания слишком накладно. Эдак весь изойдешь на защиту собственных дневников, а на исследования и важную работу уже ничего не останется.

Поэтому Тегамор предпочитала рисковать и не защищать свои книги никакими дополнительными средствами.

Она еще раз перебрала в памяти весь разговор с Эгертоном. Приписала к предыдущей заметке:

«Третья рука органично срослась как с телом испытуемого, так и со стеной дома. Никаких видимых изменений не наблюдается. Сознание ясное, нрав язвительный, отношение к самому себе как к мужчине и тоаданцу полностью сохранено. Способность глупо и пошло шутить. Наблюдение будет продолжено при уменьшении концентрации ослабляющего яда».

Затем она перевернула страницу.

«Тзаттог, принц-упырь. Успешное слияние с некой женщиной, которая рождена от матери, проживающей много жизней и меняющей кожу, как змея (?). Последнее не вполне ясно, поскольку прежде упоминаний о подобных существах не встречалось. Следует прояснить!

Женщина при слиянии с реципиентом утратила физическое тело. Ее мистическое наименование – королева упырей...»

Нет, не упырей... Тегамор зачеркнула последнее слово и заменила его на другое – «умертвий». Странная королева – без тела, без собственной воли... Надо будет все-таки более тщательно разведать об этом Тзаттоге.

«Тзаттог – могущественное порождение чумного тумана».

Тегамор отложила перо, задумалась, одновременно с тем поглядывая на собственное отражение в зеркале.

Ее прежний учитель любил зеркала, всюду устанавливал их. Девочке Тегамор такое обыкновение представлялось весьма глупым. Она искренне считала, что только красивые и молодые люди должны любоваться на себя в зеркало, в то время как безобразным и старым такое занятие полностью противопоказано. Ну что за удовольствие – видеть перед собой такую мерзкую образину!

Но учитель твердил ей:

– Зеркала разоблачают перед нами то, что скрывает от нас очевидность. Если хочешь узнать нечто тайное – посмотришь на себя в зеркало. Ответ будет в твоих глазах. Ты уже знаешь то, что только хочешь узнать...

Да, тогда она смеялась, а теперь сама успешно пользуется этим способом...

Итак, что же скрывает от нее очевидность?

Некоторое время Тегамор смотрела на себя. Старое серебряное зеркало слегка искажало ее облик, но все же Тегамор отчетливо могла разглядеть смуглую кожу, точеные черты, удлиненные черные глаза, подведенные синим... Ее брови смыкались на переносице, что придавало ее облику злое выражение. Тегамор это нравилось. Как многие ковенцы, она любила казаться мрачной, зловеще-страшной.

Ее длинное одеяние из темно-фиолетового бархата было расшито серебряными узорами – мертвыми головами и скрещенными кинжалами. Одну такую пару кинжалов,

совсем маленьких, длиной не больше ладони, она вживила в собственную плоть: их рукоятки помещались чуть ниже ключиц, лезвия скрещивались между грудями, а острия упирались под грудь.

Внезапно Тегамор рассмеялась и хлопнула в ладоши.

Ну конечно! Она знает, кому задать несколько вопросов... Как раньше это не пришло ей в голову?

Она закрыла книгу и, придерживая подол платья обеими руками, быстро сбежала вниз, на второй этаж, туда, где находилось большинство ее слуг, подручных, а также тех, кого она называла «материалом для исследований». В числе последних был некий человек – точнее, то, что когда-то было человеком, – одно из ее последних приобретений, которое бегуны извлекли из болот, на самой границе области тумана.

Существо это сохранило черную с проседью бороду, но почти полностью утратило черты лица: они стерлись, смазались, как будто были вылеплены из песка и их размыло волной. Несомненно, некогда это создание подверглось сильным магическим изменениям. Что ж, ничего удивительного: несколько пробных экспериментов, произведенных над ним, показали Тегамор, что ее новый экспонат при жизни принадлежал к ордену архаалитов, а те почти всегда изменяли себя, прибегая к магии. У архаалитов, ордена воинственных еретиков, никогда не хватало терпения подождать, пока болото само произведет над ними естественные перемены; они всегда спешили, пользуясь заклинаниями и эликсирами, которые укрепляли зрение лучникам, мышцы мечникам, давали воинам быстроту и мощь, а целителям – способность заживлять чужие раны, например с помощью слюны. Тегамор находила всю эту магию жалкой (она именovala подобные ухищрения «кухонными» и утверждала, что им место в кулинарной книге). После смерти такие измененные магией существа почти совершенно развоплощались. Если вызвать их из потустороннего мира, то они оказывались абсолютно не тем, чем были при жизни. Такова расплата за спешку и дилетантизм!

Впрочем, свое имя человек без лица сохранил.

– Эй, Бетмур! – позвала его Тегамор.

Бывший отрядный маг приблизился к хозяйке, боязливо и вместе с тем радостно улыбаясь. Смутно он помнил о том, что когда-то дружил с молодой женщиной, очень красивой, на его взгляд, доброй, внимательной. Они нередко беседовали – о жизни вообще, о магии, о боевой магии в особенности. Он даже вспомнил ее имя – Пенна. Лучница Пенна, которую он сам изменял магически, и притом несколько раз. Бетмур, маг из отряда архаалитов, никогда не обладал большими талантами. Все, что он умел, – это немного помочь ребятам с их физической подготовкой.

При виде молодой женщины Бетмур растянул безгубую щель рта в жалкой улыбке. Зубов у него тоже не было. Он гордился тем, что знал имя собеседницы. Знать имя второго человека значит обладать интеллектом. Немногие из обитателей дома Тегамор обладают интеллектом.

– Пенна, – произнес Бетмур. – Я ждал тебя.

– Меня зовут госпожа Тегамор, потрудись запомнить, – напомнила хозяйка.

– Моя девочка, – покачал головой Бетмур. – Я не сомневался в том, что ты меня отыщешь. Ты нашла меня. Я был в этом уверен.

Он всегда начинал разговоры с хозяйкой таким образом. Иногда Тегамор пыталась разубедить его, растолковать, каково истинное положение вещей, иногда не трудилась сделать это и просто отзывалась на имя «Пенна» – поскольку вообще-то не придавала именам большого значения.

Но сегодня у нее появилась важная причина расспрашивать Бетмура. Тегамор хотела проверить истинность озарения, которое постигло ее, пока она записывала наблюдения над Эгертоном.

– Почему ты ждал Пенну? – спросила Тегамор.

– Ты не могла погибнуть, моя девочка, – охотно отозвался Бетмур. – Ты слишком

хороша, слишком важна...

– Да, да, я важна, – подтвердила Тегамор, – Я чрезвычайно важна для тебя, поэтому Расскажи-ка мне...

Помещение, где они разговаривали, было маленьким, темным и душным. Помимо Бетмура здесь жило еще с десяток самых разнообразных существ, большинство из которых сохранило человеческий облик лишь отчасти: все они несли на телах признаки магических изменений, многие были покрыты язвами, и все без исключения сильно и дурно пахли. Но ни Тегамор, ни Бетмура это обстоятельство ничуть не смущало, и пока прочие пленники – «материал» – копошились вокруг, питались, спали, сидели, покачиваясь и тупо глядя в стену, – магиня и бывший отрядный маг-архаалит преспокойно общались.

– Расскажи мне, как ты погиб, – попросила Тегамор.

– Ты ведь видела это, Пенна, – грустно произнес Бетмур. – Ты стояла совсем близко от меня, когда я умер...

– Расскажи то, что запомнилось тебе, – настаивала она. – Лично тебе. Мои воспоминания – не в счет, ведь я всего лишь глупая девочка.

– Призрачная чума, – вздохнул Бетмур. Его тело заколебалось, как будто грозило вот-вот рассыпаться, развоплотиться. – Кара богов. Помнишь? Я так рад, что ты уцелела!

– Тебя захватил туман... и потом ты вернулся уже как мертвые?

– Иногда это я, а иногда – кто-то другой, – поделился Бетмур.

На самом деле это существо теперь не было уверено в том, кто оно есть. По большей части оно, вероятно, оставалось Бетмуром, но, превратившись в мертвые, Бетмур как будто вобрал в себя фрагменты личности других существ и утратил некоторые из своих. В тумане как будто перемешались погибшие солдаты и мертвецы из нечеловеческих рас, прежде всего – троллей...

Слуги Тегамор, верные «бегуны», захватили несколько, но выжил только Бетмур, и то потому, что она нашла способ продлевать ему жизнь, применяя свою способность подчинять других. Пока мертвые подобного вида служат кому-то, кто могущественнее его, оно не развоплощается окончательно. Унгар ему не позволит.

– Я был нигде и везде, – сказал Бетмур. – Я видел десятками глаз... Я смотрел на землю с высоты, но никак не мог разглядеть ее, а когда мне все-таки это удавалось, не мог понять, что же именно я вижу. А потом стало легче. Я даже начал понимать...

– Кто я такая? – спросила вдруг Тегамор. – Расскажи, как мы с тобой встретились.

– Мы нашли девочку на болотах, – ответил Бетмур. – Давно. – Он наморщил лицо, но оно снова расплылось: мимика была для отсутствующих черт почти невозможна. – Она была совсем одна, эта девочка. Маленькая. Это была ты. – Он показал пальцами – какая. – Солдаты забрали ее. Они забрали тебя, понимаешь? Я рассказываю о тебе. Мы не могли оставить тебя одну. Ты была очень голодная.

– Вы накормили меня? – поинтересовалась Тегамор.

Обычно ее тошнило от чувствительных историй – тем более что она и сама была таким найденышем и наверняка погибла бы на улицах Соултрада, если бы маг, ее учитель, совершенно случайно не встретился с ней взглядом. После этого он уже не мог оставить ее одну и взял к себе...

Но сейчас Тегамор было важно узнать о том, кто такая эта Пенна, о которой так часто вспоминает мертвый маг. Ей необходимо было проверить свои догадки и подозрения.

– Конечно, мы накормили тебя, иначе бы ты умерла, – закивал Бетмур, словно догадливость собеседницы его несказанно обрадовала.

– И чем вы меня накормили? – настойчиво спрашивала Тегамор.

– Сырым мясом, конечно же... В те времена ты ела только сырое мясо.

Бетмур засмеялся. Странно было видеть, как он колышется в воздухе, то распадаясь на части, то снова собираясь воедино. Он даже поймал свою руку, которая отвалилась было, но затем послушно приросла обратно.

– Как я выглядела? – продолжала Тегамор.

– Девочка – с большим ртом. С круглым, всегда открытым ртом, полным острых зубов. А глазки крошечные. И все-таки ты была девочкой. Ты была похожа на существо, сильно искаженное чужой магией... Мы только потом поняли, что таково твое истинное обличье. Не искаженное, а подлинное, понимаешь? Это было поразительно. И еще... Еще ты линяла.

– Что? – удивилась Тегамор. – Что я делала?

– Ты сбрасывала кожу, как змея. И когда ты сделала это в первый раз, ты совершенно всех нас забыла. Пришлось напоминать. Я много работал над твоей плотью, Пенна, хоть я и вовсе не могущественный маг. Недоучка со слабеньким магическим даром. Но я старался, видит Архааль, я старался изо всех сил! Я трудился неустанно, придавая тебе человеческое обличье. Я сделал для тебя обычные зубы и обычный рот. У тебя очень красивый рот, я горжусь этим.

Он показал пальцем на свой рот, потом сунул палец между губами и пососал.

– Когда тебе было лет десять, ты сбросила кожу в последний раз и вернулась к нам похожей на ижорку, – сказал Бетмур. – После этого ты больше не линяла.

– И оставалась такой, как сейчас?

– Нет, – покачал головой Бетмур. – Чуть позднее ты попросила о магических изменениях, чтобы стать настоящим воином. Ты хотела быть отличной лучницей, и я помог тебе в этом. Я сделал тебе сильную правую руку, удлинил твои пальцы и подарил тебе ночное зрение... Ты что, забыла? Ты забыла нашу дружбу, мою помощь, мою поддержку? – Он выглядел теперь обиженным, его глаза забегали, лицо затряслось. Жаль, что теперь Бетмур не мог больше плакать, иначе он бы разрыдался.

– Как я могла такое забыть! – воскликнула Тегамор, торопясь утешить его, чтобы он успокоился и продолжил отвечать на вопросы. – И что было со мной дальше? Что случилось со мной потом?

Бетмур долго смотрел на нее, недоумевающе щурясь. Потом произнес:

– Тебе видней, что с тобой было, госпожа Тегамор... Почему ты спрашиваешь об этом меня, твоего ничтожного пленника? Я все время сплю, и в моих снах нет ничего интересного...

– Кто я? – переспросила Тегамор.

– Ты – хозяйка, – ответил Бетмур. – Я не понимаю, для чего ты со мной разговариваешь.

Глава вторая

Пенна ничего не помнила о своей прошлой жизни. Точнее – иногда помнила, а иногда – забывала.

Ей хорошо жилось на ее троне – троне великой и страшной королевы умертвий. Она ничего не знала о том, какие истории о ней рассказывают. Не знала, что разумные существа Лаара, услышав о ее приближении, в ужасе ищут убежища. Не видела она и чужих страданий и не страдала сама. Королева умертвий не испытывала ни голода, ни жажды, ее не мучили ни холод ночи, ни солнечный зной – ничто из тех зол, которые когда-то так терзали бедную девочку Пенну, воспитанницу солдат, подобранную на болоте и измененную с помощью магии сиротку.

Утратив свое тело, Пенна вошла в сущность Тзаттога и сделалась частью его личности. Там, внутри своей души, он воздвиг для нее престол и окружил ее обожанием.

Благодаря присутствию Пенны Тзаттог сделался гораздо могущественнее, чем был. Внешне принц-упырь очень напоминал человека – и вместе с тем таковым никогда не являлся, и это каким-то образом сразу бросалось в глаза. Рослый, широкоплечий, стройный, с правильными, как у статуи, неподвижными чертами, он тем не менее производил жуткое, отталкивающее впечатление. Длинные и красные, похожие на когти хищника ногти маленьких, изящных рук, острые желтоватые зубы и вспыхивающие алым глаза придавали ему сходство с вампиром... Однако ж и вампиром он тоже не являлся. Впрочем, от крови

Тзаттог никогда не отказывался — как от лакомства и элемента сексуальной игры. Инстинктивно Тзаттог чувствовал, что тот, чью кровь он пьет, признает его власть над собой, и это упоительное ощущение наполняло принца-упыря экстазом.

Медленно взмахивая огромными черными крыльями, Тзаттог летел над болотами Ракштольна. Он видел поселения троллоков — охваченные чумой и еще свободные от бедствия, видел он и отважных троллей, что мужественно сражались против умертвий — даже погибая, даже будучи зараженными и смертельно ранеными; встречались ему мощные хедды с непомерно широкими плечами и огромной, выдвинутой вперед челюстью... Остатки архаалитов пробирались из болот в степи Тугарда, спасая свои ничтожные жизни... Инквизиция охотилась на еретиков, и Тзаттог любовался с высоты кострами, пылавшими там, где пытались найти приют приверженцы учения Архаала...

Погруженный в хаос и разрушения Лаар наполнял сердце Тзаттога радостью.

Та, которой он служил, та, которая призвала его из небытия и дала ему жизнь, гневалась и мстила исконным обитателям Лаара за свое пленение. Та, о которой здесь никто не знал, но чье присутствие все уже ощутили на собственной шкуре.

Ибо явилась несущая Кару, и мир больше никогда не будет прежним.

* * *

Пенна могла создавать миры по собственному усмотрению. Ей стоило лишь пожелать и представить себе нечто, и оно тотчас возникало, точь-в-точь такое, как ей хотелось, и она управляла своей вселенной самовластно и милостиво.

Сегодня ей захотелось выйти к морю, и она стала воображать море, которого в обычной жизни никогда не видела. Бетмур говорил, что море — это много воды. Гигантские волны несутся от горизонта к берегу, набрасываются на песок, но ломаются и вдруг растекаются, а потом с шипением уползают обратно...

Пенна шла через рощу. Она хорошо видела эту рощу: высокие деревья с тонкими золотистыми стволами, густая кудрявая листва, сквозь которую пробивается солнце... Цветы. Ей хотелось, чтобы возникли цветы, и это случилось: на зеленых ветках вдруг раскрылись огромные красные лепестки. Она засмеялась от удовольствия.

Впереди она увидела маленькое белое строение, похожее на беседку. Пенна подошла к нему. Не хватало скамьи, чтобы присесть и отдохнуть. Пенна подумала об этом, и скамья тотчас появилась.

«Бархатная подушка!» — безмолвно приказала Пенна и опустилась на мягкое сиденье.

Она подняла голову. Деревья расступились, и девушка увидела море.

Ярко-синяя вода блестела в лучах заходящего солнца, волны выше гор стояли возле горизонта и одна за другой направлялись к берегу. Они падали на земную твердь, ломали себе хребет и, хватаясь пенными руками за песок, бесславно уползали обратно.

Все было в точности так, как ей рассказывали. Море, волны, берег. Чудесно!

Пенна хлопнула в ладоши. Видение стало еще более ярким и отчетливым. Солнце заблестело красным, по воде протянулась дорожка.

Пенна знала, что могла бы, если бы захотела, пройти по этой дорожке навстречу солнцу. Или взлететь. Здесь, во вселенной, которую подарил ей Тзаттог, она обладала истинным всемогуществом.

...Она не видела, где находится сейчас тот, кому она отдала свою жизнь. Не видела ни черного, усеянного мертвыми звездами неба, в котором он летел, мерно взмахивая гигантскими крыльями, ни потерянной в ночи земли, ни отдаленного зарева...

Тзаттог ощущал творческую энергию Пенны, ее радость, ее преданность ему, и это наполняло его невероятной мощью. Ему, в свою очередь, не было дела до ее фантазий. Главное — чтобы счастлива оставалась королева умертвий. И чем счастливее Пенна в своем иллюзорном бытии, тем сильнее становился Тзаттог в явленном мире.

Между тем Пенна изменяла не только свою вселенную, но и себя. Внезапно ей

захотелось стать желтокожей – и ее руки и лицо приобрели шафрановый оттенок, а волосы стали красными. Темно-багровыми сделались и ее глаза, а ресницы и брови – как кровь. Это ей понравилось. Она потребовала зеркало, и в проеме между колоннами беседки возникло огромное серебряное зеркало, в котором отражалось прекрасное оранжево-багровое существо с волосами до земли.

Пенна засмеялась... И тут увидела, что в том же зеркале отразился второй человек.

В первое мгновение она не поверила своим глазам. Она не желала здесь видеть никакого второго человека. Она хотела оставаться в своем мире одна и царствовать безраздельно. Кто же этот дерзкий пришелец?

Пенна повернулась, втайне считая, что сейчас чужак исчезнет и все пойдет по-старому. Возможно, она, сама того не ведая, нафантазировала себе собеседника, вот он и явился. Однако стоит королеве умертвий пожелать – и...

Но чужак по-прежнему стоял перед ней, никак не отвечая ее желаниям. Он выглядел как человек – совсем молодой человек с грустным, серьезным лицом. Он поднял руки, словно обороняясь от нее, и внезапно она узнала их: красные, исцарапанные. Только руки и вызвали в ней некое смутное воспоминание – лицо чужака по-прежнему оставалось для нее загадкой.

– Я тебя видела прежде, – проговорила Пенна, королева умертвий.

Ее голос прозвучал странно. Раньше она в своем мире еще ни с кем не разговаривала. Пенна осознала это, и ей стало не по себе. Прежде у нее не было необходимости общаться с кем-либо при помощи слов. Все, кто появлялся по ее воле в этой маленькой вселенной, понимали Пенну безмолвно – она общалась с ними с помощью мыслей. Теперь же ей впервые за очень долгое время потребовался голос.

Он оказался таким непривычным! В нем звенела медь, он то и дело срывался, дребезжал, как разбитая посуда, а потом вдруг грубел, звучал как у мужчины. Находясь в своем вымышленном мире, королева умертвий так и не научилась пользоваться голосом.

Чужак протянул к ней руку.

– Ты меня видишь? – прошептал он.

Свистящий, неприятный шепот.

– Я вижу тебя. – Она тоже зашептала.

– Кто ты? – спросил он.

– Ты думал обо мне? – вопросом на вопрос ответила она.

– Да.

– Поэтому ты и оказался здесь?

– Возможно... Где мы находимся? Я никогда не бывал здесь прежде.

– Это мой мир, – заявила Пенна. – Посмотри, я могу творить здесь все, что мне угодно.

– И тебе это нравится?

– Конечно! А тебе разве не понравилось бы?

– Не знаю.

– Как ты попал сюда?

– Пенна, – сказал чужак. – Я помню твое имя. Пенна. Мы встречались раньше. Я знал тебя. Я думал о тебе. Поэтому, наверное, я и оказался в твоих мыслях... в твоем мире.

Глаза в глаза. Может ли унгар, скованный, связанный, брошенный в темницу, не имеющий кристалла, подчинить себе существо, находящееся в иллюзорном, вымышленном мире?

Она даже не сопротивлялась. Возможно, она не ощущала, что он творит сейчас над ней ментальное насилие. Напротив, Пенна охотно поддалась ему. Он ощутил ее одиночество и печаль, и ему стало жаль ее. Это усилило их контакт.

– Но почему ты – и... только ты? – спросила она. – Почему больше никто не сумел меня разыскать?

Прежде чем ответить, чужак помедлил. Потом проговорил:

– Я думаю, Пенна, это потому, что из тех, кто знал тебя, больше никого в живых не

осталось...

Она задумалась. Неожиданно ее шафрановое лицо озарила мягкая улыбка:

– Может быть, это потому, что ты любил меня?

– Так ты действительно ничего не помнишь? – удивился он.

Все складывалось еще проще, чем он предполагал.

– А что я должна помнить? – удивилась в ответ Пенна. – Твои исцарапанные руки... Ты владел огненной магией. Ты выпускал саламандр из пальцев, а потом валился, обессилев... А я любила тебя?

Он видел, что для нее это важно. Как многие женщины, королева умертвий измеряла всех, с кем сводила ее судьба, только двумя мерками: те, кого она любила, и те, кого она не любила. Странно. Эгертон предполагал, что, став королевой умертвий, Пенна станет гораздо более жестким существом, а вышло обратное. Она сделалась непривычно чувствительной.

– Пенна, мы были... практически врагами, – признался маг.

Он угадывал, что лгать ей нельзя. Лучше сказать всю правду, какой бы неприятной и неудачной для его миссии эта правда ни оказалась. В своем теперешнем состоянии Пенна улавливает любое колебание его души и, уж конечно, мгновенно распознает ложь, а это разрушит доверие между ними навсегда.

– Мое имя Эгертон.

– Эгертон? – Пенна сдвинула красные брови, старательно вызывая в памяти хоть какие-нибудь образы, связанные с этим именем. – Ничего на ум не приходит. Я не помню, какими мы с тобой были врагами.

– Значит, сейчас это не имеет значения... – Он не стал скрывать облегчения. – Где мы находимся, Пенна? Как называется это место?

– Мы – в моем королевстве. Ты проник в мое королевство, Эгертон.

– Ты – королева умертвий?

– Это мой титул.

– Откуда ты знаешь?

– Так говорит Тзаттог.

– Кто твои подданные? Мертвецы?

– Кого пожелаю.

– Какую цену ты платишь за свою власть?

– Цену? Ты задаешь все более и более странные вопросы, Эгертон, – кем бы ты ни являлся на самом деле и в каких бы отношениях мы с тобой ни состояли... Разве королева платит какую-то цену? Королева только царствует и правит, а все остальные выполняют ее прихоти.

– Любая магическая власть, Пенна, имеет свою цену. Ты позволяешь Тзаттогу пользоваться собой, и он становится все могущественнее и сильнее...

Она тряхнула головой, ее волосы взметнулись, как пламя.

– Не понимаю, о чем ты говоришь. Все эти слова не имеют ровным счетом никакого значения. Цена. Могущество. Сила. Что тебе нужно? Чего ты добиваешься?

– Помоги мне освободиться, – попросил он. – Ты – единственное из известных мне существ, до которых я смог дотянуться с этой просьбой.

– Кажется, ты принадлежал к ордену Тоа-Дан... – припомнила она. Ее лицо озарилось улыбкой – она мимо была горда собой и тем, что сумела вызвать в памяти нечто из прошлого.

– Да – и сейчас принадлежу, – ответил Эгертон. – Я не покидал моего ордена.

– О! – воскликнула королева умертвий. – В таком случае, зачем тебе понадобилась я, бедная Пенна? Мои возможности весьма ограничены. Я не владею магией – в отличие от твоих могущественных и мудрых братьев. Почему бы тебе не обратиться к ним? Это было бы так естественно!

– Я... не могу... не хочу... – Эгертон запнулся.

Он не хотел прибегать к помощи своих братьев по ордену, потому что это означало

бы признаться в полном провале своей миссии и в личной неудаче. А может быть, он действительно не в состоянии был до них дотянуться.

– Насколько я припоминаю, в прошлой жизни мы с тобой были врагами? – Она широко улыбнулась, блеснув золотыми зубами. – Ты упомянул об этом, и я вспомнила... Ты меня пытал, а потом бросил на смерть. Я ничего не упустила?

– Да, мы были с тобой не слишком близки, Пенна, но... Нет ничего слаще старого врага, поверь мне, Пенна. Если ты поможешь мне вырваться на свободу, я найду способ освободить тебя.

– Но я-то вовсе не в плену! – воскликнула она и мстительно добавила: – В отличие от тебя.

– Нет, ты в плену, – возразил он. – И твой плен намного хуже моего. Я потерял лишь свободу, однако осознаю, что именно я потерял, а ты потеряла самое себя.

– Мне почему-то кажется, – медленно произнесла она, – что я уже не в первый раз теряю себя и забываю об этом. Возможно, это заложено в моей природе.

– Ты права, – согласился Эгертон. – Ты, как и твоя мать, в детстве несколько раз меняла кожу. Я понял это, когда сопоставил некоторые вещи, которые узнал... Вместе с кожей ты теряла память. Потом тебе напоминали некоторые вещи о тебе и твоей жизни. Некоторые – но не все. Кое-что ты наверняка так и не вспомнила.

– Да? А кто я такая на самом деле?

– Ты помнишь вот это? – Он вызвал в ее памяти образ лотоса – священного цветка Архааля.

Внезапно она схватилась за грудь, как будто ее ударили. Шафрановая краска сбежала с ее лица, Пенна смертельно побледнела. Белки ее глаз стали синими, радужка утратила багровый свет и наполнилась мертвенной серостью.

– Это лотос Архааля! – воскликнула она. – Откуда тебе известно об этом?

– Ничего тайного я тебе сейчас не сообщил, – отозвался Эгертон, как показалось вдруг Пенне – грустно. – Да, ты принадлежала к ордену архаалитов, вас преследовали, ваш отряд уходил из болот... Вы попали в туман... Твоих товарищей поглотила Кара богов, Пенна. Из всего отряда ты одна осталась в живых.

– Да, да, я помню, помню, – торопливо сказала она. – Что я должна сделать для тебя, чтобы ты оставил меня в покое?

– Найди того, кто вызволит меня, и направь его в подземелье, где меня держат, – попросил Эгертон.

– Ты еще вернешься? – крикнула Пенна, видя, что его образ вдруг начал светлеть и таять.

– Я постараюсь, – донесся голос издалека.

И Пенна осталась одна.

Неожиданно она ощутила свое одиночество. Она властвовала над целым миром, однако в этом мире не было ничего реального. Все здесь создавалось по велению ее мысли, но все было иллюзорно и исчезало так же легко, как и возникало. И не было ей больше никакой радости владычествовать здесь.

Она начала искать Эгертона.

Поначалу ей показалось, что ее разум погружается в темноту без всякого просвета. Она просто умерла. Пропала. Выпала из реальности и очутилась в пустоте. «Нигде» – так называлось место, где она пребывала.

Это испугало Пенну, и она поскорее вернулась обратно. Но ни моря, ни красивой белой беседки, ни зеркала, ни зеленой рощи – ничего больше не было, лишь серая бесплодная равнина, на которой ничего не росло. Низкое серое небо нависало над грязными барханами. Пенна стояла там, одна-одинешенька, беззащитная перед вечностью.

Она опять зажмурилась и попробовала снова, на сей раз уже гораздо осторожнее.

Ей по-прежнему было страшно, но теперь она знала, с чем столкнется, и была готова.

Пустота. Падение. Ничто.

Потом – крохотная светящаяся точка в темноте. И это была она сама, Пенна. То, что осталось от ее личности, практически полностью поглощенной и растворенной Тзаттогом.

Пенна устремилась к этой точке. Ее движение было стремительным и все же томительно долгим. Она настигала недостижимое, она пыталась проникнуть туда, куда проникнуть было невозможно.

И внезапно – в единое мгновение – ей это удалось. Ее объял нестерпимый свет, настолько яркий, что он причинял острую боль всему ее существу.

Все воспоминания разом набросились на Пенну, как дикие звери на добычу. Они рвали ее зубами, терзали когтями, впивались в ее душу, точно лютые враги, ненавидящие ее много лет и наконец дорвавшиеся до мести.

Она закричала, и не услышала своего голоса. Ее крик терялся в бесконечности.

Она снова видела себя – нет, не ребенком, четырнадцатилетней девочкой. Подобранная на болотах безродная сирота, выращенная солдатами, она пришла к отрядному магу и попросила изменить ее плоть – таким образом, чтобы она могла сражаться, стать воином, как и ее товарищи. Ее больше не устраивала роль отрядной любимицы, девочки, которая могла при случае приготовить еду или посидеть с ранеными, поговорить с ними. Ей хотелось гораздо большего.

Отрядный маг сперва отговаривался... Новая, измененная Пенна поняла, почему он боялся прикасаться к ней магией.

Потому что она уже была сильно изменена. Потому что она являлась вовсе не тем, чем выглядела. Отрядный маг немало потрудился над ней. Ему пришлось нелегко.

Она могла сейчас дословно воспроизвести свой последний разговор с тем человеком.

«Скоро я уйду из этого мира», – сказал отрядный маг своей любимице.

«Все мы смертны, – ответила она тогда, – но час нашей смерти известен лишь Архаалу».

А он рассказал ей о своем прошлом.

«Я никогда не отличался большими способностями к магии... Я был самым обычным мальчишкой. У меня даже было счастливое детство».

Лишь сейчас она стала понимать, почему он смущался, рассказывая об этом. Нет, вовсе не потому, что многие с такой тоской говорили о жизни, бывшей до Катаклизма... Отрядный маг упоминал своих родителей – состоятельных людей, которые были уничтожены Катаклизмом. Прибавил поспешно: «Катаклизм был неизбежен, он был меньшим злом – но все же злом...»

И еще он признался в том, что всегда был не слишком хорошим магом. Не обладал ни особыми дарованиями, ни глубокими познаниями в магии.

Да, тяжело ему пришлось! Он не мог объяснить девочке, как она рискует, обратившись к обычному магу средней руки с просьбой о видоизменении ее тела. Не мог рассказать ей о том, какие трансформации уже были проделаны над ней. И все же он рискнул...

И Пенна-лучница приобрела зеленоватую кожу, пепельные волосы, длинные и толстые пальцы на правой руке – непропорционально длинные и толстые по сравнению с левой. И еще постоянно расширенные зрачки, позволявшие ей видеть в темноте.

Бетмур. Она вспомнила его имя.

И внезапно ощутила его близость.

Пенна вскрикнула от радости. Бетмур жив! Жив – после того, как угодил в чумной туман, после того, как она своими руками застрелила его, чтобы он не сделался добычей чумы...

И когда она вспомнила, какой чистой и какой реальной была смерть Бетмура, то радость ее угасла. Нет, отрядный маг не спасся. Он в плену. Он превращен в некое отвратительное существо, не живое и не мертвое, и какая-то мистическая сила владеет его душой.

Осторожно, как по смертоносному лабиринту, пробиралась Пенна к Бетмуру. Она видела, как сквозь мутное стекло, комнаты, заполненные искаженными, уродливыми

существами. Она поднималась по лестницам и заглядывала в другие покои, обставленные богато, даже роскошно, но, с точки зрения девушки, безвкусно и совершенно неудобно. Во всяком случае, Пенне не захотелось бы жить там. Она, ночевавшая в грязных тавернах и на голой земле, побрезговала бы заснуть на кровати, покрытой скользким, как жаба, шелковым покрывалом...

В лабораториях стояли колбы, наполненные густыми эликсирами, и чаши с золотым песком, с зелено-коричневым варевом, с толчеными костями, с воском и резаными волосами. Несколько ободранных почти до кости тел свисали с цепей, прикованных к стене, и Пенна заметила, что некоторые из них были еще живы – они дергались, и цепи отзывались глухим звоном.

Затем невидимая шпионка опять спустилась по лестнице и очутилась в помещении, где сидели и лежали разнообразные существа. Сперва ей подумалось, что это, должно быть, слуги, но они не были заняты никаким делом. Они даже не отдыхали. Они как будто ждали чего-то...

«Это склад, – осознала Пенна. – А все уродцы, собранные здесь, просто материал для опытов и исследований мага, который живет в доме. У них нет воли, нет желаний, они не осознают времени...»

Она содрогнулась. Такая участь показалась ей слишком страшной даже для нежити.

А потом она увидела – нет, даже не увидела, почувствовала – того, за кем пришла.

Бетмур все еще сохранял часть своей личности, и Пенна потянулась к нему. Безликое уродливое существо, сгорбленное, прижавшееся к стене, вдруг встрепенулось, когда Пенна прикоснулась к нему мыслями. Он долго не мог понять, что происходит. Оборачивался, шарил вокруг себя руками – искал того, кто вторгся в его сонное полубытие.

И вдруг он замер. Его подслеповатые глаза широко раскрылись, безгубый рот задвигался.

– Я знаю тебя, – прошептал он.

– Тише, – отозвалась Пенна. – Иди за мной.

Повинуясь светящейся точке, которая внезапно возникла в его сознании, Бетмур поднялся и двинулся к выходу из комнаты. Остальные даже не заметили этого.

* * *

Они спустились вниз, в помещение без окон.

– Ты скажешь мне, кто ты? – спросил Бетмур светлое пятно, которое с каждым мгновением становилось все больше.

Бетмуру казалось, что там, где сияет этот странный потусторонний свет, все ясно и просто, а весь остальной мир погружен в мутную полутьму.

– Мы были знакомы – давно, в другой жизни, – сказала Пенна.

– Кто ты?

– Мы были...

– Нет, назовись! – перебил он.

Впервые за долгое время у него появилось собственное желание. Он хотел знать имя той знакомой незнакомки, которая так властно возникла перед ним и заполнила его мысли. Бетмур был потрясен этим обстоятельством.

– Ты звал меня Пенной, – сказала девушка.

– Пенна... – Он как будто пробовал ее имя на вкус. – Пенна... Говоришь, мы были близки? Насколько близки?

– Мы сражались бок о бок, – ответила она грустно.

Он помолчал, вслушиваясь в звучание ее бесплотного голоса, который эхом отдавался в его сознании. Потом Бетмур засмеялся:

– Было еще что-то, что связало нас крепче, чем совместное участие в битвах... Ты была моей любовницей?

Пенна могла бы поклясться, что в тоне полуожившего Бетмура прозвучало лукавство. Ей стало тепло и радостно, и вместе с тем она ощутила горечь.

– Нет, наша связь – другого рода... – проговорила она.

И тут он понял.

– Ты убила меня, – сказал он. – Но почему я не чувствую ненависти?

– Потому что ты сам просил об этом. Ты... хотел умереть, прежде чем чума...

– Чума, – перебил он. – Да. Теперь я вспомнил. Наш отряд, туман... И ты. Ты выжила?

– Нет, – сказала она, и они рассмеялись оба.

* * *

Эгертон согнул свою третью руку в двух суставах, остальные держа выпрямленными. Он не переставал упражняться с этой новой конечностью. Наверное, со стороны все это выглядело крайне глупо, но в комнате, кроме Эгертона, сейчас никого не было, так что он мог не стесняться. То, что сделала Тегамор, не поддавалось анализу. Эгертон прежде не встречался с такой магией.

Тегамор профессионально интересовалась проблемой слияния сущностей. Поглощение одним существом другого, подчинение одного существа другому – эти приемы были распространены довольно широко и не представляли ничего нового. Разве что кое-какие практические аспекты подобной магии...

Но соединение живого и неживого, того, что обладало дыханием, и того, что никогда, ни при каких обстоятельствах, дыханием не обладало... О подобном Эгертон еще не слыхивал.

Пленный тоаданец мысленно благословлял любопытство, присущее ему от природы и многократно умноженное существованием в ордене. Если бы не искренняя увлеченность всем необычным и имеющим отношение к магии, Эгертон, наверное, сошел бы с ума во мраке и безнадежном одиночестве своей темницы. Но Тегамор с ее опытом дала ему множество пищи для размышлений.

И с самого начала Эгертон задумался вот над чем.

А является ли дом, в котором обитает столь необычная хозяйка, на самом деле таким уж неживым?

К какой сфере он больше принадлежит – обычных неодушевленных предметов или же полуодушевленных, более близких к таким существам, как личи, упыри и зомби?

Чем дольше Эгертон исследовал свою третью руку, тем больше склонялся ко второму мнению. Ему хотелось также понять, до какой степени его собственное сознание питает странное полусонное бытие дома Тегамор, а до какой степени это бытие является самостоятельным и самоценным. Во всяком случае, спустя некоторое время после своего пленения Эгертон начал слышать все происходящее в доме и даже угадывать некоторые намерения его обитателей.

Лучше всего он, конечно же, понимал саму Тегамор.

Он знал о ней даже больше, чем ему бы хотелось. Некоторые мысли и намерения этой женщины по-настоящему пугали. Порой ему казалось, что в хозяйке дома не осталось уже ничего человеческого – увлеченность экспериментами и желание власти уничтожили в Тегамор всякие остатки эмоций. Но потом он прислушивался глубже и с удивлением обнаруживал, что она бывает даже добра... во всяком случае, чувствительна, и может при случае пустить слезу, раздумывая над чьей-нибудь печальной участью. В частности, она не раз вздыхала и плакала, вспоминая своего наставника. Того самого, которого отправила в мир иной собственными руками.

«Но ведь он был уже такой старый! Как ужасно было видеть, как он слабеет с каждым днем, теряет былую силу и даже ясность рассудка оставляет его!»

Тегамор была убеждена в том, что совершила благое дело. Она продолжила работы учителя, не позволила старческому слабоумию затмить его славу – наставник Тегамор ушел

из этой жизни на гребне своего могущества.

Обзаводиться собственными учениками Тегамор не спешила – очевидно, слишком хорошо отдавая себе отчет в том, к каким последствиям это может привести.

Проклятье, Эгертону вовсе не хотелось знать некоторые подробности ее интимной жизни! Но он знал... Он слышал, как к ней приходят любовники. У нее их было несколько, и один – особенно опасный и особенно интересный: она называла его Вербовщиком.

Эгертон долго раздумывал над значением этого прозвища, пока наконец его не осенила догадка. Возможно, Вербовщик каким-то образом связан с Легионом Смерти, куда вербовал солдат и младших командиров... Впрочем, о таких вещах, как Легион Смерти, лучше подолгу не думать. Себе дороже.

Вербовщик, судя по тому, как они с Тегамор предавались утехам, отнюдь не являлся человеком. Начиная ласки, он надкусывал шею возлюбленной и выпивал немного крови, а потом она с силой отрывала его от себя и набрасывалась на него сверху. Он отбивался, как мог; кровь магини ударяла ему в голову, как крепкое вино, он слабел и терял способность к сопротивлению... Трудно было понять, она ли овладевала им против его воли, или же это он силой брал свою любовницу. Но так или иначе – оба сплетались в объятиях, катались по полу, рычали и кусались... Они расцепляли объятия, окровавленные, тяжело дышащие, с кусками плоти под ногтями... Тегамор всегда смеялась, когда предавалась любви с Вербовщиком, а у Эгертона, который слышал каждый звук и отлично представлял себе сцены, сопровождавшие эту «музыку», мороз бежал по коже.

В какой-то момент он понял, что сойдет с ума, если не отделит себя от стен чудовищного дома. И чем скорее он освободится, тем лучше. Еще несколько дней, и для него все будет кончено. Останется глупо хихикающий в темноте идиот.

Однажды ночью ему почудилось, что стены начали дышать. Они вздымались и опадали, как грудь спящего человека, и в некоторых камнях отчетливо забился пульс. Эгертон проснулся, весь в холодном поту. Кровь стучала у него в висках так громко, что он едва не оглох.

А потом к нему пришел некто...

Этот некто не был Тегамор. Точнее, что-то от Тегамор в нем, несомненно, имелось... Часть ее личности, которая всегда накладывает свой отпечаток на тех, кого преображает с помощью магии.

Тегамор – следует отдать ей должное – действительно была очень честной в своих занятиях чарами и некромантией. Она не боялась расходовать себя – собственное «я», и щедро раздавала части своей души тем, кого преобразовывала. Поэтому от ее созданий в буквальном смысле слова «пахло» ею.

И Эгертон, который состоял с ее домом (а значит, и с ней самой) в своеобразной «интимной связи», сразу же ощутил ее присутствие.

Но в еще большей части тот, кто явился в подвал, не являлся Тегамор. Это был некто другой. Некто, кем она владела, над кем экспериментировала... Некто, сохранивший крупицы своей личности и своей свободы. Жалкие, ничтожные крупицы.

Он стоял в темноте и смотрел, но не видел.

Потом, очень медленно, во мраке загорелись глаза. Два больших желтых глаза. Они озаряли пространство перед пришельцем, служа ему своего рода фонарями.

Неуверенно, пошатываясь, чужак сделал шаг вперед. Потом еще один. Остановился, наклонил голову набок – прислушался. В его руке блеснул нож. Желтый луч «фонаря» падал на лезвие, отражаясь жутковатым блеском.

Эгертон замер. Ему было страшно.

Вообще тоадавец был не из пугливых и не особенно боялся смерти или боли, но молчаливое чудовище с ножом в подвале, чудовище, от которого невозможно убежать... Кошмаром были не предстоящие пытки или небытие, кошмаром было бессилие.

Впервые за долгое время в руках у Эгертона зашевелились саламандры. Страх их хозяина передался и этим скрытым в его плоти существам. Они захотели вырваться наружу.

Но Эгертон удержал их. Он знал: даже если они и выйдут, то будут слишком слабы, и чужак – кем бы он ни был – легко раздавит их своими ножищами.

А ноги у того были жуткие – с плоскими ступнями, огромные и кривые.

Незримые саламандры замерли, забившись под кожу тоаданца. Он задержал дыхание, чтобы не выдать себя. Но монстр совершенно явно знал, кого и где ему искать. Он неспешно переставлял ноги – одну, другую, одну, другую... Он неуклонно приближался к Эгертону.

Тоаданец ощутил его зловонное дыхание. Он до предела вытянул свою третью руку и напряг ее. Хрустнуло запястье, но кисть осталась погруженной в камень. Вырваться не удастся.

И, тут монстр окликнул его по имени.

– Эгертон... – прохрипел он.

Голос гулко разнесся по всему помещению и отразился от стен. И тотчас ускоренно забился пульс в тяжелых булыжниках:

«Эгертон, Эгертон, Эгертон-н...»

Чудовище остановилось, завертело головой, как сова.

– Эгертон! – повторило оно увереннее. – Ты где? Я знаю, что ты прячешься. Ты не можешь выйти. Ты прикован.

– Я прирос к стене, – отозвался Эгертон.

Внезапно он понял, что больше не испытывает страха. Кем бы на самом деле ни являлось существо, которое пришло к нему с ножом, оно знает его имя – и готово к разговору.

– Ты боишься меня? – спросило чудище.

– Как ты догадался? – осведомился Эгертон.

– Это было бы естественно, – объяснило чудище. – И Пенна тоже так говорит, – прибавило оно спустя несколько мгновений.

Эгертон был по-настоящему озадачен.

– Пенна?

– Да, та девчонка, архаалитка... Ты знал ее?

– Возможно. – Эгертон не счел нужным скрывать правду. – Если это та самая Пенна-лучница, которую мы оба имеем в виду.

Чудовище обрадованно хлопнуло в ладоши.

– Она! Она! – воскликнул монстр. – Сегодня день чудес!

– А ты откуда ее знаешь? – настороженно поинтересовался Эгертон.

К его удивлению, монстр расхохотался. Эгертон прежде не предполагал, что у зомби могут быть такие сильные – и такие позитивные – эмоции. Впрочем, возможно, тоаданец ошибся, и его собеседник вовсе не зомби, а нечто совершенно иное – более сложное и менее мертвое, если можно так выразиться...

– Я ее вырастил! – объявил монстр. – Она была мне как дочь! – Он всхлипнул и тут же снова развеселился. – Она нашла старика Бетмура и вернула его к жизни. Она напомнила мне о том, кто я такой... Она... прислала меня за тобой.

– Когда я видел ее в последний раз, – медленно проговорил Эгертон, – она полностью утратила собственную личность...

– Нет! – вскричал Бетмур, топая ногами от возбуждения. – Она сумела... Ты хочешь освободиться? – Он изменил тему разговора так внезапно, что Эгертон сначала даже не понял, о чем его спрашивают.

Медленно, очень медленно до него стало доходить.

Пенна все-таки сумела проникнуть в сознание старого отрядного мага и направила его в подземелье, чтобы тот освободил пленника... Все сходится. Бетмур настоящий. Ни обмана, ни подвоха. Это не очередной эксперимент госпожи Тегамор – это действительно шанс выйти на свободу.

– Вытяни руку, – сказал Бетмур и поднял нож.

Эгертон повиновался. Он вытянул свою третью, ненужную ему руку, во всю длину,

закусил губы, и закрыл глаза. Бетмур приблизился, занес нож и с силой перерубил кость у первого сустава.

Эгертон закричал и рухнул на пол, корчась от боли. Отрезанная рука болталась в стене. Она яростно сгибалась и разгибалась, размахивала из стороны в сторону, как будто вслепую искала того, кто был к ней прикреплен. Кровь хлестала направо и налево... очень много крови.

А потом все было кончено. Рука дернулась еще несколько раз и обвисла. Тяжелые красные капли падали из перерубленного плеча. Все подземелье на десяток шагов возле стены было обрызгано кровью.

Эгертон призвал свой внутренний огонь – стихию, с которой он управлялся лучше всего. Бог войны и пламени, которому поклонялись тоаданцы, пришел на помощь. Как всегда. Огонь вскипел в жилах Эгертона и устремился наружу. Третья рука не была порталом для саламандр, они даже не знали о ее существовании – оберегая своих помощников, Эгертон не открывал им всей правды; но помощи саламандр сейчас не требовалось. Тот огонь, который выйдет из обрубка, умрет; его задача – оплавить рану, чтобы остановить кровотечение и поскорее заживить ее.

Клубок огня выкатился из третьей руки – точнее, из того, что от нее осталось. Повалил дым, в зале завоняло горелым мясом. Бетмур глядел на это, широко растянув рот и вытаращив светящиеся желтые глаза. Потом он несколько раз подпрыгнул на месте и затряс головой.

– Это некрасиво, – сказал он.

– Зато действительно, – сквозь зубы выговорил Эгертон. – Хозяйка обещала, что я могу уйти отсюда, если сумею освободить руку. Я освободил руку – теперь я ухожу. Не мешай мне.

– Не буду, не буду, не буду, – обещал Бетмур.

Колени его вдруг подогнулись. Он упал на пол, потом завалился набок. Свет в его глазах погас.

– Не буду, – прошептал он.

И затих.

Мгновение спустя на том месте, где только что находилось умертвие, осталась лишь кучка пепла.

Эгертон посмотрел на нее сверху вниз, потом наступил, растер по полу и медленно двинулся к выходу.

Перед ним лежал весь мир... Наконец-то завоеванная – пусть и страшной ценой – свобода была для Эгертона лучшим из возможных даров. И тоаданец спешил воспользоваться предоставившимся случаем, пока ветреная и коварная Тегамор не передумает и не велит ему остаться.

Глава третья

Даже днем в Соултраде было темно. Солнечные лучи почти не проникали на его улицы, коптящие фонари горели днем и ночью, впрочем не столько разгоняя тьму, сколько сгущая ее.

Оборванец в длинном черном плаще безнадежно петлял по улицам, не замечая, что за ним вот уже некоторое время следует известный в квартале прокаженных грабитель – Чумазый Хейт, племянник и любовник Халеды Жирова Гора. Оба этих персонажа обладали определенным весом в той среде, где обитали, так что повышенное внимание со стороны Хейта можно было расценить как своего рода комплимент.

Однако оборванцу явно было не до таких тонкостей. Он искал место, где можно было бы остановиться, передохнуть, подкрепить силы. Хейт от души потешался, наблюдая за этими попытками, заранее обреченными на провал. В Соултраде нужно знать входы и выходы, а чужаки погибают здесь очень быстро, и не всегда их просто убивают. Куда чаще

их плоть идет в пищу, а кожа – на одежду.

Впрочем, кое-что в бедолаге вызвало у Хейта подобие уважения, почему грабитель и не спешил с нападением. Чужак пришел с юга, из богатого квартала. И когда он появился там, где обитают прокаженные, он был почти голым, если не считать набедренной повязки и какого-то подобия сильно изодранной туники, едва прикрывавшей плечи и спину.

Чужак был заляпан кровью и пеплом, а на его лице красовался большой ожог, еще не до конца заживший. Хейт угадывал в нем человека, подвергшегося сильному воздействию магии. Что ж, не он первый, не он последний.

Сам Хейт, как и большинство его родственников, одно время принадлежал Плегмуту, Мастеру Плоти. Плегмут усовершенствовал природу в соответствии с потребностями сильных мира: с помощью ножа, эликсиров, заклинаний и нескольких низших демонов он превращал обычных людей в монстров, чрезвычайно послушных и полезных. Не все эксперименты Плегмута были успешными (о чем Мастер Плоти не любил распространяться); впрочем, материала для работы хватало, поэтому Плегмут не слишком огорчился, испортив очередной образец. Под рукой у него всегда находился новый объект. А если неудачнику удавалось сбежать, Плегмут закрывал на это обстоятельство оба глаза. Лишь бы в высших кругах Соултрада не ходило о Плегмуте ненужных слухов.

Хейту он пытался придать облик хищного зверя, поэтому ногти на руках Хейта втягивались и выпускались, как у кошки, глаза были искусственно увеличены и сделаны округлыми, а во рту вместо обычных зубов торчали клыки. Но кое-что пошло не так: Хейт унаследовал от прототипа также непредсказуемый и независимый кошачий нрав. Рот у него плохо смыкался из-за слишком длинных зубов, так что жевать нормально он больше не мог, отчего требовал специального ухода – чтобы поддерживать в Хейте силы, необходимо было постоянно варить и измельчать для него мясо, а эта трудоемкая работа быстро надоедала. Конечно, Хейт мог разорвать клыками любую жертву, по при одном условии – он должен быть достаточно крепок физически. То есть, хорошо питаться. Содержать для Хейта отдельную повариху было накладно. А если учесть, что, впадая в раздражительность, Хейт убивал не угодивших ему стряпух, Плегмут в конце концов попросту позволил строптивцу сбежать. Это оказалось наиболее приемлемым исходом для всех.

Он скрылся у своей тетки, известной как Халеда Жировая Гора. Халеда также представляла собой «отход» деятельности Плегмута и точно так же бежала из его лабораторий при полном попустительстве хозяина. Сейчас она представляла собой гигантскую гору плоти и жира, в которой едва можно было различить человеческое лицо – его черты тонули в толстых складках бурой кожи. Приобретенное ценой боли и ужаса уродство окончательно испортило характер Халеды, она сделалась вздорной, злобной, алчной и сладострастной. Удовлетворить свое сладострастие она, по понятным причинам, не могла, и это делало ее еще более неприятной в общении.

Тем не менее Хейт сумел угодить своей тетке. По слухам, он даже вступал с ней в связь, на что никто по доброй воле не решался уже очень много лет. Благодаря этому Хейт и выжил в лабиринтах Соултрада.

Позднее они с теткой открыли таверну, которую называли «Втянутые когти» – в знак мирных намерений. Здесь находили приют прокаженные и изувеченные Мастерами Плоты отбросы. «Втянутые когти» находили на самой границе с кварталом прокаженных. Этих бедолаг по выгоняли, когда они заходили в таверну; для них существовали отдельные столики и отдельная посуда. Впрочем, в Соултраде никто давно уже не боялся проказы. Подчас она представлялась меньшим из зол, какие могут случиться с живым существом в темном городе.

Хейт промышлял грабежами и потому оценил, с какой ловкостью и как безжалостно полуголый чужак справился с хромоногим уличным торговцем, чей плащ, очевидно, глянулся чужаку.

У Хейта имелись серьезные основания предполагать, что плащ этот, длинный, с капюшоном, почти совсем не рваный, принадлежал вовсе не хромоногому; тот также

заполучил его в результате какой-то не слишком честной операции. Во всяком случае, Хейт даже не подумал вступить за соултрадца, когда чужак попросту скрутил того в бараний рог и преспокойно отобрал у него одежду.

Чужак надавал владельцу плаща тумачков и велел убираться, а сам набросил на плечи плащ и быстро зашагал по улицам.

В те часы он оставался еще довольно уверенным в себе. Хейт пошел за ним по пятам, принохиваясь и время от времени возбужденно выпуская когти. Обостренным чутьем хищника Хейт угадывал в чужаке выгодную поживу... оставалось лишь понять, какую и как ее извлечь.

Загонять дичь в темных запутанных лабиринтах Соултрада было одним из любимых развлечений Хейта. Сначала нужно дать добыче возможность почувствовать себя в безопасности. А когда она расслабится и потеряет бдительность, следует создать у нее ощущение надвигающейся беды и ловкими приемами направить в нужную сторону. А там уж и приступить к открытому разбою.

Впрочем, с этим чужаком пришлось изрядно повозиться, воля у него оказалась крепкая. Но постепенно он выбивался из сил. Очевидно, он был ранен. Хейт установил это по тому, как чужак время от времени останавливался и хватался рукой за бок. Ожог на лице у него был старый, а вот рана на боку не давала покоя.

Хорошо, очень хорошо. Хейт облизал губы длинным шершавым языком. Халеда будет довольна. Она любила иногда полакомиться человечинной – так, чтобы поедаемая жертва оставалась в живых как можно дольше и имела возможность наблюдать, как в пасти Халеды исчезают отрезанные от тела пальцы, кисти рук, куски плоти с бедер... Не беда, что «объект» тощ; мускулы у него имеются, а такое мясо нравилось Халеле особенно.

Несколько раз преследуемый останавливался, садился на мостовую и переводил дух. Он, несомненно, очень устал и нуждался в пище и воде.

В конце концов Хейт выскочил прямо перед ним.

Незнакомец поднял на него взгляд.

Хейт присел рядом на корточки.

– Ты, как я вижу, нуждаешься в друзьях, – заметил Хейт.

– Не уверен, что ты пришел предложить мне дружбу, – отозвался чужак хриплым голосом.

– Будущее покажет, – сказал Хейт. – У тебя ведь в любом случае нет выбора. Я единственный, кто решился заговорить с тобой.

Это было правдой: в Соултраде непросто найти собеседника среди незнакомых. Большинство просто шарахаются, если с ними заговаривает чужак.

– Мое имя Эгертон, – сообщил незнакомец.

– Хейт, – представился грабитель. – Я видел, как ты снял плащ с того урода. Неплохая работа, но немного грубая. Никакого изящества, никакой выдумки.

– Ты следишь за мной так давно? – удивился Эгертон. – Тебе что, заняться нечем?

– Видишь ли, я ждал, пока ты ослабнешь, – объяснил Хейт. – В моем ремесле нельзя спешить. Можно потерять хорошее мясо.

– А я, по-твоему, хорошее мясо? – осведомился Эгертон. Казалось, это обстоятельство его озадачило.

Хейт опять облизнулся.

– Да – и нелегкая добыча, поверь мне.

– Приму как комплимент, – улыбнулся Эгертон. Он явно не испытывал страха перед Хейтом. Напротив, грабитель вызывал в нем нечто вроде сострадания.

Эгертон попытался подчинить его себе, но даже и пробовать не стоило: сил у унгара оставалось очень мало, а без кристалла он и вовсе ни на что сейчас не годился.

– Моя тетка держит таверну, – сообщил Хейт. – Хочу пригласить тебя туда. Не в качестве пищи, я имею в виду. В качестве гостя.

– Таверна? Но в таверну я мог бы войти и без всякого приглашения! – воскликнул

Эгертон, поднимаясь.

– О, войти-то ты мог бы, – согласился Хейт, продолжая сидеть на корточках и поглядывая на собеседника снизу вверх. – Но вот в чем вопрос: обслужили бы тебя без денег? Как ты думаешь? И сумел бы ты в конце концов покинуть ее?

– Я нашел бы способ отплатить, – ответил Эгертон.

Хейт поморщился.

– Моя тетка не нуждается в чужих услугах, разве что ты предложил бы ей заняться с ней любовью, но на это пока что никто, кроме меня, не решался, – сообщил Хейт. – Единственное, что могло бы ее заинтересовать по-настоящему, – это твоё мясо.

– Мясо? – переспросил Эгертон.

Хейт гибко поднялся на ноги, потянулся, зевнул, загибая язык колечком, как настоящая кошка.

– Ну да, мясо, плоть, назови, как хочешь.

– Вы поедаете посетителей?

– Только тех, кто приходит без денег, предлагает никому не нужные услуги и не является родней никому из наших знакомых, – поведал Хейт.

– Да, пожалуй, мне следует принять твоё предложение дружбы, – согласился Эгертон.

– Наконец-то ты понял! – обрадовался Хейт. – А вот понял ли ты, что никакой дружбы я тебе не предлагаю?

– В таком случае я убью тебя, – просто сказал Эгертон. – На то, чтобы справиться с одной жертвой вивисекции, моих способностей, полагаю, хватит.

– Ты маг? – Хейт наморщил лоб. – Ты не похож на мага. Я их повидал на своем веку!.. В Соултраде их много... Они носят роскошные темные одеяния, расшитые серебряными узорами, а по улицам передвигаются на носилках или верхом на лошадях, всегда окруженные слугами и охраной. Такой жалкий оборванец, как ты, не может принадлежать к Ковену. Разве что ты – отступник...

– Это они отступники, – сквозь зубы процедил Эгертон. – А я маг.

– Никогда о таких, как ты, не слышал, – признался Хейт. – Если они отступники, то – от чего они отступили?

– От истинного знания.

– Разве бывают ложные знания? Я думал, бывает просто вранье.

– Ложное знание – высший вариант самого обычного вранья.

– Чудно ты выражаешься, маг Эгертон.

– Называй меня просто по имени, – попросил Эгертон и поневоле оглянулся, не слышит ли их разговор кто-нибудь посторонний.

– Мне показалось или ты действительно кого-то боишься? – ухмыльнулся Хейт.

– Если верить тебе, то бояться здесь следует лишь тебя, а ты не внушаешь мне ужаса, – ответил Эгертон.

– Ты ведь откуда-то сбежал? – проницательно прищурился Хейт.

– Да. – Эгертон решил, что выдумывать какую-то другую историю не следует. К тому же сейчас у мага совершенно не работала фантазия. Что бы он ни говорил о своих возможностях, силы его действительно были на исходе, и тратить их на бессмысленную ложь не хотелось.

– От кого же ты удрал, брат?

– Ее зовут Тегамор, – ответил Эгертон. – Она...

Хейт затряс головой.

– Ни слова больше! – прорычал он. – Только не о ней! Я видел ее несколько раз – когда находился у...

Он замолчал и вдруг лукаво улыбнулся. Улыбнулся в ответ и Эгертон.

– Ты ведь тоже беглец, не так ли? – заметил маг. – Моя бывшая хозяйка встречалась с твоим бывшим хозяином?

– Точно, – кивнул Хейт. – Я находился у Мастера Плоти. Это он сделал меня таким. –

Хейт постучал пальцем по торчащим изо рта клыкам. – А потом счел, что я – неудачный образец. И позволил мне удрать. Они никогда и никого не отпускают на волю просто так. Это, как они полагают, ослабит их могущество и развеет страх перед ними. Но убежать от них можно. Они могут закрыть глаза на твое бегство. С тобой было так же?

Эгертон пожал плечами:

– Возможно. Я так до конца и не понял. Во всяком случае, она сказала, что я могу уйти, если сумею.

– И ты сумел?

– Да.

– Потому что ты маг?

– Да, – повторил Эгертон. Он решил не открывать соултрадцу своего истинного лица. – Я маг. И я согласен поработать на тебя, если захочешь, но при одном условии.

– При каком?

– Твоя тетка не станет меня есть.

* * *

В таверне «Втянутые когти» собирались грабители и разбойники всех мастей, рас и степеней магического искажения. Одни хотели обычной выпивки, другие – крови или какого-нибудь иного пойла; встречались такие, кто употреблял в пищу исключительно перебродившие помои; для них содержался особый чан. Лишь немногие хотели обыкновенного хлеба – эта еда считалась деликатесной.

О том, где Хейт добывал свежую кровь, Эгертон предпочитал не задумываться. Хейт представил его хозяйке заведения, и Эгертон, немало повидавший на своем веку, был потрясен видом Халеды, чего даже не попытался скрыть.

– Что, малыш, удивился? – пророкотала гора плоти, глядя на Эгертона сверху вниз. – Не встречал еще таких, как я?

– Нет, – признал Эгертон.

– И не встретишь – я такая одна, – заявила Халеда. Складки на ее теле заколыхались – она смеялась. – Мой племянник говорит, ты маг.

– Это правда, – ответил Эгертон.

– И чем ты занимаешься? Какова твоя специальность?

– Я изучаю мир.

– Не поняла, – призналась Халеда. – Какой в этом прок?

– Я ищу знаний о мире, – повторил Эгертон. – О том, что произошло с Лааром, и о том, что с ним происходит прямо сейчас. Какая-то новая сущность...

Халеда с досадой замахала коротенькой ручкой, выпростав ее из-под тяжелых складок жира.

– Не употребляй при мне таких мудреных слов! Просто скажи, какую пользу ты можешь принести моей таверне.

– Я умею разводить огонь без дров.

– Недурно... Это все?

– Для таверны, полагаю, такое умение весьма полезно.

– Да, но... это все?

– Ничего другого сейчас на ум не приходит, – признался Эгертон.

– И ради этого ты сделался магом? Чтобы разводить огонь без дров?

Халеда, казалось, не верила собственным ушам.

– А ради чего, по-твоему, становятся магами? – удивился Эгертон.

– Ради власти, – объяснил Хейт, встряв в разговор.

Ему очень не понравилось, как тетушка поглядывает на Эгертона. Хейт удивлялся – как сам Эгертон не замечает этого. Халеда явно уже прикидывала, как лучше сожрать бесполезного нахала, явившегося сюда без денег, но с амбициями: сырого с чесноком или,

может быть, закопченного на медленном огне.

– Власть может быть различной, – спокойно проговорил Эгертон. – Та власть, которую дают знания...

– Ладно, будешь разводить огонь, – оборвала его хозяйка заведения. Она отвернулась, сердясь на племянника, – вечно лишает ее угощения! Впрочем, жалеть особо не о чем: приبلудный маг довольно жилистый. Совершенно не сочное мясо. Пусть живет – пока.

Скоро Эгертон познакомился со всеми завсегдатаями таверны, почтенными и не очень: несколькими трупоедами, десятком прокаженных, парой-тройкой существ, которые выглядели бы практически нормальными людьми, если бы не некоторые едва уловимые аномалии в строении их удлинённых черепов... Почти все они относились к магу как к нахлебнику, бесполезному существу. Даже служанка из таверны, безногая Кэгги, презирала его.

Эгертон очень мало ел, но тем не менее набирался сил с каждым днем. Рана на его боку заживала, ожог с лица постепенно сходил.

Через несколько дней после того, как Эгертон водворился в таверне, Хейт разбудил его среди ночи и приказал собираться.

– Куда мы идем?

– На охоту, – объяснил Хейт. – Моя тетка говорит, что ты плохо отрабатываешь свой хлеб. Будешь помогать.

– Что нужно?

– Парализующие чары. Справишься?

– Попробую.

Эгертон набросил плащ и поднялся. Он спал на полу возле очага, в котором трепетал огонь – несмотря на отсутствие дров. Когда маг встал, огонь сразу же погас, и в кухню начал вползать мертвящий холод.

За порогом Хейта уже ожидало несколько существ, среди которых выделялись двое плечистых громил, чьи голые тела маслянисто поблескивали в тусклом свете фонаря. Третьим был горбатый карлик с гигантским носом.

Ни о чем не спрашивая, Эгертон последовал за своими спутниками, которые мгновенно погрузились в спутанный клубок улиц и переулков. Эгертон быстро потерял ориентиры, но Хейт и прочие, очевидно, отлично знали дорогу. Они не шли, а почти бежали, пока наконец не оказались возле городской свалки.

Вокруг огромной зловонной кучи лепились хижинки, выстроенные из мусора, который подбирали прямо тут же, на свалке. В этом квартале обитали самые обездоленные существа Соултрада.

Местное население, порабощенное, запуганное, искаженное темными магами, в большинстве своем не могло иметь потомства. Рождение детей было уделом немногих избранных, и за этим тщательно наблюдали особые маги. Низшие слои населения плодились как попало, но из новорожденных выживали очень немногие, и с каждым годом ситуация ухудшалась. Лишь некоторые производили на свет детей, которым удавалось достичь совершеннолетия и даже продолжить род.

Большинство из них селилось на окраине города, возле свалки, подальше от магов. Все местные обитатели без исключения выглядели больными. Они были меньше человеческого роста, сгорбленные, покрытые бородавками и язвами. Странно было знать, что именно эти существа сохранили способность к воспроизводству.

И тем не менее это было так. Эгертон заметил, что некоторые из них были довольно молоды – они явно родились после Катаклизма.

При виде банды Хейта обитатели свалки с криком разбежались. Хейта это, казалось, никоим образом не обескуражило. Он ожидал чего-то подобного и не препятствовал своим будущим жертвам спастись. Он присматривался, оценивал.

Банда остановилась на пригорке, сложенном из мягкого тряпья, которое проседало под ногами, точно болото.

Эгертон спросил об этом Хейта, и тот подтвердил:

– Следует быть осторожнее, если хочешь выжить: некоторые неосмотрительные господа проваливались в свалку, и она их засасывала с головой... думаю, их трупы до сих пор благополучно гниют где-то там, под отбросами.

Хейт хохотнул, как будто отмолил чрезвычайно удачную шутку, а Эгертон содрогнулся, представив себе подобную смерть. Это намного хуже, чем утонуть в болоте, признался он себе. Впрочем, в намерения тоаданца никоим образом не входило утонуть – ни в болоте, ни где бы то ни было еще, хоть в самой прекрасной хрустальной воде.

Бегство местных жителей показалось Хейту весьма поучительным зрелищем. Он присматривался – кто сильнее, крепче, а кто слабее и, следовательно, подлежит отлову.

– Мы избавляем мир от нежизнеспособных особей, которые только занимают место и поглощают еду, – сказал между прочим Хейт. – Поэтому, кстати, наша банда, – он кивнул, показывая на своих сообщников, верзил и карлика, – и называется иногда «Демоны Квартала Прокаженных».

– Звучит совершенно по-соултрадски, – заметил Эгертон.

Он имел в виду обычное для соултрадцев стремление покрасоваться устрашающими символами, кошмарными прозвищами и прочей наводящей жуть атрибутикой, но Хейт не уловил иронии в голосе собеседника.

– А то! Конечно, по-соултрадски, коль скоро мы здесь живем и процветаем изо всех сил! – Хейт оскалил зубы, что означало у него высшую степень довольства. Когти Хейта то втягивались, то выпускались на всю длину – верный признак того, что их владелец был крайне возбужден. – Ведь кто такие демоны?

– Отвратительные существа, – сразу же ответил Эгертон, – посланцы властителей Тьмы, безмозглые убийцы, те, чья сущность – уничтожение и отрицание. Как говорит... один человек... – Эгертон вовремя решил, что в Соултраде весьма неосмотрительно будет ссылаться на знаменитого инквизитора Феликса Гаптора, и процитировал его знаменитый афоризм, не упоминая авторства: – Каждый демон – это грех, облаченный в плоть.

– Предрассудки, – фыркнул Хейт. – Удивил ты меня, братец! Вот уж не думал, что у магов могут быть подобные воззрения...

– А что, маги – не люди?

– Маги, как правило, не подвержены страху демонов, – ответил Хейт. – Ваш брат всегда умел с ними управляться.

– Кому ты рассказываешь? – Эгертон грустно усмехнулся. – Мне хорошо известно, какие кошмарные эксперименты проводят некроманты из Ковена...

– А сам-то ты разве не принадлежишь к Ковену? – насторожился Хейт. – Я вот все приглядываюсь к тебе и понять толком не могу. Вроде ты совсем как другие ковенцы, только послабее. Ну да ведь и в Черном Ковене не все великие заклинатели!.. Да и сам ты, кажется, постоянно утверждаешь, будто ты – маг.

Эгертон вдруг сообразил, что не следует раскрывать перед Хейтом всю свою сущность. Он просто качнул головой.

– В Ковене существуют разные степени посвящения, – неопределенно ответил он.

Эгертон уже успел понять, что Хейт улавливает, когда ему говорят прямую неправду, однако даже кошачьей интуиции Хейта не всегда хватает для того, чтобы распознать полуправду или уклонение от ответа. В Черном Ковене, как и в любом другом магическом ордене, действительно существовали разные степени посвящения. Поэтому Хейт презрительно щелкнул зубами.

– Ясно... Я так и думал, что ты занимаешь очень низкое положение.

– Вернемся к демонам, – предложил Эгертон. Ему совершенно не хотелось обсуждать ни свою орденскую принадлежность, ни свое отношение к некромантии, ни тем более свой статус в мире магов.

– А, демоны... – Хейт пренебрежительно отмахнулся. – Да, в общем-то, ничего особенного. Я лишь хотел сказать, что демоны – чистильщики вселенной. Не посланцы

Мировой Тьмы, не слуги Мрака и Небытия, как любят болтать трусы и суеверные глупцы. Обычные уборщики. Вроде птицы-падальщика. Видел таких? Демоны приходят в миры, находящиеся на грани уничтожения, и подчищают все, что необходимо. Только и всего. И мы занимаемся тем же самым. Отсюда и название... Смотри!

Он указал на человека, который спасался смешной подпрыгивающей пробежкой.

– Этот долго не протянет в любом случае. Давай, применяй парализующее заклятие! – азартно проговорил Хейт. Он мгновенно выбросил из головы все отвлеченные разговоры. Теперь его интересовала только охота.

Эгертон собрался и нашел внутри себя нужные слова. Из этих слов он вылепил незримый шар, очень небольшой, и, резко выдохнув, оттолкнул шар от себя. Заклятие вырвалось на волю, пронеслось по воздуху и ударило беглеца между лопаток. Ни Хейт, ни его подручные, ни обитатели свалки этого не видели; заклятие оставалось зримым только для Эгертона. Тем не менее оно сработало: несчастный беглец застыл в нелепой позе, с поднятой ногой и раскинутыми руками.

– Отлично! – воскликнул Хейт, бросив на Эгертона уважительный взгляд. – Ты, оказывается, и впрямь кое на что способен.

Эгертон вытер пот со лба. Парализовать беглеца ему удалось, но это забрало больше энергии, чем предполагал Эгертон, и он вовсе не был уверен в том, что способен повторить заклинание. Нужно доставать кристаллы и начать вновь пользоваться силой унгара, и притом как можно скорее.

Между тем Хейт азартно указал ему на женщину, которая притаилась за кучей мусора и, очевидно, в наивности своей воображала, будто ее никто не видит.

– Теперь эту, – сказал Хейт.

– Она выглядит вполне жизнеспособной, – возразил Эгертон. – Ты уверен, что вам как чистильщикам следует брать такой материал? У нее, возможно, еще будет потомство. Неразумный расход материала.

– Делай, что велят! – оскалился Хейт. – Не рассуждай! Если она не сумела как следует спрятаться, значит, ее способность к выживанию крайне низка, а такие особи не должны иметь потомства.

Эгертон вздохнул и снова начал собирать силы для заклинания.

Тем временем верзилы приблизились к парализованному и подтащили его к карлику. Карлик распахнул плащ. Вся одежда под плащом была усеяна карманами и прикрепленными к ткани металлическими держателями, в которых находились ножи, иглы, пробирки, колбы, тонкие трубки из стекла и металла. Приблизившись к парализованному, карлик уселся рядом с ним, скрестив ноги, и, вынув острый нож, сделал небольшой надрез на шее несчастного.

Оттуда потекла кровь. Карлик подставил пробирку и внимательно следил за тем, чтобы ни одной капли не упало на землю или на его одеяние. Пленник бледнел, серел, глаза его мутнели, он обмяк и потерял сознание, а затем дыхание его остановилось – он был мертв. Карлик бережно собрал последние капельки и встал, закрывая пробирку.

– Странно, – проговорил Эгертон, – пробирка кажется совсем маленькой...

Карлик хихикнул.

– Это разработка одного выдающегося мага, ныне вполне покойного и даже развоплощенного, – пояснил он. – Сюда помещается ровно столько крови, сколько находится в одном человеке. Если пролить хотя бы немного, пробирка разорвется и вся добыча выльется на землю. Смысл фокуса как раз в том, чтобы собрать абсолютно всю кровь. Не больше и не меньше. Тогда она вместится в сосуд идеально и в сохранности будет доставлена по назначению... Однако довольно болтовни! Ты ведь, кажется, маг на службе у старины Хейта? Работай!

Эгертону не хотелось признаваться в том, что ему нужно время, чтобы справиться с силами. Он перевел дух и снова посмотрел в ту сторону, где пряталась женщина. Он улавливал ее дыхание, угадывал ее страх.

Она боялась перебежать под защиту более надежного укрытия, потому что в таком

случае ее точно заметят. А так – у нее оставалась слабенькая надежда на то, что сборщики крови её не увидели.

– Этот был староват, – заметил Хейт, оглядывая обескровленный труп. – У таких кровь не слишком вкусна. Впрочем, я ведь не пробовал. Я люблю свежатину, и не в жидком виде, а чтобы было во что вонзить зубы. Кусок мяса, например, или печень – только уж чтоб целиком, а не ломтями...

Он мечтательно вздохнул.

И тут в сборщиков крови полетели стрелы.

Одна впиалась Хейту в плечо. Он вырвал ее и с громким рычанием устремился на стрелявших. Ими оказались пятеро уродцев, кривоногих, с мохнатыми телами, едва прикрытыми одеждой. Их нападение было таким внезапным, что поначалу Эгертон растерялся. Ему почему-то вовсе не думалось, что обитатели свалки в состоянии оказать хоть какое-то сопротивление. И тем не менее это было так. Маленькие обездоленные существа – обездоленные даже по сравнению с прочими ничтожными жителями Соултрада – попытались отстоять свои ничтожные жизни.

Один из плечистых великанов, что сопровождали Хейта, устремился навстречу лучникам. Сразу несколько стрел вонзилось в его грудь и плечи, но он, казалось, даже не заметил этого обстоятельства. Стрелы тряслись в его теле, когда он настиг первого из стрелявших – самого смелого или, может быть, просто недостаточно прыткого, – схватил его своими ручищами и разорвал на части. Хлынула кровь, из разверстого чрева выпали внутренности. Подручный Хейта разинул пасть и преспокойно сжевал кишки, а затем отгрыз убитому еще и руку.

«Трупоед», – подумал Эгертон с отвращением. Его, впрочем, это не слишком удивило. Второй, очевидно, тоже баловался подобными вещами. Для подобных существ трупы – лакомство, а уж лежалые тела людей и человекоподобных существ – ни с чем не сравнимый деликатес.

Эгертон встал и швырнул парализующее заклинание, ни в кого особенно не целясь. Он даже удивился, когда второй лучник застыл неподвижно, направив лук прямо в лицо магу. Тоаданец лишь запоздало сообразил, что находился на волосок от гибели: если бы лучник успел спустить тетиву, стрела вонзилась бы прямо в глаз Эгертону.

– Хорошая работа, – похвалил мага Хейт.

Тем временем трое оставшихся лучников отбежали за мусорную кучу. Второй трупоед надвинулся на них, и маленькие отважные человечки выпустили по стреле в его огромные руки, прежде чем пуститься наутек.

Женщина, прятаясь от нападавших, давно сбежала. Эгертон был рад этому – он боялся промахнуться и растратить остаток сил попусту.

Двух источников крови, как объявил Хейт, будет достаточно. Карлик наполнил кровью второй сосуд, после чего банда Хейта оставила район свалки.

Эгертон видел краем глаза, что за ними следят – следят практически из каждой щели, – но нападать больше не решаются.

Хейт по дороге домой разглагольствовал:

– Коль скоро эти существа могут размножаться, потеря двух или трех для них не так существенна, как для нас. Мы все бесплодны и умножаем свое число только за счет заново инициированных. Взять хотя бы прокаженных...

– Ты не прокаженный, – вставил Эгертон.

Хейт разразился громким хохотом, как будто услышал от мага нечто невероятно смешное.

– Я? Прокаженный? Уж конечно нет! – воскликнул человек-кошка. – Мне-то хорошо известно, кто я такой. Я даже в состоянии вступить в связь с существом женского пола... Но детей у меня быть не может. И ни у кого из нас. А эти плодятся, как крысы. Несправедливо, не так ли? Они ведь даже не привлекательны физически.

Глава четвертая

Итак, он сбежал, этот тоаданец.

Очень неприятно... И весьма любопытно.

Тегамор спустилась в зал на нижнем этаже, уверенная в том, что застанет своего пленника на месте, и обнаружила лишь обрубок руки, свисающий из стены, и лужу крови под ним.

Она щелкнула пальцами, и вспыхнул яркий световой шар, озаривший темное помещение. В синеватом сиянии магического пламени Тегамор отчетливо видела мертвую руку со всеми ее многочисленными неестественными суставами. Сейчас эта рука болталась, как веревка. Пустые, обескровленные жилы посинели и выступили, скрученные, уродливые. Тегамор потянула за руку, и та легко вышла из стены. В лишней конечности отпала всякая нужда. Эгертон действительно сбежал.

– Что ж, – проговорила Тегамор, глядя на то, что валялось перед ней во прахе, – кажется, я и впрямь обещала отпустить его, если он сумеет воспользоваться своим правом. И он сумел. Однако сам бы он с такой задачей не справился. Кто-то помог ему! Кто? Хотела бы я это знать...

Она огляделась в пустой темной комнате, как будто ожидая увидеть ответ на свой вопрос. Но здесь было пусто. Никого, если не считать самой хозяйки дома.

Наступив на горстку пепла – все, что осталось от Бетмура, – Тегамор двинулась к выходу. История эта неожиданно раздражила ее до крайности, и Тегамор знала, что не успокоится, пока не узнает всю правду.

Кто в ее доме, в ее неприступной магической крепости оказался предателем? Неужели этот Эгертон настолько силен, что сумел подчинить себе кого-то из ее слуг? Быть может, он унгар? Однако его тщательно обыскали – при нем не оказалось никаких кристаллов, ни золотых, ни серебряных. Тегамор никогда не слышала о том, чтобы унгар был в состоянии подчинить себе кого-либо, не прибегая к усиливающей магию помощи кристаллов. Но если это все же так... то Эгертон действительно может оказаться опасным.

И тем более опасным, что за время плена он многое выяснил о Тегамор...

В гневе магиня стучала кулаком по стене, пока поднималась вверх, в свою лабораторию. Ей следовало немедленно сделать новые записи в рабочем дневнике. Очень неприятные для ее самолюбия записи. Очень неприятные. Очень. Каждое «очень» она сопровождала новым ударом по стене, все более сильным, пока наконец из костяшек ее пальцев не брызнула кровь.

Только тогда она остановилась, слизнула кровь, облизала губы, задумалась.

Она давно взяла за правило – не пропускать никаких событий при составлении ежедневной записи. От своего учителя, поистине бесценного наставника, она не раз слышала истории о магах, которые снисходили до письменных фиксаций только в тех случаях, когда речь шла об успешных экспериментах и позитивном опыте; что же касается неудач, то они старательно избегали их записывать. «Чрезвычайно большая ошибка, любезная Тегамор, запомни это и никогда ее не совершай! – говорил он, бывало. – В жизни мага не бывает ни случайностей, ни мелочей, и ты должна привыкнуть к этому. Записывай все, что с тобой происходит, и хорошее, и плохое. Записывай даже свои наблюдения за любовниками. Никогда не знаешь, какие именно сведения могут тебе пригодиться. Скажу даже больше – ты никогда заранее не можешь предсказать, что из твоего опыта когда-либо спасет твою жизнь».

У самого учителя не было учеников до Тегамор, и потому он не знал, что ученики бывают очень и очень опасными существами. Особенно – ученики одаренные. Такие, что захотят когда-нибудь занять место учителя. И приложат все усилия, чтобы добиться цели.

Об этом он ни слова не записал в своем рабочем дневнике. Не успел.

А Тегамор, начавшая свою карьеру полноправного мага с убийства, тоже не стала делать подобную запись. Она-то превосходно все помнила... а другим об этом знать совершенно не обязательно.

Но бегство Эгертона – другое дело. Конечно, эта история не делает чести Тегамор и ее проницательности, но она, в общем и целом, не слишком постыдна – и довольно поучительна.

Тегамор подробно занесла в тетрадь все свои разговоры с пленным магом, обрисовала, как могла, его характер и манеру выражаться, высказала свои сомнения касательно того, что унгар в состоянии подчинять себе других без помощи кристаллов, – и тем не менее не утаила своих соображений касательно того, что это все-таки произошло...

И, только дописав последнее слово, отложила перо.

Магиня была крайне недовольна собой. За время долгих бесед с Эгертоном она так и не догадалась, что у него на уме. Не сумела измерить его возможности.

Не поняла, каким магическим потенциалом он обладает. Не уловила в нем дара унгара.

Плохо. Это говорит о том, что Эгертон – более опытный и искусный маг, нежели она. Он скрыл от нее почти все о себе.

Тегамор перелистала дневник, потом взяла другую тетрадь, более раннюю. Вот ее запись, сделанная несколько лет назад, собственноручно (чернила успели уже поблекнуть): «Никогда не следует судить о существе, покуда оно голодно, унижено, или в плену. Истинный нрав раскрывается лишь на свободе». Эту мудрость Тегамор почерпнула из чьих-то чужих рассуждений, потому и вспомнила о ней не сразу.

Попробуем сейчас применить данное рассуждение на практике... Итак, каков же Эгертон на самом деле? Сейчас, когда он на свободе, неплохо бы понаблюдать за ним. Следует поразмыслить, имеются ли к тому какие-либо способы, и если да, то прибегнуть к ним.

...И все-таки, кто же помог ему избавиться от третьей конечности? Кто из домашних оказался предателем?

Тегамор сделала еще несколько заметок в своих тетрадях, а затем взялась за дело, которым занималась уже несколько лет и о котором никому еще не рассказывала: за карту мира. Ничто другое сейчас не могло бы отвлечь ее от бесплодных и раздражающих раздумий о бегстве пленника.

Она составляла новейший магический атлас Лаара, и плоды ее трудов должны будут стать настоящим шедевром. Возможно, очертания береговых линий, рек, расположение городов и горных хребтов и были довольно приблизительными, однако у каждой карты имелись другие, куда более серьезные параметры. С каждого места, которое было отмечено в атласе, Тегамор добывала образцы грунта, воды, растений, а иногда и кусочки плоти обитающих там живых существ. Все это она тщательно вживляла в карту, пользуясь той же методикой, что и при соединении живого и неживого в архитектуре.

Идею подобной карты подал Тегамор еще ее учитель. Он считал, что при определенных обстоятельствах маг в состоянии влиять на природные и погодные условия. Для этого нужно лишь установить связь между местом и заклинателем. Карта, полагал он, создает идеальное пространство для такой связи.

Помимо всего прочего, Тегамор начинала всерьез подумывать о том, чтобы с помощью карты перемещаться в пространстве и узнавать о вещах, которые происходили очень далеко от Соултрада. Возможно также, карта поможет ей раскрывать сущность происходящего. Нужно только поразмыслить над тем, как сделать атлас Лаара еще более эффективным.

В первую очередь сейчас Тегамор интересовали области, зараженные чумой. Ее слуги-«бегуны», которые приносили ей материал для исследований, брали также пробы земли и воды из тех мест, где им доводилось побывать, но чаще всего не могли донести их до места: что-то происходило, и драгоценные мешочки с образцами пропадали. Тегамор не верила, что это случайность.

Некая сила совершенно определенно не хотела, чтобы Тегамор получила возможность оказывать на нее влияние. И чем ближе к очагам чумы были исследуемые области, тем безнадежнее оказывались попытки взять оттуда пробы для карты. Магиня просто с ума сходила от злости, когда думала о том, что некто все время стоит у нее на пути. Некто

достаточно могущественный, чтобы так активно и так эффективно вредить ее работе.

Она опять с силой ударила по стене, и кровотечение из ее руки возобновилось. Проклятие! Тегамор машинально облизала руку и закрыла дневник.

Может быть, ей удастся завербовать Эгертона и отправить его в чумные области? Но как заставить тоаданца сотрудничать с магом из Черного Ковена? Заинтересовать его? Привязать к себе? Может быть, сделать своим любовником? Последняя мысль насмешила Тегамор, и она долго смеялась, девически прикрывая рот ладошкой. Любовником! Этого зануду! Этого уроды с обваренным лицом и красными руками! Да он, поди, даже не знает, как подступиться к настоящей женщине! Нет уж. Даже Вербовщик с его извращенными ласками и щупальцами, свисавшими изо рта, предпочтительнее.

* * *

Эгертон вдруг схватился за грудь. Острая боль сдавила его сердце, и несколько мгновений маг стоял посреди улицы, жадно глотая раскрытым ртом воздух.

– Что это с тобой? – осведомился Хейт. Он сел на мостовую и совершенно по-кошачьи лизнул свою ногу, в которую загнал занозу, пока бежал по свалке.

– Так... – Эгертон подождал, пока боль отступит. Он прошел еще несколько шагов и снова почувствовал удар. Казалось, некто невидимый лупит его тяжелым молотом прямо в бок, совсем близко от сердца. Если уж определять совсем точно, то практически по обрубку третьей руки.

– Ты не болен? – осведомился Хейт с видом величайшего презрения. Человек-кошка относился к больным исключительно как к мясу, причем мясу испорченному.

– Вроде бы нет... Был здоров, когда уходил из дома Тегамор, – ответил Эгертон.

– В таком случае перестань гримасничать, меня это раздражает! – потребовал Хейт.

Он встал и зашагал вперед. Громилы куда-то исчезли, и Хейт не задал ни одного вопроса, когда они вдруг свернули в боковой переулок. Очевидно, между ними существовала какая-то договоренность, обсуждать которую не имело смысла – все обговорено уже давным-давно. Карлик продолжал идти вместе с Хейтом и Эгертоном в сторону таверны.

По пути Эгертон еще несколько раз испытывал ту же боль, но приложил все усилия, чтобы не показать этого своим спутникам. Он уже был готов к тому, что боль может вернуться, и принял меры, чтобы блокировать ее несложным лекарским заклинанием.

Об ее источнике нужно будет подумать отдельно. Эгертон предполагал, что она каким-то образом связана с его третьей рукой – эта мысль напрашивалась сама собой и выглядела наиболее естественной. Тем более что и приступы начинались с обрубка...

Эгертон все еще размышлял об этом, когда впереди показалась таверна «Втянутые когти». Странное дело, это отвратительное заведение вдруг предстало Эгертону чем-то уютным, приятным... безопасным.

Да, ключевое слово «безопасность». Здесь Эгертона, казалось, никто не может тронуть. Не дотянется. Единственное существо, способное причинить ему здесь вред, – это хозяйка, Халеда Жировая Гора. Но племянник убедил чудовищную тетку в том, что тоаданец полезен, и она согласилась. Она его терпит. Она даже согласна признавать некоторые – пусть и очень малые – заслуги Эгертона.

«Дом – это безопасность...» Эгертон вспомнил Пенну, королеву умертвий, воспитанницу солдат, молодую женщину, которая никогда не имела собственного дома. Возможно, именно тяга к оседлости, к жилью, к ощущению безопасности, которое создают стены, отгораживающие человека от всего остального мира, и понудила Пенну отозваться на желание Тзаттога. Ведь Пенна добровольно согласилась раствориться в личности монстра. Он предложил ей то, что не могли дать ни солдаты, ни тоаданец: Тзаттог преподнес ей собственный дом.

И она самовластно царствовала там, в своем мертвом и пустынном королевстве, создавая для себя миры и видоизменяя реальность... до тех пор, пока Эгертон не нашел

способ вторгнуться в ее маленькое царство и не смутил разум королевы. «Твоя власть иллюзорна, твоего королевства не существует. Существует только Тзаттог, и ты служишь ему. Он даже не дает тебе безопасности... Ведь если принц-упырь будет убит – а совершить такое хоть и не просто, но реально, – ты погибнешь вместе с ним. Ты зависишь от него, целиком и полностью. Ты совершила очень большую ошибку, отказавшись от своего тела».

Все это Эгертон сказал – или хотел бы сказать – Пенне...

Он все еще был погружен в раздумья об этой странной девушке, когда вошел в таверну.

Халеда уже пронзительно кричала из своих апартаментов, требуя, чтобы Хейт немедленно предстал перед ее заплаканные жиром глазки и доложил о том, как прошла операция. Хейт, изгибая спину и выпустив когти, устремился на зов тетушки. Не следовало заставлять ее ждать.

Карлик поставил два сосуда с кровью на стол.

– Принеси кувшины, что ты ждешь! – накинулся он на Эгертона.

Это были первые слова, с которыми карлик обратился к магу, и Эгертон не без удивления услышал в голосе маленького человечка неприкрытую ненависть.

Откуда она взялась, чем продиктована? Лучше, наверное, даже не задумываться над этим.

Эгертон подошел к полке и снял с нее два кувшина. Мельком подумал о здешней служанке: наверное, Кэгги будет тоже недовольна, скажет, что недотепа-маг, которого приютили исключительно из милости, взял не те кувшины. Здесь, в таверне на границе квартала прокаженных, с магом совершенно не считались. Они просто не понимали, с кем имеют дело. А может, и понимали – да только существуют в мире такие места, где плевать все хотели и на магическое могущество, и на мудрость, и даже на красоту; здесь имеет значение только статус старожил.

Эгертон поставил кувшины на стол. Карлик наблюдал за ним, неодобрительно шурясь, а потом буркнул:

– Маловаты. Возьми другие, недотепа. Эти маловаты.

– Да в них ты сам поместишься, если твою голову вбить поглубже в плечи! – взорвался Эгертон.

Глаза карлика засверкали яростью.

– Я тебе велел подать другие! – процедил он сквозь зубы.

Эгертон рассмеялся и подчинился. Ему нравилось бесить карлика. Если тот по какой-то причине с первого взгляда возненавидел тоаданца, то пусть у него, по крайней мере, будет хотя бы малейший повод.

Наконец карлик перелил кровь из сосудов и уселся, развалившись, на скамье. Судя по его виду, работа, на которую он подрядился, была завершена и теперь он ожидал оплаты.

Эгертон устроился на другой скамье. Из комнаты Халеды слышались громкое мурчание, кошачьи вопли и время от времени – грохот разбиваемой посуды. Там явно что-то происходило... и вмешиваться в это не стоило.

Карлик все больше раздражался. Эгертон с любопытством наблюдал за ним. Сперва у карлика покраснел кончик носа, потом побагровели его уши. Краска медленно напозла на щеки, и их землистый цвет сменился бурым. Глазки начали светиться, рот втянулся еще глубже, а подбородок выпятился. Эгертон хмыкнул, и тогда карлик взорвался:

– Я жду оплаты!

– Жди, – спокойно отозвался Эгертон. – Я ведь здесь не хозяин, такой же приبلудыш, как и ты.

– Я не приبلудыш! – заорал карлик. – Я достойный член общества.

– О, в таком случае ты можешь ждать оплаты, – сказал Эгертон. Ему было интересно, как поведет себя карлик дальше.

Тот несколько минут буравил своего дерзкого собеседника взглядом, а потом совершенно спокойным тоном произнес:

– Я жду оплаты.

– Я не могу тебе заплатить.
Карлик приподнялся:
– Да ты здесь как раз для того, чтобы заплатить мне...
– Если у меня есть то, что тебе нужно, и я соглашусь это отдать... – начал было Эгертон, но карлик перебил его:
– Мухи.
– Что? – не понял маг.
– Мухи. Большой кувшин давленных мух. Дай их мне.
– Где он стоит?
– Нигде, болван. Ты должен наловить их, раздавить и подать мне.
– Хейт ничего не говорил мне о мухах, – возразил Эгертон.
Карлик покачал головой:
– При чем тут Хейт? Он сильно занят, насколько мы можем слышать... Я говорю о тебе. Я говорю тебе о мухах. Дай их мне.
– Но у меня их нет, – сказал Эгертон.
Карлик задумался. Потом улыбка появилась на его бледных губах:
– Ты уверен?
– Вполне. Если бы мухи у меня имелись, я бы первый узнал об этом, – заверил его Эгертон.
– Ну так налови их! Для чего ты здесь находишься? Налови мне мух, раздави их, сунь в кувшин... Все-то тебя надо учить!
Эгертон не мог понять, серьезно говорит карлик или это у него такой способ подшутить над новичком. В конце концов маг принял единственно возможное решение: он создаст мух при помощи заклинания, а если это была шутка – что ж, карлик все равно съест их целый кувшин, после чего, наверное, утратит всякую охоту так шутить.
Эгертон сосредоточился. Мухи загудели в его сознании. Сотни, тысячи мух. Отвратительных мух, слетевшихся на гнилое мясо. Некоторое время Эгертон удерживал их в туче, а потом хлопнул в ладоши, и мушиные трупы посыпались на стол, как из рога изобилия.
Карлик радостно завопил и застучал кулаками о стол. Потом высунул очень длинный и липкий язык и принялся слизывать мух прямо со стола. Собрать добычу в кувшин явно не требовалось.
Явился Хейт, красный, распаренный, возбужденный. От него еще шел пар. Застав карлика за столь непотребным занятием, Хейт раскричался:
– Ты что, с ума сошел? Сейчас тут все будет липким от твоих слюней! Немедленно прекрати! Кто это ест прямо со стола? Смахни всех мух в тарелку и кушай, как все приличные люди!..
– Я сейчас, я быстренько, – бормотал карлик, выстреливая языком. – Я скоро уже закончу. Я тут все приберу. Вот он приберет...
Он кивнул на Эгертона.
Хейт как будто вспомнил о существовании мага и напустился на него.
– Как ты мог устроить ему всех этих мух у меня в таверне? Ты хоть представляешь себе, сколько времени займет уборка? Эти слюни... они повсюду. – Он коснулся ладонью стены, и ладонь прилипла. – Когда наш маленький дружок кушает, он брызгает так, что... Что теперь делать? Мы не успеем прибраться до прихода Вербовщика!
– Я попробую, – обещал Эгертон. Он с трудом сдерживал смех. И злобный прожорливый карлик, и вспылчивый человек-кошка показались ему вдруг давно знакомыми – и очень забавными существами. Несмотря на все, чем они промышляли.

* * *

Вербовщик был в своем роде Эгертону знаком – Эгертон ощущал его присутствие в

доме Тегамор, когда Вербовщик там появлялся, и даже знал, чем именно тот занимается с хозяйкой. Во всех деталях.

И это порой отравляло Эгертону жизнь как ничто другое. Но воочию Эгертон видел это существо впервые.

Обычно Вербовщик приходил в таверну «Втянутые когти» отдохнуть. Посидеть, расслабиться, побеседовать... Это был почетный гость и постоянный клиент, так что к его появлению в таверне готовились заранее.

И первое, что делали, — это изгоняли прокаженных: Вербовщик их просто не переносил. Не потому, естественно, что боялся болезни; просто ему не нравился их запах.

Он вошел в таверну властно, как ночь, и пространство до отказа заполнилось его присутствием. Рослый, в длинных просторных одеяниях, расшитых странным, похожим на вырванные когти узором, Вербовщик размашистым шагом прошествовал через все помещение и уселся на высокое кресло у стены возле очага. Эгертон, прятаясь в тени, разглядывал его с огромным интересом: плоское лицо, узкие щелки глаз, раздавленный нос, а из углов рта свешиваются мясистые щупальца, придающие Вербовщику сходство с сомом. Трудно было угадать, каких очертаний тело скрывает просторная одежда, но пару раз драпировка ложилась таким образом, что Эгертон видел острые углы: горб, обрубок, торчащие кости — сложно даже предположить, что чем это могло оказаться на самом деле.

Пальцы у Вербовщика были длинные, с лишней фалангой, и Эгертон сразу заподозрил, что здесь не обошлось без магического вмешательства.

Впрочем, в Соултраде почти все живые существа были изменены магией, так или иначе.

Служанка принесла кувшин с кровью и, сгибаясь в три погибели, лишь бы не глядеть в глаза Вербовщику, подала ему угощение. Он внимательно рассмотрел служанку, пощупал пальцами ее шею, усмехнулся и отпустил. На полусогнутых ногах та отползла подальше, а потом стремглав бросилась бежать прочь. Вербовщик расхохотался и сделал большой глоток из кувшина.

— Недурно же вы меня встречаете! — проговорил он. — Сразу видно, готовились! Хорошо быть долгожданным гостем, ничего не скажешь! Эй, хозяйка!

— Уже везу! — закричал из глубины дома Хейт.

В помещение вплыла Халеда Жировая Гора. Она восседала на кресле, целиком утонувшем в складках ее жира. Хейт, багровый от натуги, толкал кресло сзади, чтобы тетушка могла явиться почетному гостю и самолично выразить ему свою радость.

— Халеда! — воскликнул Вербовщик. Его щупальца встопорщились и потянулись к лицу хозяйки, но в последний момент отдернулись и опять обвисли. — Я счастлив видеть тебя в добром здравии.

— Что ты называешь добрым здравием, старый греховодник? — проскрежетала Халеда. — Ты проводишь жизнь среди трупов, а уж их-то здоровыми никак не назовешь!

— Многие из них некогда принадлежали вполне здоровым людям, — хмыкнул Вербовщик. — Кроме того, достигнув твоих-то лет, пора бы знать, что трупы никогда не хворают. Да и вообще, не тебе, старая карга, судить об этих материях. Что ты знаешь о здоровье и нездоровье? Вот насчет ума у мертвяков и впрямь плоховато... Да что с них взять? Большинство тех, с кем я имел дело, при жизни были всего лишь простыми солдатами.

Он говорит о Легионе Смерти, сообразил вдруг Эгертон. О Легионе сил Тьмы, который весь состоит из нежити... И всему виной маги Соултрада, а если говорить точнее, то некроманты Ковена. Это ведь они сразу же после Катаклизма отправились в самый эпицентр бедствия, чтобы заняться там некромантией. Ну еще бы, такие возможности вдруг открылись перед ними! Горы трупов! Целые армии погибших! Как упустить счастливый случай?

То, что произошло потом, можно считать возмездием. Справедливой карой за самоуверенность. Тысячи убитых в сражении солдат восстали и разорвали на части всех некромантов-неудачников из Ковена. (Туда им и дорога... Не зря ведь существуют запреты

на некоторые магические действия...)

Ковенцы поплатились жизнями за свою самоуверенность, но все же назвать их полными неудачниками было нельзя, поскольку результаты их эксперимента никуда не делись. Ожившие мертвецы остались на Лааре и создали для прочих существ, очень мягко выражаясь, серьезные проблемы. Поистине, то были грандиозные результаты! Целая армия нежити возникла на многострадальной земле. И возглавил ее могущественный призрак Шаггон, у которого осталась лишь одна забота – нехватка толковых командиров. Призраки, упыри, големы, зомби и прочая шушера не обладают достаточным интеллектом, чтобы командовать другими; единственное, на что они были способны, – это подчиняться и выполнять приказы. Впрочем, иной раз и подчинить их стоит некоторого труда.

Выход был найден довольно скоро. По всему Лаару странствовали унгары, готовые предлагать услуги – свои и подчиненных им существ – тому, кто больше заплатит. Унгары представляли собой идеальных кандидатов в командиры армии Шаггона. В зависимости от силы дара и от того, насколько велики кристаллы, которыми они обладали, унгары могли командовать десятками, а то и сотнями безмозглых тварей.

Отряд, состоящий из подчиненных существ, действовал как единый организм, как единое тело, а разум этого тела заключался в плоти одного-единственного унгара. Это было удобно и уже доказало свою эффективность.

Командиров Шаггону поставляли вербовщики. Сам призрак, невзирая на все его могущество, был прикован к Урангрунду и не мог покинуть черную крепость...

По всему Лаару – и прежде всего, конечно, по Темной его стороне, – вербовщики Шаггона разыскивали тех, кто способен был управлять мертвяками и прочей нежитью, и приводили их под знамена своего повелителя. Некоторых он инициировал – обращал в личей или магов-скелетов... Участь не такая уж незавидная, как могло бы показаться какому-нибудь полудохлому приверженцу Света; многие из не-мертвых командиров стали по-настоящему выдающимися полководцами. Среди них были поистине великие унгары, а возможностей для проявления дара в армии Шаггона было предостаточно.

...Вербовщик взял предложенный ему кувшин и вылил в разинутый рот кровь широкой струей. Отчетливо ударил в ноздри запах падали. Вербовщик шумно проглотил питье, удовлетворенно крикнул и воскликнул:

– Люблю с гнильцой! Иногда хочется хлебнуть тухлятины... Сейчас попробую угадать, чья это кровь. – Он просмаковал последний глоток, как истинный ценитель, причмокнул губами. – На молодую женщину не похоже... Парень. Да, парень. И притом из тех, кто может иметь детей. У таких привкус, знаете, эдакий... с кислинкой. Забавно! Жаль, что эту способность нельзя заполучить, сожрав кого-нибудь или выпив его кровь. Эй! – рывкнул вдруг Вербовщик на Хейта (который, впрочем, нимало не убоился). – Прав я насчет парня-то? Кого ты выпотрошил ради меня?

– Ты, как всегда, абсолютно прав, Вербовщик, – угодливо поклонился Хейт. – Это был молодой мужчина, способный к воспроизводству.

А Халеда рассмеялась, и ее ужасное огромное тело заколыхалось.

Вербовщик хмыкнул, его усы густо налились кровью.

– Я ведь знаю, о чем вы тут думаете! – заявил он. – Занимаетесь вашими маленькими делишками и надеетесь отсидеться в своих норах... Ну так не надейтесь! Грядет воистину великая битва, и в этой битве навстречу нам выйдут силы, которых мы еще не видели... Недалеко от Урангрунда...

Вербовщик вдруг замолчал, как будто вовремя спохватился и теперь поздравлял себя с тем, что не разболтал лишнего.

– Ты угощайся, угощайся, – сказал Хейт.

Новая боль скрутила Эгертона. Во время всего этого разговора тоаданец находился поблизости. На него не обращали внимания: Хейт привык к тому, что маг влачит жалкое существование и, в общем-то, не стоит даже тех отбросов, которыми его кормят из милости, а Вербовщик попросту принимал его за прислугу.

Болело так нестерпимо, что Эгертон едва не вскрикнул. Ему казалось, будто некто незримый вонзает в его грудь раскаленные прутья. Что бы это ни было на самом деле, оно могло причинить в дальнейшем серьезные неудобства. А что, если приступ настигнет Эгертона в неподходящий момент, когда нужно будет быстро действовать, применять магию или просто сражаться – физически? Последствия могут оказаться самыми плачевными.

Эгертон закрыл глаза, переживая атаку боли, и вдруг как будто наяву увидел Тегамор. Магиня сидела у окна в своей башне, в лаборатории, заваленной свитками и тем, что на первый взгляд могло бы показаться обычным мусором: сушеными листьями, горстями земли, обломками веток. В первое мгновение Эгертону подумалось, что Тегамор намерена соорудить чумной тотем, настолько похожей на эти жуткие овеществленные предвестия скорой гибели была гора предметов, в которой копалась хозяйка лаборатории. Однако она, похоже, даже представления не имела о чумных тотемах. Впрочем, никто не может понять, что это такое, если не увидит воочию.

Раздосадованная какими-то помехами в своей деятельности, Тегамор с силой всадила кинжал в стену комнаты. Лезвие из магического металла легко вонзилось в камни. Оно и было, как с удивлением понял Эгертон, источником его боли.

Он сохранил связь с домом, с которым сросся, когда у него имелась третья рука! С одной стороны, это, разумеется, создавало проблемы. Тегамор могла причинить ему вред в любой миг, когда только ей вздумается. С другой – Эгертон при желании получал возможность наблюдать за магиней и видеть все ее поступки. Или не все? Кое-что он слышал и ощущал, пока находился в заточении. И происходило это благодаря третьей руке. Сейчас третья рука «мертва» (если можно так выразиться о конечности), но обостренная чувствительность во всем, что касается дома Тегамор, похоже, сохранилась. Если не стала еще более острой.

Нужно научиться блокировать эти ощущения, иначе дело может повернуться слишком уж неприятной стороной. Как бы Тегамор не вступила с ним в ментальный поединок волею и не подчинила его себе.

Тегамор выдернула кинжал из стены и потыкала им в кончики своих пальцев. Выступила кровь. Магиня облизала руки, нарисовала красной капелькой узор на своем лице и снова наклонилась над кучей мусора. Возможно, некоторые элементы можно вживить в карту при помощи собственной крови... Сейчас она работала именно над этим.

«Карта? – подумал Эгертон. Он был уверен в том, что не ошибся, – Тегамор составляет свою магическую карту? Пытается соединить живое и неживое? Близкое и отдаленное?»

Он видел ее обнаженной по пояс, с кинжалами, «живущими» в ее теле. Тегамор зашла довольно далеко в своих исследованиях, а чем может оказаться подобная карта – об этом Эгертон догадывался. В руках честолобивого мага она станет ужасным оружием. Если Тегамор преуспеет, она научится насылать бури и ураганы, способные разметать армию в считанные минуты, а может быть, и сумеет перемещаться на любые расстояния в мгновение ока.

Тем временем боль отступила, и Эгертон снова начал прислушиваться к тому, что происходило у него перед носом. Там ничего нового за время «отсутствия» мага не случилось: Вербовщик продолжал разглагольствовать, Хейт слушал и подавал ему все новые угощения, а Халеда бессмысленно хохотала, сотрясаясь всей своей жирной тушей.

– Среди людей на Светлой стороне ходят слухи о том, что появились какие-то там «Ангелы Света», – рассказывал Вербовщик. – Весь Тугард, вся степь в сильнейшем возбуждении, а их император Орвас, как обычно, зашевелился. Очень шустрый человечек. – Он хмыкнул. – Как всегда, его главная задача – «противостоять Тьме». Он старательно собирает армию. Больно наблюдать за тем, как он там копошится. – Вербовщик скривил рот, изображая то, что, по его мнению, должно было считаться гримасой страдания, а затем оглушительно расхохотался. – Конечно, мы не можем принимать всерьез всю эту армию уродцев, слабаков и недобитков, однако Шаггон считает, что мы обязаны выступить и покончить с Орвасом и с Тугардом раз и навсегда. Великий Шаггон, естественно, прав, и моя

задача – поиск унгаров, которые могли бы служить Шаггону верой и правдой...

Вербовщик был сильно пьян и удручающе многословен.

– В любом случае мы, очевидно, видимся в последний раз, – заявил он наконец.

– Почему, о великолепный? Нам будет не хватать тебя! Каждое твое появление в нашей таверне – огромный праздник! – засуетился Хейт.

Он был по-настоящему обеспокоен: ведь Вербовщик был высокопоставленным покровителем, потеряв которого таверна лишится своего статуса в квартале.

– Потому что каждый воин на счету у Шаггона, – напыщенно промолвил Вербовщик.

Неожиданно Эгертон принял решение.

– Возьми меня с собой, – попросил он Вербовщика.

– Тебя? – Вербовщик медленно повернулся в его сторону. – Тебя? Да ты хоть понимаешь, о чем просишь, несчастный?

– Да, – вмешался Хейт, который вдруг осознал всю ценность Эгертона, – ты понимаешь хоть, к кому ты обращаешься с подобной просьбой? И что означает такая просьба?

– Такая просьба означает, что я больше не буду поддерживать огонь в твоём очаге без дров, – ответил Эгертон. – Она также означает, что я уйду из вашей богами позабытой дыры и увижу существ воистину могущественных и сильных. Возможно, я даже получу под свое начало отряд какой-нибудь нежити, которая будет мне подчиняться и поможет совершить подвиги во славу Шаггона.

– Шагат, – поправил Вербовщик с важным видом. Его усы извивались от удовольствия, – Отряд в нашей армии называется шагат. Но получить его в свое командование не так-то просто. Или ты полагаешь, что одного высказанного желания достаточно?

– Я этого не считал и никогда не буду считать! – ответил Эгертон. – Но я – маг, и ты можешь убедиться в этом. Впрочем, я не хотел бы тратить силы попусту.

– Убедить меня – не означает потратить силы попусту, – важно отозвался Вербовщик. – Какой магией ты владеешь? Ты не похож на ковенца!

– Я... просто владею магией, – ответил Эгертон. Ему не хотелось называть орден Тоа-Дан – кто знает, к каким последствиям это может привести здесь, на Темной стороне Лаара.

– Разве такое бывает? – усомнился Вербовщик.

Эгертон наклонился к нему и прошептал так, что расслышал его лишь Вербовщик, а Хейт, как ни настаивал на своих кошачьи уши, не уловил ни единого слова:

– У меня есть дар унгара.

– Покажи мне, – одними губами ответил Вербовщик.

И сделал то, на что так рассчитывал Эгертон: вынул из-за пазухи и украдкой вложил в руку Эгертона горстку небольших кристаллов. Совсем маленькую – как раз хватит подчинить себе одно своевольное существо.

Хейту показалось, что Вербовщик дает Эгертону деньги. Он презрительно усмехнулся:

– Я так и знал! Эгертон будет показывать свои фокусы за плату.

– Точно, – сказал Эгертон и посмотрел ему в глаза.

Поскольку Хейт даже не подозревал, что у его прислужника имеется дар унгара, он не отвел глаз. Разумеется, Хейту не нравилось, когда кто-либо смотрел ему вот так прямо в глаза. Подобно всем кошкам, это существо воспринимало прямой взор как вызов, как дерзость, как стремление утвердить свое превосходство.

Хейт хотел было отвернуться... и не смог. Короткая ментальная схватка завершилась полной победой Эгертона. Человек-кошка застыл, безвольно вытаращившись на мага. Странное беспокойство охватило Хейта. Он ничего не понимал. Только что Эгертон вызывал у него разве что желание посмеяться, но теперь все необъяснимым образом изменилось. Теперь при виде Эгертона тепло разливалось по всему естеству Хейта. Его неудержимо влекло к бывшему прислужнику. Во всем мире не нашлось бы создания, которое было бы Хейту дороже, чем тоадаец.

– О, мой прекрасный! – пробормотал Хейт. – Чем я могу угодить тебе?

– Начнем с мелочей, – улыбнулся Эгертон.

Использованные кристаллы, обратившись в прах, тонкой струйкой высыпались из его кулака.

Улыбка повелителя наполнила Хейта неумеренным восторгом. Он подпрыгнул на месте и хлопнул себя по бокам ладонями.

Пожалуй, тоадавец чуть-чуть перестарался. Так, самую малость. Но он слишком долго скрывал свой дар, да и кристаллы, которые вручил ему Вербовщик, оказались достаточно действенными, золотыми, не серебряными. Ну и кроме всего прочего, Эгертону действительно нужно было произвести по-настоящему сильное впечатление. А когда имеешь дело с такими, как Вербовщик, требуется эффектная демонстрация.

– Принеси-ка мне хорошие сапоги, – велел Эгертон.

Хейт принялся вертеться по сторонам, лихорадочно соображая, какие именно сапоги достойны венчать собой сиятельные ноги повелителя. Наконец он уверенно снял с себя собственные.

В заплывшей жиром голове Халеды мысли передвигались медленно, как будто им приходилось преодолевать тяжелые препятствия в виде складок и целых желтых комков мертвой плоти. Но когда хотя бы одна мысль ухитрялась добраться до цели, до средоточия воли Халеды, то изгнать ее оттуда было уже невозможно. Эгертон знал об этом ее свойстве. Оно, в частности, сильно затруднило бы ему процесс подчинения Халеды, поэтому Эгертон и начал свою работу с Хейта. Пока тетка человека-кошки не сообразила, что происходит нечто по-настоящему неладное, время есть.

С идиотской ухмылкой Хейт взял сапоги в зубы и подполз к Эгертону. Тот отобрал у него ношу и переобулся.

– Я был недостаточно хорошим? – испугался Хейт. – О прекрасный господин, доставь мне наслаждение, накажи меня! Я умоляю тебя – избежь меня! Отхлещи меня плетью! Где-то тут у нас была замечательная плеточка, такая – со свинцовыми шариками... Истекая кровью, я буду благословлять тебя!..

Он схватил руку Эгертона и поцеловал. Затем перевел глаза на его лицо.

– Я могу поцеловать тебя в любое другое место, куда захочешь, – прошептал он. – Ты прекрасен всеми своими частями... О мой великий господин! О желанный, вожденный господин!

– Не смей меня целовать! – заорал Эгертон, выдергивая руку и отшатываясь. – Иди ты под лед со своей плеточкой!

Да, похоже, он действительно перестарался. Впрочем, «клиенту» нравилось – Вербовщик хохотал, запрокинув назад голову.

Халеда сдвинула брови.

– Ты отдал этому прилюдному магу свои сапоги? – медленно спросила она.

– Это мой господин! – взвизгнул Хейт, – Тот, кого я...

– Молчать! – рявкнул Эгертон.

– Я был недостаточно плохим! – Хейт казался безутешным. Он заламывал руки и метался по всей таверне, роняя посуду и опрокидывая мебель. – Я был недостаточно плох, и мой господин не хочет отхлестать меня!

Халеда беспокойно заворочала головой на толстой короткой шее. До нее стало доходить. Особенно ее впечатлило то обстоятельство, что дорогой племянник вдруг ни с того ни с сего решил расстаться с такой чудесной обувью. Более чем эксцентричное поведение Хейта пока что не производило на Халеду впечатления. Племяннику случалось и не такое отмачивать.

– Уф-ф! – выдохнул Вербовщик. – Ну ты и шутник!

– Я не... – Эгертон был весь красный.

– Ладно, надеюсь, с солдатами ты будешь управляться ловчее. – Вербовщик хохотнул в последний раз и вытер лицо. Его усы встопорщились. – Что-нибудь еще ты можешь, маг?

– Я могу вызывать огонь, – заявил Эгертон.

Хейт следил за ним преданными глазами, как будто боялся упустить хоть слово.

– Не слишком мощное умение, не находишь? – Вербовщик поморщился. – Ладно, твое дело – получать приказания от Шаггона и передавать их солдатам. Сумеешь управиться с полусотней? Кристаллы для тебя я добуду. У нас имеются хорошие поставщики.

– Полагаю, да, справлюсь. Проверим. – Эгертон расправил плечи.

– Иногда после таких проверочек, знаешь ли, от проверяющего не остается даже косточек, – сказал Вербовщик. – Слышал про такое?

– Слышал, – не стал отпираться Эгертон. – Но я почему-то не боюсь. Кроме того, моя огненная магия... Ты можешь не верить, но зачастую ее оказывается вполне достаточно, чтобы охладить чей-нибудь пыл.

Хейт зашелся в приступе верноподданнического смеха, показывая, что оценил юмор своего господина. Огненная магия охлаждает пыл! Надо будет запомнить и внести в какие-нибудь летописи. Чтобы и потомки имели возможность по достоинству оценить Эгертоново остроумие.

Халеда пророкотала:

– Ну все, хватит! Кажется, нас тут дурачат!..

– Когда перед врагами вырастает огненная стена, они поневоле отступают, – сказал Эгертон, косясь на хозяйку таверны. Если Халеда сейчас набросится на него, то Эгертону придется выпрашивать у Вербовщика новую горсть кристаллов и прибегать ко второй демонстрации, а это может иметь куда более серьезные последствия, нежели безумно влюбленный в него Хейт, умоляющий отхлестать его плетью. Но хуже всего ему придется, если у Вербовщика больше нет кристаллов. Халеда просто сожрет незадачливого мага живьем.

– О, – промолвил Вербовщик, – огненная стена? В самом деле? Если так, то ты – очень серьезный парень. И шутки твои мне тоже нравятся.

Эгертон медленным движением соединил ладони. Саламандры закопошились у него под кожей.

– Ты целиком и полностью убежден в том, что желаешь увидеть, на какие я еще дела способен? – поинтересовался Эгертон. – Просто потом может быть поздно.

– Оставь в покое моего прекрасного господина! – Хейт умоляюще посмотрел на Вербовщика. – Не надо дразнить его. Он так велик, так могуществен! Мы все сгорим в лучах его великолепия...

– Да что тут, хвост химеры, творится?! – зарычала Халеда. – Вы чем тут, грязные вы ошметки, занимаетесь? Клянусь задницей кваггера, вы еще хуже чем то, что оттуда вываливается! Какое «великолепие»?! О чем ты лепечешь, Хейт? Опомнись! Ты подобрал этот кусок блевотины на улице и притащил сюда, потому что он знал кое-какие заклятия. А теперь ты отдаешь ему сапоги, и...

Эгертон развел ладони, выбрасывая наружу саламандр. Пламя вырвалось на волю огромными клубами. Огонь развернулся во всю ширь, и посреди таверны встала оранжевая стена. Мгновенно занялась крыша, а затем один из языков пламени лизнул Халеду Жировую Гору. Чудовищная женщина закричала, жир начал плавиться и вытекать из нее, заливая все вокруг. Огонь радостно трещал, подпрыгивая на жировых лужах: это было истинное пиршество для пламени.

Хейт бросился к выходу, но пламя настигло и его, и живой факел с диким воем метался по комнате, а затем споткнулся и затих на полу.

Вторая половина таверны оставалась в неприкосновенности, и там находились Эгертон и Вербовщик (а также служанка Кэгги, которая быстро сообразила, на чьей стороне удача, и перебралась ближе к Эгертону еще во время его спора с Вербовщиком).

Эгертон подождал еще немного, затем щелкнул пальцами, и огонь погас.

– Впечатляет, – проговорил Вербовщик и допил кровь из кувшина.

Глава пятая

Эсайас Новер, рыцарь Сеггера, уже в который раз оглядывал свое воинство. Эсайас ехал на коне впереди отряда, который редел с каждым днем. С самого начала, отправляя солдат в трясины Исхара, adeпты Алого ордена предупреждали: поход будет опасным, практически безнадежным, но не выступить нельзя. Иногда мужество обреченных все же одерживает верх над обстоятельствами.

Эсайас вызвался добровольно. Для него это был единственный и самый серьезный шанс оправдать свое существование. Ведь смысл жизни рыцаря – подвиги. Младший сын знатного рода, он имел право носить на своих знаменах символ Тугарда – красного орла в круге; его плащ был благородного красного цвета, так что солдаты видели своего командира издалека. Эсайас был человеком гордым. Его угнетала необходимость оставаться «младшеньким» в родительском гнезде. Старший брат давно уже занимал высокие посты в армии, средний все время болел и подумывал о том, чтобы уйти в монастырь, где он мог бы служить Сеггеру, переписывая книги. Все это никоим образом не подходило Эсайасу. Ни земель, ни другого имущества ему не унаследовать. Да еще имелось одно обстоятельство...

Дело в том, что в довершение всех бед Эсайас был любимцем матери. Она всегда жалела и баловала меньшого сынка. Эсайас втайне стыдился этого и старался, как мог, уклоняться от материнских объятий. Маме ведь не объяснишь, что ты уже воин, что ты взрослый, что ты держишь в руке копьё и меч так же уверенно, как и отец. Впрочем, напускная суровость отнюдь не спасала беднягу Эсайаса от насмешек со стороны старших братьев, замковых воинов и даже кое-кого из прислуги (включая юную прачку, очаровашку Клэм, с хорошенькими ляжками и кругленькими озорными глазками).

В конце концов Эсайас объявил домашним, что намерен стать рыцарем Сеггера и отправляется в обитель Святого Арвинна, дабы там своим оружием, своей доблестью, своей плотью, своей жизнью и своим именем послужить Свету. Отец одобрил это решение, старший брат на время прекратил издевательства, средние братья начали именовать Эсайаса «святым Эсайасом», а также «преподобным Эсайасом», а хорошенькая Клэм пролила целых две слезинки, после чего Эсайас почувствовал, что он совершенно утешен.

При расставании с любимцем мать отчаянно рыдала, не стыдясь ни домашних, ни слуг, ни солдат, прибывших, чтобы проводить Эсайаса на место его нового служения. Она была уверена в том, что никогда больше не «обнимет сыночка». «Сыночек» сурово хмурился. Он сделал свой выбор. Он посвятил свою жизнь и свою смерть церкви Сеггера. Он намерен служить божеству света как воин, не как церковник; его дело – сражаться там, где укажут святые братья.

А уж братья-то ему указали...

Темные силы опять начали собираться воедино на болотах, и предводительствовала ими некая жуткая сущность, которую называли принцем-упырем. Теперь имя Тзаттога было уже известно в Тугарде. Тзаттог сам позаботился об этом, прислав в обитель Святого Арвинна – монастырь-крепость, что стоял на границе степи и болота, – своего глашатая.

Эсайас с содроганием вспоминал тот день...

Тогда молодой рыцарь только-только прибыл к святым братьям Алого ордена и выказал намерение жить и умереть ради Сеггера. Эсайаса встретили как брата, с почетом и радостно, отвели ему покои весьма скромные, но удобные и чистые, дали даже прислугу, молчаливого молодого брата, который приносил рыцарю умывание и следил за тем, чтобы его одежда всегда была аккуратной. Оружие Эсайас не доверял никому и чистил его всегда сам.

В первые дни монастырь Святого Арвинна показался Эсайасу очень интересным. Красивый храм с окном в виде глаза и с Золотым Глазом Сеггера на шпилье привлекал молодого рыцаря, его охватывал благоговейный трепет, когда он смотрел на священные символы. Эсайас не сомневался в том, что только такие, как он, соединяющие в себе твердую веру в Свет и воинские умения с отвагой, сумеют в конце концов одолеть Тьму.

Здесь, в монастыре, время как будто остановилось: песнопения, богослужения, степенные беседы о достоинстве религии, о добродетелях, о Свете и Тьме... И что иногда Эсайас воспринимал как самое главное (и в чем он с раскаянием признавался настоятелю): здесь не было его родственников. Здесь никто его не ласкал, не баловал, не требовал ответного обожания. И, с другой стороны, никто не дразнил его, не изводил глупыми шутками. Здесь не было Клэм, и сердце Эсайаса наконец-то обрело покой.

Он ощущал себя одним из многих, соратником среди соратников. Он начал жить взрослой жизнью, и жизнь эта текла размеренно, все в ней было упорядочено, для всего находилось особое место.

И вдруг все рухнуло. Обстановка переменилась в одночасье, и иллюзия прочности бытия рассыпалась в прах, когда кровавая реальность вторглась в тихий мирок монастыря Святого Арвинна.

В ворота постучали, и брат-привратник отворил... На пороге монастыря стоял человек с отрезанной головой.

– Позволь войти, – произнесла голова из-под локтя того, кто держал ее.

Брат-привратник молча смотрел на неожиданного гостя. Он не мог вымолвить ни слова, лишь отступил на пару шагов и, побледнев, замер. Жуткий посетитель между тем ступил на территорию монастыря. Он взял свою голову за волосы и махнул ею в сторону ворот. Те захлопнулись, повинаясь безмолвному приказанию широко раскрытых глаз.

Затем голова вновь водворилась на прежнее место, под мышкой прищельца.

– Меня зовут Амагер, – проговорила голова. – Потрудись запомнить. Это имя будет кое-что значить для жизни вашей обители. Во всяком случае, я на это рассчитываю. Вы ведь запишете обо мне в вашей дурацкой монастырской летописи, которую наверняка ведете в толстой книге с узорами на полях? Все так делают, вряд ли вы – исключение. А-ма-гер. Запомнил, деревенщина? Потом подскажешь настоятелю, если у него вылетит из головы.

И голова хихикнула так отвратительно и гнусно, что привратник содрогнулся всем телом.

Амагер прошествовал к храму и остановился на пороге, как будто не решаясь войти. Впоследствии настоятель будет утверждать, что Амагера, это богопротивное существо, как раз и остановило присутствие святынь Сеггера, однако Эсайас почему-то сомневался в этом. Молодому рыцарю казалось, что причина задержки ужасного гостя заключалась совершенно в другом. Амагер не испытывал никакого благоговения перед Сеггером и его святынями. И наверняка он имел возможность войти в храм. Просто не захотел. Кто знает, быть может, в этом поступке таился своего рода злой умысел: посланник сил Тьмы хотел оставить у почитающих Сеггера некие иллюзии касательно могущества своих священных предметов. Опасные иллюзии, ведь они могут в решающий момент предать тех, кто им доверился!

Каковы бы ни были его истинные побуждения, но Амагер остановился на пороге храма. Постепенно к посланцу Тьмы сходились все обитатели монастыря, от настоятеля до последнего слуги, до последнего нищего беженца, что обитал там из милости и оправдывал свое существование чистой котлов. Пришел и Эсайас Новер. Он еще никогда не видел посланцев Тьмы вот так, лицом к лицу. Молодому рыцарю было важно понять, не охватит ли его дрожь, не испугается ли он. В конце концов, с подобными существами он намерен сражаться до последней капли крови, и семейная гордость не позволит ему отступить.

Говоря по правде, безголовый выглядел кошмарно. Его тело, лишенное крови, было синюшного цвета, очень тощее – ходячий скелет, обтянутый кожей. Жилки проступали на руках и ногах, а из перерубленной шеи торчали похожие на веревки вены.

Лицо было немолодым, с грубыми чертами, а глаза горели злобным темным огнем, который то и дело вспыхивал в глубине зрачков.

– Слушайте меня, ничтожные поклонники ничтожного Сеггера! – провозгласил безголовый. – Я прислан к вам могущественной королевой умертвий. Ее верный служитель, ее властелин и раб, ее возлюбленный и слуга, принц-упырь Тзаттог готов встретиться в бою с любым из вас. И даже если вы отправите в глухие трясины Исхара целое войско, не

сомневайтесь: Тзаттог сумеет отстоять достояние королевы умертвий!

– В чем состоит ее послание? – спросил отец настоятель обители.

Молодой рыцарь Эсайас поразился смелости этого пожилого, но все еще крепкого человека. Настоятель держался с ужасным существом спокойно, почти доброжелательно – так, как со всеми, с кем сталкивала его судьба. Таково предназначение адептов Алого ордена – нести свет веры; подобное служение подчас требует от человека огромного мужества.

– Чего желает твоя королева умертвий? – повторил свой вопрос настоятель. – Для чего ты здесь?

Голова в руке страшного посланца разразилась хохотом. Странно было слышать этот мертвый смех – смех, в котором не было дыхания.

– А как ты сам считаешь, глупый человек в красной мантии? – воскликнул тот, кто называл себя Амагером. – Как ты полагаешь, для чего здесь я – жалкий посланник величайшей из королев?

– Очевидно, ты пытаешься запугать нас, – еще более спокойным, ровным тоном проговорил настоятель. – Неужели ради такой пустой и глупой цели следовало устраивать такое грандиозное представление?

– Моя госпожа и госпожа Тзаттога бросает вам вызов, – проговорил Амагер надменно. – Она ныне царствует над Исхаром и скоро придет на ваши земли. Попытайтесь остановить ее!

От всей его фигуры веяло могильным холодом, и дрожь невольно пробежала по телу при виде ожившего мертвеца с отрезанной головой.

– Ты действительно этого хочешь? – спросил настоятель. – Чтобы мы отправились на болота?

– Ты знаешь, чего я по-настоящему хочу! – И посланник королевы умертвий заскрежетал зубами.

Настоятель прошептал несколько слов, и вдруг произошло нечто невероятное: Амагер покачнулся и упал на колени. Голова выпала из его рук и покатилась по земле. Она остановилась у ног настоятеля.

Тот наклонился и поднял ее. Безголовое тело слепо шарило вокруг себя руками, трясло ногами, ворочало шеей – оно пыталось найти голову, но тщетно.

Настоятель поднес голову к своему лицу.

– Кто ты такой на самом деле? – спросил он.

– Амагер... я был... О, мне больно, мне страшно! – тихо проговорила голова. Теперь ее голос звучал совершенно иначе, глухо и испуганно. – Она захватила меня. Королева. У нее... мужское лицо. Она мужчина. Огромный черный мужчина с крыльями. Они выпили из меня кровь. Тот мужчина и королева.

– Кто они такие? – мягко спросил настоятель.

– Они – одно целое, – пролепетала голова.

Глаза ее закатились, углы рта опустились. Существо было мертво. Молитвы настоятеля, обращенные к Сеггеру, освободили несчастную душу от злого заклятия и отправили ее в мир вечного покоя.

– Нужно похоронить тело, – сказал настоятель как ни в чем не бывало. Можно подумать, речь шла о погребении самого обычного мертвеца. – Сделайте это до заката. Мы помолимся об упокоении этой несчастной души.

Эсайасу не давало покоя услышанное от Амагера. Самый образ посланца волновал молодого рыцаря. Судя по внешности и манере изъясняться, при жизни Амагер был достойным человеком, воином. Королева умертвий превратила его в чудовище. Внушила ему отвратительные мысли. А Амагер был солдатом, человеком, привыкшим сражаться за то, во что он верит. Так же, как и сам Эсайас.

Такая жуткая смерть! Такое чудовищное посмертие!

Да кто же она такая – королева умертвий? И кто такой Тзаттог – «ее раб и властелин»? Что означает – «они одно целое»? Неужели такое возможно?

Вечером, когда все дневные дела были окончены и последняя молитва погасла в свете заката, Эсайас со всеми своими недоумениями пришел к настоятелю.

Настоятель встретил молодого рыцаря приветливо и кивнул ему на мягкую скамью. Сам старик восседал в кресле, скамья была установлена таким образом, чтобы сидящий в ней находился ниже настоятеля – как бы у его ног. В этом заключался определенный смысл: ведь любой, кто находится в монастыре, является в своем роде учеником отца настоятеля.

– О чем ты хотел спросить меня, дитя мое? – заговорил настоятель с рыцарем.

Тот вспыхнул – обращение «дитя мое» напомнило ему о матери и ее назойливых заботах.

– Неужели я никогда не избавлюсь от клейма младшего сына?! – воскликнул Эсайас невольно.

Настоятель улыбнулся:

– Не считай это клеймом, и скоро ты поймешь, что избавляться тебе не от чего... Так что тебя беспокоит?

– То создание Тьмы, Амагер... Кем он был?

– Понятия не имею, – отозвался настоятель. – Когда-то он, несомненно, являлся человеком, но встреча с темными силами существенно изменила его. Я буду молиться об упокоении его души, как и вся наша братия.

– Королева умертвий, – опять заговорил Эсайас, – она прислала сказать, что захватила власть в Исхаре...

– Хочешь знать, что я об этом думаю? – Настоятель задумчиво потер подбородок. – Сдается мне, Тзаттог и его королева, кем бы они ни были, скоро попытаются расширить свои владения. А наша обитель – как раз на их пути.

– Что же делать? – спросил рыцарь, хотя ему все уже было очевидно.

– Напасть первыми. – Настоятель улыбнулся. – Ты ведь это хотел от меня услышать?

Эсайас чуть смутился:

– Да.

Настоятель подался вперед, коснулся его руки.

– Я попрошу тебя возглавить отряд... На болотах Исхара творятся страшные вещи, но сейчас там, кажется, началось нечто невообразимое... Если сумеешь, узнай об этом больше.

Эсайас молча смотрел на настоятеля и видел в его глазах боль. Наконец молодой человек спросил:

– Вы посылаете меня на верную смерть?

– Не обязательно, – живо отозвался настоятель. – Не стану скрывать от тебя, многие погибнут в этом походе. Может быть, сложишь голову и ты... Но мы должны выяснить наконец, какой беды нам ожидать.

– Чумной туман! – воскликнул Эсайас. – Разве этого мало?

– Кара богов... Сколько у нее ликов? И каковы они, эти лики? Когда она наконец предстанет перед нами лицом к лицу, мы сумеем понять, с какой сущностью имеем дело. И только тогда, возможно, с помощью Сеггера, одолеем ее.

– Я не боюсь, – заявил Эсайас. – Я готов выступить на болота. Готовьте отряд, святой отец.

Воинов подбирали и готовили очень тщательно. Все они были тверды своей верой, у всех имелись чудодейственные амулеты – Золотой Глаз Сеггера с вложенными в зрачок мощами святых мучеников, погибших за веру. Эти обереги считались очень сильными и могли противостоять злу.

* * *

Несколько дней отряд во главе с Эсайасом Новером пробирался по болотам. Гибельная трясина, казалось, поджидала свою жертву, и в первые же дни в топях погибли несколько человек и одна лошадь.

Поначалу воины никого не встречали. Болото само по себе казалось их врагом: в любое мгновение могла распахнуться смертоносная топь, из которой уже не выбраться.

Странные создания бродили по болотам. Воины замечали их лишь краем глаза, однако ощущение жути не покидало их: они чувствовали, что за ними постоянно наблюдает кто-то незримый.

Эсайас постоянно вспоминал советы, которые дал ему напоследок настоятель:

«Там, на болотах, ты ни минуты не будешь один. Даже когда тебе покажется, что, кроме тебя и твоих воинов, никого нет, – это неверно. И ошибкой, очень большой и роковой ошибкой, будет считать, будто никто за вами не следит. Исхар дал приют множеству существ, и извращенных, и страдающих, и таинственных, и просто несчастных. Но там обитают и твари жестокие и кровожадные. Все они могут казаться незаметными... пока не нападут. Ты не должен позволить им обмануть себя».

И Эсайас постоянно был начеку. Он спал вполглаза, вздрагивал от каждого звука. Он знал, что солдаты у него за спиной посмеиваются над столь «бдительным» командиром. Что ж, посмотрим, что они скажут потом, когда эта бдительность оправдает себя.

Но как бы ни был Эсайас настороже, все-таки он пропустил начало атаки.

Казалось, болото ожило – все разом – и оказалось враждебным, ненавидящим. Отовсюду – из-за кочек, из глубоких болотных озер, из мха, с деревьев – на отряд набросились странные существа с ярко-зеленой кожей, длинными конечностями, безволосые или, наоборот, густо заросшие черным волосом; их лица напоминали морды насекомых – стрекоз и кузнечиков; некоторые имели странное сходство с кошками или лисами. Все они завывали и стрекотали на разные лады. Одни были вооружены короткими кривыми мечами, другие довольствовались когтями и зубами, которыми наделила их судьба.

В этом первом сражении погибла почти треть отряда. Эсайасу удалось с большим трудом отбиться и вывести своих людей на безопасное место. Только теперь он начал понимать, что имел в виду настоятель, когда рассуждал об обреченности миссии: помимо реального врага, врага, которого можно уничтожить оружием, воинов Сеггера подстерегала другая опасность, сражаться с которой было бесполезно, – туман. Невозможно разрубить туман, нельзя пронзить его стрелой или копьем. И всякий, кто соприкоснется с этим ядовитым чумным туманом, станет, в свою очередь, частью тумана...

Поэтому Эсайас пуще врагов из плоти и крови опасался призрачного тумана. Он подолгу останавливался на пригорках и несколько раз забирался на дерево, чтобы осмотреть окрестности. Ему были теперь безразличны насмешки солдат. А они, несмотря на ужас случившегося, продолжали подшучивать над своим юным командиром. Особенно когда он снимал доспехи и, оставшись в одной рубашке, карабкался по веткам, точно мальчишка, задумавший какую-то шалость.

Эсайас Новер видел бескрайнее зеленое море болота, редкие черные деревья, по большей части мертвые, блестящие зеркала озер. И ни следа неприятеля. Хотя – он мог бы поклясться – враги не выпускали воинство Сеггера из виду ни на мгновение.

Несколько раз сомнения подкрадывались к Эсайасу. Прав ли был он, когда вызвался идти на поиски этой самой таинственной королевы умертвий? И прав ли был настоятель, который согласился с молодым рыцарем: отыскать Тзаттога и сразиться с ним необходимо?

Эти мысли, впрочем, Эсайас старался отметать как можно быстрее и решительнее. Он сам, Эсайас Новер, конечно, в состоянии допустить ошибку – в силу своей молодости и неопытности. Но настоятель – нет, настоятель не может заблуждаться. А настоятель считал, что встретиться с Тзаттогом лицом к лицу необходимо.

И поэтому Эсайас Новер продолжал, несмотря на подстерегающие повсюду опасности, углубляться в болота.

На пятый день пути они увидели впереди туман. Эсайас остановил коня. В последнее время он все больше шел пешком, ведя коня в поводу; по совету настоятеля, Эсайас взял только самые легкие доспехи и сейчас благословлял предусмотрительность старика. В болотах тяжелый рыцарский доспех означал бы верную гибель – еще до встречи с

противником. А бросать хорошее снаряжение в трясину не годится... Вот и пришлось бы решать, что дороже: жизнь или имущество.

К счастью, перед Эсайасом такой выбор не стоял.

Туман заметили многие. Отряд остановился. «Вот и все», – безнадежно проговорил кто-то за спиной у Эсайаса.

«Все?! – Кровь вскипела у молодого рыцаря, – Все?! Кто это сказал? Неужели мы пришли сюда лишь для того, чтобы бесславно погибнуть? Нет! Говорят, тролли сражаются, даже умирая от чумы, – бьются до последнего... Чем же люди хуже?»

– Вперед! – твердо приказал Эсайас. – Вперед, во имя Сеггера!

Он двинулся по тропе навстречу опасности, но услышал, что за ним никто не идет, и остановился. Обернувшись, он увидел бледные, нерешительные лица.

– Командир, это смерть, – решился объяснить один из ветеранов. – Мы с радостью вышли бы в битву с врагом, которого можно видеть и осязать, но этот враг не имеет плоти... Он победит нас в любом случае, а мы при любых обстоятельствах будем разбиты. Не стоит идти туда. Лучше обойдем.

– Мы вышли, чтобы произвести разведку боем, – ответил Эсайас. – Стыдно вам трусить! Тролли да послужат нам примером...

– Троль – существо тупое, – высказался другой солдат. – Он и сам не понимает, когда жив, а когда уже помирает. Для него это все одно. А мы все-таки люди, разумные создания.

– Для чего тебе жизнь? – презрительно спросил его Эсайас. – Просидеть под кроватью у жены? Не думаю, что она будет любить тебя после того, как узнает, что ты не мужчина.

– Все мы перестанем быть мужчинами, когда туман... – заговорил было солдат, но Эсайас перебил его:

– Молчать! Я зарублю любого из вас, кто ослушается приказа!

– Гляди, как бы тебя самого не зарубили, – проворчал упрямый солдат.

Это были его последние слова. Эсайас выхватил из-за пояса метательный кинжал и бросил его в строптивца. Тот испустил странный булькающий звук и осел на землю.

– Клянусь, я повторю это, – предупредил Эсайас Новер.

Люди потрясенно смотрели на своего командира. Они не ожидали от молодого рыцаря подобной твердости.

Между тем туман приблизился. Это был плотный, гнилого цвета сгусток влаги, в котором, как казалось, шевелилось нечто. Эсайас поднял руку и остановился. Солдаты у него за спиной приготовились к бою.

Неожиданно клубок тумана как будто взорвался – распался на сотни клочков, и внутри каждого обнаружилось разъяренное существо, не имеющее никакого сходства с человеком. Многочленные щупальца, оскаленные морды с торчащими наружу зубами, длинные кривые когти, сведенные на спине торчащие лопатки, похожие на крылья... Все это рычало, визжало – и жаждало только одного: убивать.

Прикосновение рук, погруженных в туман, было смертельным: люди, еще не успев нанести врагу ни одного удара, заражались чумой. Они были обречены: самое позднее через два дня они умрут, превратившись в точно такой же туман. Зачумленные бежали прочь, пытаясь спастись и пропадая в трясине.

Эсайас Новер рубил вокруг себя, не давая себе времени задуматься над ужасом происходящего. Несколько раз ему казалось, что он погиб, что туманные создания уже захватили его, проникли в его плоть чумой... Но затем оказывалось, что он еще жив и что чума каким-то чудом прошла мимо.

Таких счастливиц, как Эсайас, в отряде нашлось немало. Чумные бойцы оказались на поверку далеко не такими страшными, как представлялось трусам. Они плохо видели и по большей части наносили удары вслепую. Этим можно было пользоваться, уклоняясь от неловких атак нежити. И все же потери оказались слишком велики. Сказались инстинктивный страх солдат перед жуткими существами и чумой, которую те несли, и недостаточная опытность воинов-людей: ведь немногим до сих пор доводилось видеть

разносчиков чумы, большинство лишь слышали об этом.

Когда атака была отбита и туман покатился клубом в трясины, люди не поверили своим глазам. Эсайас старательно скрывал удивление... Впрочем, он подозревал, что делает это недостаточно успешно.

Солдат-ветеран – тот, что поначалу возражал молодому командиру, – приблизился, отдуваясь в усы.

– Я сберег вашу лошадь. – И прибавил: – А вы молодец! И храбры, и искусны. И нам, нерадивым, хороший пример показали.

Эсайас покраснел и тут же взял себя в руки. Насупился, поджал губы.

– Да как ты разговариваешь с рыцарем! Что за панибратство! Какой я тебе «молодец»?

Но солдата так просто было не пронять.

– Да такой вот и молодец, что не убоялись нежити... Теперь вы, господин наш, – самый истинный тролль: те тоже, по слухам, разят туман налево и направо и не поддаются ни страху, ни хвори.

– Да, вот бы и нам так, – вздохнул Эсайас Новер, как-то слишком быстро позабыв о необходимости держать строгий тон и вообще соблюдать дистанцию в общении с низшими. – Да только вот сомневаюсь я, чтобы тролли так уж не поддавались хвори. Превращаются в гибельный туман за милую душу, как и все остальные. Только вот страха у них нет...

С солдатами, которые уже побывали в сражении, идти оказалось намного легче, чем с новичками. Между теми, кто выжил в первой схватке, и молодым командиром установились доверительные отношения. Теперь многие не сомневались в том, что Эсайас Новер и до цели их доведет, и живыми из болот выведет. Ну, может быть, не всех – все живыми не возвращаются, – но многих.

Эсайас и сам так считал. Он понимал, конечно, что самой королевы умертвий они пока что не видели. Но все-таки первая победа казалась ему добрым предзнаменованием.

* * *

Тзаттог нечасто навещал Пенну в ее уединении. Юная женщина, царившая в его сердце, ухитрилась создать себе королевство таким образом, чтобы тот, чье тело она разделяла, не мог входить туда по собственному усмотрению. Воображаемый мир Пенны был на самом деле гораздо реальнее, чем тот, в котором существовал Тзаттог. И попасть в этот мир оказалось не так-то просто.

Эгертон застиг Пенну врасплох. Больше она на подобный трюк не попадет. Пенна приняла меры, чтобы больше никто не посмел появляться в ее королевстве незамеченным.

Поэтому Тзаттогу пришлось долго стучать у ворот высокой черной крепости, в которой, окруженная роскошью, жила его королева. Наконец Пенна соизволила впустить его.

– Мы давно не виделись, – произнес он, расправляя крылья и заслоняя ими солнечный свет.

Густая темная тень опустилась на Пенну. Девушка подняла голову и увидела лицо своего возлюбленного: утонченно-прекрасное, ослепительно бледное, с кроваво-красными губами и красным огнем в глазах.

– Ты стал выше ростом, Тзаттог, – промолвила Пенна. – Или мне так показалось?

– Нет, я действительно... увеличился в размерах, – кивнул Тзаттог. – А ты превратилась в красавицу.

– Я такова, какой хочу казаться, – отозвалась Пенна. – Сегодня мне нравятся черные волосы и черные глаза. Посмотри, какая бархатная у меня кожа! Когда у меня было мое прежнее брненное и жалкое тело, кожа у меня была совершенно не такая. Зеленая и шершавая. Вспомнить страшно.

– Да, ты красавица, – повторил Тзаттог.

– Для чего ты пришел? – спросила Пенна. – Ты дал мне все, чего я могла бы пожелать: безопасность, собственный мир, свой дом... И не такой иллюзорный, как у всех этих несчастных людишек и прочей мелочи, которые возводят себе хижины из мусора и рассчитывают таким образом отгородиться от мира и всех земных бед. Нет, мой дом – настоящая крепость, и никакие земные заботы над ним не властны. И это дал мне ты!

Тзаттог молчал, наслаждаясь ее признаниями.

– Но коль скоро мне от тебя ничего не нужно, – продолжала Пенна, – значит, это ты хочешь получить от меня какой-то дар. Спрашивай. Я слишком многим тебе обязана.

– Я хотел предупредить тебя, моя королева, – заговорил Тзаттог, – о том, что завтра состоится важная битва. Те, кого я собрал под мои крылья, выступят против так называемого воинства Сеггера.

– Сеггер? – Пенна поежилась. – Я не люблю Сеггера. Их инквизиторы считают нас, архаалитов, еретиками и преследуют по всему Лаару. Меня чуть не сожгли... О да. Человека, который дал мне приют, пытали и убили, а меня хотели сжечь. И если бы не... О да... – Она говорила медленно, как бы припоминая отдаленные события. – Там был один маг, тоаданец. Благодаря ему я осталась жива.

– Если бы тоаданец не пришел к тебе на помощь, – поспешно проговорил Тзаттог, – то неужели ты думаешь, что я остался бы в стороне? Неужто ты всерьез полагаешь, что я мог бы позволить тебе сгореть?

– Я не знаю, – ответила Пенна спокойно. – Я знаю лишь то, что произошло на самом деле. Я знаю, кто спас меня. Это был не ты. Но потом... – Она улыбнулась самой чарующей улыбкой, на какую только была способна. – Потом это все время был ты. Всегда – только ты, и никто другой.

– Рад это слышать, – вздохнул Тзаттог. – Я защищаю тебя уже давно. А с тех пор как ты стала частью меня, я оберегаю тебя лучше, чем когда бы то ни было. Однако же я обязан быть честным с тобой, Пенна. Я собрал великую армию, но те, кто нам противостоит...

– Нет, – Пенна покачала головой, – даже и не помышляй об этом. Они не могут победить тебя.

И она улыбнулась ему так доверчиво и радостно, что Тзаттог вдруг испугался. До сих пор он считал Пенну некоей частью его собственной личности. Она придавала ему сил, она делала его как бы «объемным». Подобно большинству порождений Тьмы, Тзаттог был неполноценен, слишком однокбок, слишком примитивен и прямолинеен; и при этом – в отличие от большинства порождений Тьмы – Тзаттог прекрасно осознавал свою неполноценность. Поэтому он и разыскивал королеву умертвий – ту, которая наполнит его жизнью, научит видеть мир ясными глазами, придаст его существованию остроту и неоднозначность.

Поглотив Пенну, Тзаттог испытал ни с чем не сравнимое наслаждение. Ему и раньше доводилось в буквальном смысле слова съедать партнершу: он пожирал и тела, и души тех, кто соглашался разделить с ним жизнь. И только Пенна, добровольно отдав ему всю себя, преподнесла Тзаттогу истинное могущество. Физически он сделался намного сильнее, а душевно – обрел глубину.

И все же, в представлении Тзаттога, не он был для Пенны, а Пенна – для него. Королева умертвий была лишь приправой, пряностью, а себя принц-упырь полагал главным блюдом.

И вот выясняется, что это совершенно не так...

Доверчивость Пенны сбивала Тзаттога с толку. Он-то сам никогда не был доверчив, даже по отношению к тем, кого считал своими союзниками, подчиненными или покровителями. Неужели девушка сохранила самостоятельность? Невозможно, немыслимо! Ведь тогда выходит, что некая часть Тзаттога Тзаттогом не является...

– Завтра опасная битва, – повторил Тзаттог. И исчез из покоев королевы умертвий так поспешно, словно откуда-то вышли незримые хищные звери и принялись яростно кусать его за пятки.

Первое, что увидели солдаты Эсайаса Новера на следующее утро, был чумной тотем. Отвратительная башня, сложенная из грязи, ломаных палок, костей, птичьих перьев... Никогда прежде Эсайасу не доводилось наблюдать вещь настолько противоестественную. Казалось, лишь извращенное сознание какого-то потустороннего монстра могло породить подобную гадость. Созидателями тотема двигала ненависть, а не любовь, и от жуткого сооружения исходила лютая злоба, которая готова была подчинить себе все на свете.

Солдаты остановились. Многие потянулись к амулетам, которые носили на шее. Настоятель монастыря превосходно отдавал себе отчет в том, насколько важны такие обереги: они и поднимают дух людей, и на самом деле отражают кое-какие злые чары. Возможно, не все. Возможно, лишь очень немногие. И все же случаи чудесной помощи от амулетов известны.

У Эсайаса также имелся такой на шее – золотой глаз с мощами святого борца за веру, вмонтированными в зрачок Глаза Сеггера. Вещь могущественная и в то же время красивая, амулет вполне мог служить украшением. У солдат были обереги попроще, не из золота, но все без исключения получили из рук настоятеля эмалевый глаз или мощи, зашитые в мешочки.

Навстречу воинам Сеггера прямо из-за тотема выступили двое в длинных темных одеждах. Казалось, они не стоят на земле, а висят над ней. Полы их одеяний слегка колебались, как бывает, когда плащ или платье висит на вешалке. Их лица были скрыты капюшонами, но что-то подсказывало Эсайасу, что если перед ним и люди, то сильно измененные темной магией.

Эсайас вышел вперед. Он гордо вскинул голову и прокричал:

– Кто вы такие? Почему преграждаете нам путь?

Двое не ответили. Они продолжали безмолвно рассматривать войско, стоявшее перед ними. Затем один из них отозвался громким, резким голосом, в котором – Эсайас оказался прав! – звучало что-то нечеловеческое:

– Пророки тумана перед вами. Кто вы такие?

– Я – Эсайас Новер, предводитель воинства Сеггера. Вы можете видеть нашего красного орла в круге – орла Тугарда! Откройте ваши глаза и узрите наш священный символ!

Над головами солдат качались хоругви с изображением Золотого Глаза и знамена с красным орлом. Но для пророков тумана, похоже, все эти знаки почти ничего не значили. Они поклонялись другой силе и считали эту силу гораздо более могущественной.

– Что ж, ты назвал себя, свою страну и свою религию, – проговорил пророк тумана. – Теперь слушай то, что должен услышать. Я – Келем, пророк тумана.

– Это вы возвели ту мерзкую башню посреди топи? – перебил Эсайас.

Пророк шевельнулся, его одежда заколебалась, под капюшоном на мгновение блеснули адским желтым пламенем глаза.

– Мы возвели чумной тотем в знак того, что гибель для всего, что грешит против богов и дышит, пришла в эти места.

– Но здесь никто не живет, – опять перебил Эсайас. – Я хочу сказать, не стоило так утруждаться ради пары-тройки троллей, облюбовавших вон ту болотную кочку...

Пророк тумана покачал головой.

– Мы трудились вдвоем и возвели тотем для вас, несчастные люди! Кара богов падет на ваши головы, потому что все вы погрязли в пороках, разврате, потому что вы отвратительны и недостойны жить. Лаар должен стать таким, каким его хотят видеть боги, а боги не желают видеть людей... Люди недостойны мира, в котором они оказались. Это было чистой случайностью. Люди должны были появиться на свет в преисподней, а Лаар должен принадлежать богам – чистым, сильным, незапятнанным.

– Ты говоришь о каких богах? – удивился Эсайас. – Мне-то думалось, что Сеггер...

– Я говорю о богах, которым должен принадлежать Лаар, – твердо произнес Келем,

пророк тумана. Он как будто не расслышал слов Эсайаса. – Вы видите символ и знаете его смысл. – Торжественным жестом он указал на чумной тотем. – Вы погибнете, вы растворитесь в каре богов и сами, в свою очередь, сделаетесь карой для других живых существ. Примите свою судьбу и не упорствуйте!

– К оружию! – закричал Эсайас. – Мы не пойдем в рабство к каким-то уродам с их идолами из грязи!

– Что ж, вы сами избрали печальную участь, – молвил тот, который называл себя Келемом. – Мудрые приходят к божеству сами, а неразумных влекут к нему божьи слуги. Мудрые являются к божеству как верные друзья, как дети, а неразумные лежат во прахе у ног божества как жалкие пленники и неверные рабы!

Второй пророк поднял руку, и на болоте появилось войско. Казалось, оно соткалось из воздуха, из ничего, из пустоты... И тем не менее оно было реально – и в своей реальности кошмарно и отвратительно. Какие-то искаженные монстры окружили пророков тумана. Казалось, некая таинственная злобная сила нарочно переломала эти руки и ноги, выкручивая их, как прачка выкручивает белье. Гигантские рты были словно разорваны, а зубы как будто нарочно заострены. Притом многие клыки кровоточили, и между ними просовывался раздвоенный язык. Одни чудища были подобны ящерам, и для них такой язык казался естественным (насколько вообще можно говорить о «естественности», когда речь заходит о чудовищах!), другие же, близкие по внешнему виду к насекомым и даже к людям, были, совершенно очевидно, нарочно изуродованы специальными лезвиями. Впрочем, не похоже было, чтобы чудищ это каким-то образом огорчало. Напротив, они явно гордились своим устрашающим обликом.

– Так вот такую судьбу мы должны принять? – спросил Эсайас Новер у пророка Келема. В голосе молодого рыцаря прозвучали горечь и насмешка. – Вот, значит, каковы избранные дети твоего чумного божка? Не слишком завидная доля!

– Вперед! – прорычал второй пророк тумана, и орда дико завывающих чудищ набросилась на солдат.

Завязался отчаянный бой. Люди отбивались от монстров. У нескольких бойцов вспыхнули амулеты с глазом Сеггера – они встретили сильную противодействующую магию. Эти солдаты с криком срывали с себя амулеты. Их одежда и кожа дымились, воздух наполнился запахом паленого мяса. Однако, будучи брошенными в монстров, эти амулеты убивали, и солдаты стали пользоваться Глазом Сеггера как оружием.

Святые мощи погибших за веру продолжали сражаться – уже после того, как тела героев были преданы погребению. От удара одних мощей монстры теряли сознание, другие же – очевидно, более сильные – воспаляли хитиновый покров, и человеконасекомые сгорали в мгновение ока.

И все же чудовищ было достаточно много, чтобы Келем мог не обращать внимания на потери. Он бросал на солдат Эсайаса все новых и новых бойцов.

Ящер с черной чешуей и желтой полосой вдоль позвоночника набросился на Эсайаса, пытаясь разорвать рыцаря своими когтистыми лапами. Некоторые чешуйки были сорваны с тела ящера, ранки загноились и источали зловоние. Эсайас, морщась, отбивался от ящера, но силы, как оказалось, были неравны. Ящер уже разинул было пасть, чтобы окатить противника убийственным туманом... Эсайас видел, как в глубине глотки монстра шевелятся туманные щупальца... Еще немного – и чума полностью завладеет рыцарем.

Однако солдат пришел на помощь своему командиру. Внезапно монстр с пронзительным визгом ослабил хватку, подался назад – и развалился на две половины. А в освободившемся проеме показалась довольная физиономия парня под сбитым на ухо шлемом.

Ошеломленный всеми этими событиями, сменявшими друг друга слишком быстро, Эсайас отсалютовал солдату и тотчас же набросился на следующего монстра, похожего на змею, но с короткими и кривыми человеческими конечностями. Этот бежал, стелился по траве, кусая солдат и сбивая их с ног сильным, гибким, как прут, хвостом. Эсайас нанес ему

мощный удар сверху вниз и пригвоздил к земле, вогнав клинок в основание его шеи. Насаженный на меч, как червяк на булавку, монстр шипел и извивался, но скоро огонь в его глазах погас, и он обмяк, точно старая веревка.

Эсайас высвободил меч и повернулся навстречу новому врагу...

Монстров, казалось, меньше не становилось, однако Эсайас запрещал себе даже задумываться над этим. Его работа простая – рубить, колоть, убивать, расчленять, отсекал конечности, сносить головы. И больше – ничего. Нет времени для мыслей и чувств. Нет места даже для страха. Страх и прочее – все это придет потом, когда битва останется позади.

Если только для Эсайаса настанет это «потом»...

– Держаться! Держаться! – задыхаясь, кричал Эсайас.

А рядом с ним один за другим падали солдаты.

«Жертвы неизбежны, – мелькнуло в голове Эсайаса. – Об этом все говорят, когда речь заходит о сражении, о войне. И настоятель тоже не мог не предвидеть, что будут потери, быть может, значительные потери... Но мы должны победить, просто обязаны! Силам Тьмы не одолеть Тугарда!»

Разумеется, Эсайас Новер не рассчитывал так просто, одной-единственной победой, изгнать Тьму из Лаара насовсем, однако ему просто необходимо было удержать ее в границах Исхара. Пусть себе таится на болотах. В Исхаре обитает достаточное количество свободолюбивых, заносчивых и вспыльчивых существ, которые очень-очень не любят посягательств на свою землю. Вот они пусть с чумными пророками и разбираются.

Впрочем, сейчас, в разгар сражения, все эти мысли не имели ровным счетом никакого значения. Рубить, колоть, рассекать, отсекал, швырять – и снова рубить и колоть... Больше ничего.

Огромное существо возникло прямо перед Эсайасом. Оно превосходило рыцаря из Тугарда ростом приблизительно на голову, а то и на полторы. Широкоплечее, но с удивительно маленькими, изящными руками, оно, улыбаясь, протянуло свой меч навстречу рыцарю.

«Предлагает поединок», – сообразил Эсайас. И улыбнулся.

Он устал, пот заливал его лицо, а красивый и удобный легкий доспех был весь вымазан кровью и слизью, и человеческой, и змеиной, и еще неведомо чьей. Тем не менее Эсайас отсалютовал чудовищу в ответ, показывая, что принимает вызов.

Беловолосый монстр проговорил низким, звучным голосом:

– Меня зовут Тзаттог.

– Раб и господин королевы умертвий! – поневоле вырвалось у Эсайаса. Он был потрясен. Одно дело слышать о подобном создании, пусть даже и от человека с отрубленной головой, и совершенно другое – столкнуться с ним лицом к лицу.

– О, ты знаешь обо мне? – Казалось, Тзаттог был приятно удивлен. – Воистину, слава бежит впереди героя.

Эсайас усмехнулся:

– Не дерзай называть себя героем! Ты не покрыл себя никакой славой. Вся твоя слава – смрад и убийства... Ты ведь сам прислал в обитель к служителям Сеггера своего отвратительного посланца, который рассказал нам, какой ты большой, страшный, могущественный и все такое прочее. Очевидно, чтобы мы боялись.

– И вы боялись? – полубопытствовал Тзаттог. Можно подумать, его забавлял этот разговор.

– Не слишком-то! – ответил Эсайас. – Как видишь, наш ответ оказался прост: мы собрали войско и пришли на болота.

Неожиданно Тзаттог оборвал всякие разговоры и атаковал. Он развернул во всю ширь свои огромные черные крылья и навис над Эсайасом. Рыцарь отразил удар длинного узкого меча, наклонился и отскочил в сторону. Тзаттог был стремителен, как змея, казалось, его мощи невозможно противостоять. Засмеявшись, принц-упырь вновь набросился на молодого человека.

Инстинктивно Эсайас понимал, что ему ни в коем случае нельзя допустить, чтобы Тзаттог ранил его, хотя бы незначительно. Любое соприкосновение плоти и крови с металлом магического меча может оказаться смертельным. Эсайас не мог в точности знать, какая магия заключена в черном сверкающем оружии принца-упыря, однако в том, что она присутствует, у него не было никаких сомнений.

Бой продолжался... Эсайас не спешил атаковать. Он был слишком измотан долгой дорогой, постоянными опасностями и, главное, предшествующими схватками. Этот последний поединок был слишком важен, чтобы рисковать и идти напролом. Победить Тзаттога – значит разгромить его армию. Что бы там ни вещали напыщенные пророки тумана.

Кстати, где они? Не следует, увлекшись предводителем темного воинства, выпускать из виду этих двоих. Возможно, сейчас они насылают какие-то губительные чары...

Но Эсайас не мог позволить себе вертеться по сторонам, когда принц-упырь, шурша черными как ночь крыльями, взмахивал мечом над головой. Со странным восхищением смотрел Эсайас на темную сталь: солнечный блик медленно скользил по лезвию и казался ослепительным, невероятным. Крылья замедляли движения принца-упыря, хотя он, когда хотел, мог перемещаться с молниеносной скоростью.

Плавный ритм его движений завораживал. Эсайас тяжело дышал. Он понимал: еще одна-две атаки Тзаттога – и все будет кончено...

И вдруг что-то произошло. Уже подняв меч, Тзаттог отшатнулся назад и выражение крайнего удивления проступило на его лице. Красный огонь в глазах принца-упыря погас, сменился зеленоватым сиянием...

Он раскрыл рот, но ни звука не вырвалось из его груди.

Казалось, какое-то сильнейшее потрясение лишило его дара речи.

Эсайас воспользовался передышкой и нанес первый удар. Он не встретил сопротивления: занятый собственной внутренней борьбой, Тзаттог не обратил ни малейшего внимания на такую мелочь, как человек с оружием, готовый его убить. Эсайас задел бок Тзаттога, отпрыгнул назад, угодил ногой в трясину, с досадой выдернул ее, едва не лишившись сапога, и снова обратился к противнику.

Тзаттог весь дрожал как в лихорадке. Капельки пота выступили на его лбу. Прекрасное бледное лицо потемнело, приобрело зеленоватый оттенок. Он снова взмахнул крыльями, как будто пытался взлететь, но затем сложил их за спиной, явно отказавшись от этой затеи.

Неожиданно Эсайас понял, что перед ним женщина. Как такое могло произойти? У молодого рыцаря из Тугарда не находилось объяснений. Но Тзаттог полностью изменился. Он больше не напоминал упыря: ни длинных клыков, высовывающихся из рта, ни смертельной бледности, ни кроваво-красных губ. Стройная молодая женщина с пепельными волосами и зеленовато-серыми глазами, с ярко-зеленой кожей – похожая на ижорку, но все-таки слишком красивая для ижорки, решил Эсайас. И чересчур высокая для того, чтобы считаться человеком.

Все ее тело сотрясала крупная дрожь, крылья то распускались, то опять складывались, как бы пульсируя.

Эсайас отступил на шаг, опустил меч, однако все еще оставаясь настороже. Возможно, перед ним – очередная иллюзия, ловкий прием, призванный сбить рыцаря с толку и заставить его потерять бдительность. Хотя – зачем? Тзаттог мог бы одолеть Эсайаса без всяких нечистых приемов, в обычном «честном» поединке: мощного и отдохнувшего – против обессиленного и усталого.

– Нет! – вскрикнула женщина. – О нет!

Ее крылья снова с шумом развернулись. Она трепетала перед Эсайасом, похожая на ночную бабочку, случайно влетевшую в дом: изящное тело на фоне огромных зловещих крыльев.

– Что со мной? – спросила она. Ее глаза наполнились слезами. – Кто ты? Кто... я?

– Ты – королева умертвий, – ответил Эсайас. Его губы искривились от отвращения. – А

я – тот, кто убьет тебя.

– Нет! – снова закричала женщина.

Она поднялась в воздух и полетела прочь, даже не замечая того, что армия умертвий, лишившись своего командира, начала рассеиваться. Эти создания не могли долго сосредоточиваться на одном деле, если ими никто не управлял.

Пророки тумана пытались взять бразды правления в свои руки. Особенно усердствовал Келем: он выкрикивал заклятия, метался между сражающимися и в результате едва не угодил в плен.

Эсайас заметил это и громко закричал:

– Хватайте пророков! Хватайте их!

Этого оказалось достаточно, чтобы Келем пустился в бегство. Он схватил ближайшего к нему монстра – чудовище с четырьмя руками, растущими по бокам круглого жирного туловища, похожего на тушку борова. Взгромоздившись на «скакуна», Келем с силой ударил его пятками, и тот, взревев от ярости, помчался по болоту. Его ладони звучно шлепали по влажной земле, хвост пристукивал после каждого прыжка. Келем трясся на его спине, мантия пророка развевалась.

Второму чумному пророку повезло меньше. В тот самый момент, когда он уже готовился последовать примеру своего товарища, на него напали сразу трое солдат, а Эсайас побежал следом. Монстра-борова зарубили сразу и труп отпихнули с тропинки в болото, где его поглотила зловонная трясина.

Пророк вытащил из рукавов кинжалы, и один из солдат упал с перерезанным горлом. Двое других схватили пророка за руки и бросили на колени. Эсайас подошел ближе, ударил его ногой в подбородок, так что пророк опрокинулся на спину.

Капюшон упал с его головы, открыв суровое смуглое лицо с густыми бровями и крупным носом. Вполне человеческое лицо. Впрочем, не следует доверять очевидности, в очередной раз напомнил себе Эсайас.

Он наступил пророку на горло и держал ногу до тех пор, пока тот не посинел и глаза его не закатились. Когда пророк тумана потерял сознание, Эсайас убрал ногу и приказал своим людям:

– Свяжите его шнурками от своих амулетов. Вяжите ту же, не бойтесь причинить ему вред. – Он криво усмехнулся. – Возможно, вы даже сделаете ему больно! Но истинный воин не должен опасаться причинить боль.

Такое приказание командира солдаты выполнили с особенным удовольствием. Пророк тумана был скручен по рукам и ногам, а одна веревка, охватывающая его шею, была пропущена у него между ног, так что любое неосторожное движение должно было причинять пленнику острую и унижительную боль.

Затем солдаты привязали свою добычу к двум палкам.

Эсайас в это время ходил по полю боя, подсчитывая потери и присматриваясь к раненым. К сожалению, большинство были обречены. От отряда осталась лишь горстка воинов.

* * *

Пророк тумана был доставлен в обитель Святого Арвинна. Навстречу воинству Сеггера вышли все, кто обитал в монастыре, во главе с самим настоятелем. Посох в руке старика дрожал, он выглядел таким взволнованным, каким его, наверное, не видели еще никогда за все долгие годы его правления.

Маленькая горстка уцелевших солдат медленно двигалась по дороге. Они везли знамена, которые сумели сберечь в опасном походе: хоругви с Золотым Глазом Сеггера и знамя Тугарда с орлом. Впереди ехал Эсайас Новер, который, казалось, постарел на десяток лет. Глаза молодого человека видели слишком многое за минувшие дни... Из неопытного юнца, «маменькиного сынка», он превратился в сурового воина.

Усталыми и старыми выглядели и солдаты, сопровождавшие его.

А на коне, привязанный поперек седла, висел пленник. И на этого пленника были устремлены все глаза.

Прежде никогда еще не доводилось воинам Сеггера нахватывать таких значительных пленных. С порождениями мрака разговор всегда был короткий: если выпадала такая возможность, их убивали без малейшей пощады. Если создание Тьмы не уничтожить – оно приложит все усилия для того, чтобы умножать смерть и несчастья. Гниляки, зомби, скелеты, пляшущие тени, крылатые рюки с кожистыми крыльями и цепкими хвостами, шипастые и длинноногие гончие тумана – все эти твари были созданы лишь для одного: убивать. С ними не разговаривали – их расчленяли, сжигали, топили, бросали в болото... что угодно, лишь бы пресечь их дальнейшее пребывание ни Лааре.

Но пророк тумана – другое дело. Настоятель монастыря сразу понял, что речь идет о ком-то, кто действительно осведомлен о происходящем. От кого зависят судьбы других. Некто, кому можно задавать вопросы.

Эсайас Новер приблизился к настоятелю и опустился перед ним на колени. Тот дрожащей рукой благословил воина Сеггера.

– Встань, дитя мое, – заговорил настоятель.

Теперь это «дитя мое» прозвучало уважительно, хотя по-прежнему ласково, как обращение старшего к младшему. И Эсайас Новер – новый Эсайас Новер, повзрослевший и обретший мудрость зрелого человека, – понял это и не стал возражать против отеческой фамильярности настоятеля.

Он поднялся на ноги.

– Все эти приветствия для меня большая честь, – проговорил Эсайас. – Право же, я смущен тем, как вы нас встречаете...

– Оказанные тебе почести – меньшее из всего, что ты заслужил! – воскликнул настоятель. Его глаза нет-нет да косили в сторону пленника. – Ты потерял очень многих... Они пали за веру Сеггера, за Свет и доброе дело, – прибавил настоятель. – Мы будем возносить за них молитвы.

– Да, битва оказалась тяжелой, – согласился Эсайас. Он не стал тратить лишних слов, отказываясь от похвалы или пытаясь выгородить себя, неопытного командира, у которого вырезали почти весь отряд. И в этом также ощущалась зрелость. – Не знаю, как нам вообще удалось спастись. Разве что дело в королеве умертвий...

Настоятель вздрогнул.

– Ты встретил ее на болотах?

– Да... очень странная встреча. Мне даже показалось, что она... Да нет, такого не может быть! – Эсайас закусил губу и покачал головой, показывая, что не готов обсуждать эту тему.

Весь путь обратно он то и дело обращался мыслями к королеве умертвий. Кто она на самом деле такая? Она красива... и действительно похожа на ижорку. Но она никак не может быть ни человеком, ни ижоркой. Она даже не троллок. Она – нечто совершенно иное, неповторимое. Подобного ей Эсайас никогда не встречал – и молодой человек подозревал, что и никто на Лааре не мог похвастаться тем, что осведомлен касательно этого существа.

Тогда, в бою, она растерялась. Эсайас не льстил себе и ни одной минуты не считал, что королева умертвий была потрясена его неземной красотой, его мужеством и прочими достоинствами, делающими рыцаря из Тугарда привлекательным для противоположного пола. Хотя это было бы забавно!.. Но нет, она испугалась чего-то совершенно иного. Если бы Эсайас решился допустить невозможное, он сказал бы, что королева умертвий испугалась самой себя.

Настоятель мягко взял его за руку.

– Нам о многом следует поговорить, но для начала, полагаю, запрем пленника в надежную тюрьму. Тебе и твоим людям необходимо отдохнуть. Когда вы перемените одежду, трапеза будет уже готова.

* * *

Святым братьям, как называли теперь воинов Эсайаса Новера, оказывали всевозможные почести. Одного из капралов объявили праведником и предложили ему жить в монастыре на всем готовом. Единственное, что от него требовалось, – раздавать благословения верующим и рассказывать всем жаждущим знания о великой битве с королевой умертвий.

Настоятель подробно объяснил вояке, как именно следует говорить о случившемся.

– Ты, братец, не полководец и не политик, всей картины знать не можешь, – да и кто ее знает! Уж всяко не мы, жалкие да ничтожные... – Он слегка приосанился, блеснув золотым шитьем на одежде. – Поэтому рассказывай все просто, без затей.

– То есть все, что видел? – уточнил капрал.

Он очень хотел угодить настоятелю, поскольку безбедное и беззаботное житье при монастыре было лучшим из всего, что только могло выпасть на долю старому вояке.

– Именно так, – улыбнулся настоятель. – Ты человек простой, вот и говори просто.

– Это... ну, как умертвил отовсюду полезли, из тумана, из болота, вообще из-за каждой кочки и из-под земли, – начал перечислять солдат.

– Именно, именно, – кивнул настоятель.

– Ну вот, я просто – уточнить, – заметил капрал, – Чтобы потом не было каких-то неприятностей. Нам не надо, чтоб неприятности... Ага. Ну, значит, они полезли, полезли и начали наших жрать и рвать на кусочки. Подробности можно?

– Да, тут просто необходимы подробности, – подтвердил настоятель.

Солдат наморщил лоб.

– Они... это... жуткие, все эти подробности, и с них стошнить может, – предупредил он.

– Это ничего. Люди должны понимать, с какой опасностью они имеют дело. И от какой ужасной беды вы, рискуя жизнями, их избавили.

– Так не избавили – только сами покалечились, разве что... – вздохнул капрал. – Там, на болоте, умертвий – что волн в море, и меньше не становится, руби не руби. Самому бы ноги унести – и ладно.

– Про это говорить не надо, – остановил настоятель.

– Вот видите, ваше преподобие, хорошо, что я тут уточняю, – обрадовался солдат. – А то брякнул бы что-нибудь излишнее. Ну, значит, тут прилетает упырь – крылья в три обхвата, во! Здоровенный и жуткий. И на командира нашего набрасывается.

– Про упыря подробно. И почему он не боится солнца?

– Ну, он же принц-упырь, у него, может, другое устройство... – предположил солдат. – Или это имя просто такое, что упырь, а на самом деле главное в нем то, что он принц. В общем, дрались они, дрались, и из командира нашего уже дух долой, но потом принц-упырь сломался – обратился королевой умертвий.

– Стой-ка, – настоятель поднял руку, – здесь мы будем иначе излагать. Согласись, Эсайас Новер заслуживает величайших почестей, так что мы не будем умалять его подвига.

– Ага, – сказал капрал. – Понятно.

– Принц-упырь позорно бежал от Эсайаса Новера, который перерубил ему руку и отсек крыло. Так лучше.

– Фактически он ему перерубил и отсек, – вздохнул капрал. – Потому что он герой, наш Эсайас Номер, и этого у него не отнять. Что угодно отнять, но не это. Храбрый малый.

– Так о нем тоже не выражайся, он тебе не ровня – он знатный человек, – предупредил настоятель, – Называй храбрецом, отважным рыцарем.

– Ясно. В общем, тут королева умертвий от него убежала.

– Хорошо.

– А пророк тумана...

– Погоди. – Настоятель поднял руку в предостерегающем жесте. – Если хочешь сытно есть и сладко спать и вообще дожить до старости – ни слова о пророках тумана.

– Да об чем речь! – обрадовался капрал. – На таких условиях я готов забыть не только о пророках тумана, но и о родной матери. Кстати, как ее звали? Что-то не упомню.

* * *

Захваченный Эсайасом Новером пленник действительно оказался чрезвычайно важной особой. Допрашивать его самолично настоятель не осмелился, а вместо этого озабочился сохранностью добычи: поверх прежних пут, не снимая их, наложил еще дополнительные серебряные кандалы со впечатанным в них закланием и с Золотыми Глазами Сеггера на каждом «браслете». Пророк тумана был заточен в самую надежную темницу в подземельях монастыря. Можно сказать, его замуровали заживо. Ему оставили воду – пусть пьет, если возникнет надобность и если сумеет дотянуться; но кормить его никто не приходил. Настоятель не решился так сильно рисковать. Возможности пророков тумана еще никем не были исследованы. Эти создания Тьмы представляли собой нечто абсолютно новое для Лаара, и потому, как полагал настоятель, никакая предосторожность в данном случае не может быть названа излишней.

Ждали опытных братьев из Серого ордена – инквизиции, которым сразу дали знать о случившемся.

Те примчались быстрее ветра, и с ними в качестве охраны явился отряд из десяти человек, принадлежащих к тайному братству койяров, умевших быть невидимками и разить без пощады.

Возглавлял отряд инквизитор по имени Ринан Сих.

Служитель Сеггера выглядел до странного молодым: у него было совсем гладкое лицо, светлые волосы без малейшего признака седины, гладкий лоб. И только глаза выдавали – если не возраст, то большой и горький опыт.

О нем рассказывали много интересного и неординарного. Что он был одним из тех, кто неустанно преследовал еретиков-архаалитов и не щадил при этом ни собственной жизни, ни жизней своих солдат, лишь бы достичь основной цели – сохранить веру в чистоте и не позволить ереси смущать души верующих. Что он чудом спасся там, где погибли все остальные, и что произошло это исключительно по его молитвам, благодаря его аскетической жизни и личным добродетелям. Уже одно это делало Ринана личностью легендарной и выпивало немало сплетен, распускаемых у него за спиной.

Но главной загадкой Ринана Сиха была его спутница, которая неразлучно следовала за ним повсюду. Низкорослая, похожая на гнома женщина с желтым лицом, она называла себя Игинуш, а в третьем лице – «мамочка». Казалось, Ринан Сих подчас не знает, куда ему деваться от ее назойливой и шумно выражаемой «материнской заботы». И тем не менее Желтая Игинуш оставалась с ним все это время.

Серый орден с интересом выслушал доклад этого инквизитора о том, что произошло в городке Хеннгале, куда явились пророки тумана и который полностью был уничтожен пламенем – вместе со всеми его строениями и жителями.

Поведал Ринан Сих собратьям по ордену и о той, которая не желала расставаться с ним ни на минуту, об этой самой Игинуш. Она была весьма общительна и нисколько не беспокоилась о том, какое производит впечатление, поэтому держать ее существование в секрете не удалось бы ни при каких обстоятельствах.

Рогер Сих, родственник Ринана по отцовской линии и глава того отделения Серого ордена, где Ринан получал посвящение, в частной беседе предлагал ему применить радикальные меры:

– Если хочешь, Серый орден сам займется этой твоей так называемой «мамочкой» и быстро избавит тебя от неудобств. Нам это ничего не стоит... И не думаю, чтобы кто-нибудь начал задавать вопросы о том, куда она подевалась. В крайнем случае ответишь, что

служение позвало ее в дальний путь.

Однако Ринан Сих, к удивлению родственника, медленно покачал головой:

– Благодарю, этого не требуется. Пусть все остается как есть. Я не хочу, чтобы с Игинуш что-то случилось... чтобы служение позвало ее в дальний путь, к примеру.

– Она ведь сильно докучает тебе! – настаивал Рогер Сих. – Хорошенько подумай, прежде чем отказываться. С подобной ношей на шее ты далеко не уйдешь.

– Если ты имеешь в виду мою собственную работу, то здесь не следует беспокоиться: Игинуш не обуза, скорее наоборот.

– Но кто она? – недоумевал родственник. – Почему ты так печешься о ней?

– Скорее, она обо мне...

В конце концов Ринан Сих сделал доклад на Совете ордена. Его в любом случае выслушали бы, поскольку он вернулся с задания, которое оказалось неординарным и привело к достаточно серьезным последствиям. Совет ордена хотел бы выяснить, в частности, не начнут ли обвинять инквизицию в том, что она уничтожает города по малейшему и ничтожнейшему поводу.

Подобные прецеденты уже были. Несколько раз Серый орден действительно предавал огню и мечу поселения, где находили прибежище еретики-архаалиты. И что бы там ни говорили во «внешнем мире», внутри ордена царил единодушие: в столь суровых мерах была крайняя необходимость.

Ринан Сих рассказывал о Хеннгале несколько часов. Ему задавали уточняющие вопросы. Многие хотели знать, о чем говорила та архаалитка, которая была справедливо осуждена на сожжение, и кем она оказалась.

– Кем бы она ни была на самом деле, – закончил свое повествование Ринан Сих, – эта Игинуш уверена и том, что архаалитка Пенна – ее дочь. После гибели Хсннгала в огне я подобрал Игинуш... Точнее, она подобрала меня, – Ринан Сих слабо улыбнулся. Эта гримаса была тенью, подобием настоящей улыбки, но на другую инквизитор не был способен. – Я счел правильным держать ее при себе, чтобы иметь возможность изучить как следует. Она – чрезвычайно своеобразное существо. Главная ее особенность заключается в том, что время от времени она меняет кожу.

– Меняет кожу? – перебил Рогер.

– Да, – Ринан Сих кивнул, – как это делают, например, змеи. Но в природе Игинуш нет ничего змеинового, – предупредил он следующий вопрос, – Просто... она меняет кожу. Этой коже некоторые приписывают волшебные свойства. Возможно, она действительно может принимать участие в некоторых магических действиях – как составная часть зелья. Об этом лучше спрашивать ведьм, которые и находили кожу Игинуш на болоте, и применяли в своих действиях. Подробности мне, впрочем, не известны. Я не разговаривал с ведьмами.

– Что же делал с ее кожей ты? – любопытствовал один из старых инквизиторов. Несмотря на пожилой возраст, он вступил в Серый орден недавно и считался одним из младших. Тем не менее ему позволялось задавать вопросы наравне с высшими иерархами, поскольку, по общему мнению, этот человек отличался ясным и логичным складом ума.

Ринан Сих ответил, обращаясь не к старику, а ко всему собранию:

– Сброшенную кожу я сжег. Это произошло только один раз. Не имея достаточных знаний, чтобы извлечь из кожи Игинуш полезные свойства, я не считал правильным оставлять ее на произвол судьбы, во власти любого, кто захочет ею воспользоваться.

– Умно, – согласился старый инквизитор.

– Игинуш не владеет никакой магией, – продолжал Ринан Сих. – Она сама по себе является довольно мощным магическим артефактом. Остается открытым вопрос о том, насколько она отдает себе в этом отчет. Но так или иначе, а находиться поблизости от Игинуш означает с неизбежностью подвергаться воздействию заключенных в ней сил.

– Мы сейчас не говорим о ее бесконечном кудахтанье «покушай, малыш» и «ты плохо выглядишь, не пойди ли тебе отдохнуть, сынок»? – высказался толстый инквизитор с румяными щеками любителя хорошо провести время и удивительно унылым взглядом.

Раздалось несколько смешков.

Ринан Сих остался невозмутимым.

– Мы терпим шипение змей, когда считаем эту змею полезной. Мы терпим визг и лай собаки, охраняющей наш дом. Мы терпим даже попреки жены – у кого есть или была жена... Почему бы мне не терпеть причитания Игинуш касательно моего самочувствия? Если уж на то пошло, она несколько раз спасала мне жизнь. Она уберегла меня от голодной смерти, когда мы бродили по болотам. Кто, если не Игинуш, умеет находить пищу даже там, где, казалось, не растет ничего съедобного? Не стоит недооценивать это существо лишь потому, что оно забавно выглядит. Мы понятия не имеем о том, какая мощь заключена в ней.

Эта речь произвела сильное впечатление на орден, и Ринану Сиху официально было позволено оставить при себе Желтую Игинуш – для дальнейших исследований.

Было еще одно обстоятельство, чрезвычайно важное и, быть может, решающее, но о нем Ринан Сих не сообщил никому ни в Совете ордена, ни своему родственнику лично.

Ринан Сих считал, что Желтая Игинуш – это ключ к королеве мертвых.

* * *

Возглавить комиссию по допросу пророка тумана – о таком молодой инквизитор даже и мечтать не мог. Рогер Сих настоял на том, чтобы это ответственное задание было поручено его родственнику, едва только известие о пленении создания Тьмы достигло штаб-квартиры ордена. Подготовка велась очень быстро, нельзя было терять ни минуты. А вдруг пророк тумана все-таки сумеет освободиться, несмотря на все принятые меры предосторожности? На что он способен? Этого ведь никто не знал.

– Ринан Сих энергичен, умен, у него присутствует здоровое чувство ненависти к врагам Сеггера... и, кроме того, сейчас у нас нет под рукой более подходящей кандидатуры, – был главный аргумент Рогера, и Совет ордена с ним согласился.

Ринан был призван к родственнику, который вывалил на него кучей все известия сразу.

– В обители на границе Тугарда находится захваченный в плен пророк тумана, – начал Рогер.

Так вот каким было секретное известие, доставленное в штаб-квартиру! У Ринана подкосились ноги, на мгновение ему показалось, что он вот-вот потеряет сознание от волнения. Неужели?!

– Это... невозможно! – вырвалось у Ринана. – Я же видел пророков, они... Как их схватить? У них... у них не было плоти! У того, которого я видел... щупальца, пустая одежда... Не знаю. – Он резко выдохнул, пытаясь успокоиться, но это ему плохо удалось.

– Некоторые из них действительно не люди, – озабоченно кивнул его родственник. – И ты видел, мы полагаем, именно такого. Но в «ордене чумных пророков» – будем называть это объединение монстров так, за неимением лучшего определения, – несомненно, состоят самые разные существа. Насколько мы поняли, для них не имеет значения раса. Разумеется, вряд ли мы встретим среди пророков тумана прекрасного эльфа или дриаду, но, с другой стороны, оказываются же эльфы в числе Темных, становясь лучниками-зомби... Хотя эльфы плохо для этого подходят, слишком уж хрупка их плоть. И все же ничего нельзя утверждать наверняка. Пророками тумана могут быть любые существа.

– В том числе и люди, – медленно проговорил Ринан Сих. – Удивительно!

– Что еще тебе непонятно?

– Если говорить о задании, то оно как будто бы яснее ясного. Обычная работа инквизитора: я спрашиваю – пленник отвечает. Если пленник молчит, мы зовем палача, а потом я снова задаю вопросы... И так несколько раз, пока я не буду удовлетворен ответами. Процедура отработана, давно знакома – и очень хорошо действует, – поморщился Ринан Сих, – Но... человек! Пророк тумана! А что еще о нем известно?

– Вот ты и выяснишь, – сказал Рогер Сих. – Твои вещи уже собраны в дорогу, припасы навьючены на лошадь. Тебе осталось только сесть на коня...

– Понадобится также лошадь для Игинуш, – сказал Ринан Сих.

– Ты хочешь взять ее с собой? – нахмурился Рогер. – Ты хорошо подумал, прежде чем принять подобное решение?

– Присутствие Игинуш необходимо, – ответил Ринан. – Она должна быть там же, где и я.

– Я так и не понял, Ринан, ты что же, рассказываешь ей обо всем, что знаешь? А это не опасно?

– Рассказывать обо всем Игинуш бессмысленно, она не понимает почти ничего из того, о чем говорится, – возразил Ринан, – Она живет в собственном мире. В мире своих грез, снов, представлений о реальности, в мире своих иллюзий. Если угодно, в мире собственной реальности, куда нет хода почти никому. Сливе что мне – иногда. Я ведь уже подробно докладывал об этом.

– И все же, зачем она тебе в этой работе? – настаивал Рогер. – Сейчас я не говорю о том, чтобы отправить ее подальше от тебя... в те края, откуда не возвращаются... Эту тему мы уже закрыли. Но – брать такое существо на допросы пророка тумана... Мне представляется, что это будет неосмотрительным поступком.

– Игинуш... она на самом деле мне нужна, – повторил Ринан Сих. – Я чувствую это, даже если и не могу сейчас внятно объяснить. И я ей необходим. Без меня она погибнет. Мы каким-то образом связаны. Возможно, все дело в пожаре Хеннгаля, когда мы вместе выбрались из города...

– Да, да, помню, ты ее «сыночек», – криво ухмыльнулся Рогер. – Об этом все толкуют, когда нет других тем для разговора. Хорошо, что твоя истинная мать не дожидая до подобного позора... Ладно, бери с собой свою кудахчущую курицу. Если она станет для нас слишком неудобна... палач всегда под рукой, не забудь. Тебе останется лишь мигнуть этому славному парню, и одной заботой у тебя станет меньше.

– Вот уж о чем я никогда не забываю, так это о палаче, – заверил его Ринан Сих. – Для меня... – У него перехватило дыхание, но все же он закончил: – Для меня большая честь, что это дело поручили именно мне. Возможно, опыт, который я получил в Хеннгале...

– Да, это было одной из причин, – кивнул Рогер Сих. – Тебе доводилось встречаться с пророками тумана, так что особо страшной неожиданности для тебя не будет. И все же будь осторожен.

– Я выжму из пленника все, что смогу, а потом вышвырну его шкуру в болото! – поклялся Ринан Сих.

– По части шкур, вышвырнутых в болото или сожженных за ненадобностью, ты, конечно, большой специалист, – проговорил Рогер Сих, и Ринан с удивлением понял, что его суровый родственник шутит.

Шутит!

Это могло означать лишь одно: дела наконец-то пошли лучше. Прежде события развивались лишь от дурного к очень дурному, а сейчас, похоже, намечается перелом. И он, Ринан Сих, будет одним из тех, кто управляет этим переломом.

Воистину, нельзя упускать ни минуты.

Отряд инквизиции мчался день и ночь. Койяры охраняли слуг Сеггера. Игинуш ехала рядом с Ринаном Сихом и болтала без умолку, чем невероятно раздражала остальных; однако из уважения – а может быть, и из страха – перед Ринаном слуги Сеггера помалкивали.

Палач, худощавый, спокойный человек с удивительно сильными руками, замыкал отряд. Его запасная лошадь была навьючена различными приспособлениями, предназначенными для развязывания языков. Палача звали Годан. О нем говорили, будто к его жилам течет кровь троллоков, однако Ринану Сиху сие представлялось весьма сомнительным. С троллоками Годана могло объединять разве что специфическое чувство юмора. Сам Годан эти слухи о себе вообще никак не комментировал, а спросить палача в лицо о том, не путалась ли его мать с порождением болот, не решился бы даже самый отважный.

Несмотря на спешку, дорога все же заняла несколько дней. Равнина не слишком нравилась Ринану – негде спрятаться. Еще в детстве над ним подшучивали, говорили, что он, должно быть, змеиный родственник – вечно ищет, где бы затаиться, и предпочитает густые заросли открытой местности.

Детство. Сейчас об этом даже думать странно. Не было – и быть не может – никакого детства.

Судя по всему, Игинуш прочитала мысли своего спутника – за ней такое иногда водилось – и, подъехав поближе, заговорила с ним озабоченно:

– Ты считаешь, детство невозможно?

– Я считаю, – ответил он, – что в такое время, как наше, никто не может позволить себе этой роскоши – быть ребенком.

– Да, да, все сходится! – взволнованно произнесла она, – Ты прав. Я всегда утверждала, что ты, Ринан Сих, очень умный. Ну, немножко глупый, как все дети и как все мужчины, но это можно пережить, ведь у нас с тобой есть я, а я могу думать за двоих, когда это требуется.

– Ты можешь думать за четверых, Игинуш, но этого не требуется.

– Ошибаешься. – В ее глазах появился озорной блеск. – Ты глуп и потому ошибаешься. Но ты хороший мальчик, и поэтому я не оставлю тебя. Mamochka всегда будет рядом, чтобы дать тебе добрый совет... – Она наморщила лоб и озабоченно уставилась на Ринана Сиха. – О чем мы только что говорили?

– О том, что после Катаклизма ни у кого, даже у ребенка очень богатых родителей, не может быть никакого нормального детства.

– Ошибка, ошибка, ошибка! – закричала Игинуш. – Когда у меня была маленькая дочь, у нее было детство. Жабы были ее игрушками. Мы жили на болоте, мать и дочь, мы любили друг друга, мы кормили друг друга, и нам было так хорошо... Куда ушла моя маленькая девочка?

Игинуш сморщилась, готовясь заплакать.

Ринан Сих коснулся ее плеча:

– Мы найдем твою маленькую девочку, Игинуш, Мы непременно найдем ее. Только... Ты знаешь, она теперь стала довольно большой девочкой.

– Ты ее видел. Я ее видела. Сама-то я не помню, но ты мне рассказывал, как я повстречалась с ней... Там, в Хеннгале. Да? Ты пытал ее и хотел сжечь, так что вы с ней были близко знакомы. Почти друзья.

– Почти родственники, – сказал инквизитор.

Он говорил вполне серьезно: с каждым, кого он подвергал допросам и пыткам, инквизитор так или иначе рождался душой. Это помогало ему, в частности, ощутить, когда пленник лжет, а когда говорит правду. И еще позволяло чувствовать момент, когда следует прекратить допрос, поскольку можно потерять пытаемого. В подобных делах помогает только интуиция.

– Мы найдем мою девочку? – настаивала Игинуш.

Она надулась.

– Очень жаль. Я думала, ты уже нашел ее и хочешь устроить мамочке сюрприз.

– Нет, Игинуш, но тот, к кому мы едем, очень важен. Он может знать...

Игинуш просияла:

– Он может знать, где моя девочка!

Она была очень довольна.

Как ни странно, путешествие протекало без неприятных эпизодов. Только однажды на горизонте показался отряд троллоков, но те не стали нападать – то ли сочли добычу слишком незначительной, то ли не узрели в процессии ничего опасного для себя. Они повернули назад – и хорошо сделали. Потому что не узрели они также десятка хорошо обученных койяров-невидимок, которые были приданы инквизиции для охраны.

Второй раз отряд натолкнулся на человекозмею, который охотился в зарослях. Мерзкая рептилия передвигалась на хвосте, как на единственной ноге, подняв вверх мощный

получеловеческий торс, увенчанный круглой шипастой головой.

Игинуш заметила его первой и пронзительно завизжала. Один из солдат крикнул Ринану раздраженно:

– Угомони же свою зверюшку, твое преподобие!

Ринан никак не ответил, а возникшие рядом с ним как будто из воздуха койяры накинудись на человекозмея. Хватило нескольких коротких ударов изогнутыми мечами, чтобы расчлененный на куски монстр затих навсегда.

– Крепкий! – Смеясь, один из койяров показал Ринану Сиху отметины, оставленные зубами чудовища на стали. – Он напитал мой клинок своим ядом. Очень хорошо.

И в самом деле, две желтоватые капли, видневшиеся в углублениях, сделанных клыками, медленно впитались в клинок. А затем койяр исчез – как будто растворился в воздухе. Ринан Сих еще мгновение слышал его дыхание, но потом пропало и оно.

* * *

Прибытие отряда инквизиции стало еще одним событием в приграничной обители. Не таким значительным, конечно, как возвращение Эсайаса Новера с добычей, но все-таки весьма существенным. Настоятель опять счел нужным лично выйти навстречу высоким гостям.

Ринан Сих понравился ему. Спокойный, собранный, сдержанный. Очень вежливый. Сразу видно, что этот человек привык общаться со старшими и умеет держать себя – не посягая на чужое достоинство, но и не умаляя своего.

«Карьерист», – нашел подходящее определение настоятель.

Ему легко было с людьми, которые не считали нужным что-либо скрывать и сразу же объявляли о своих целях, как ближайших, так и отдаленных.

– Вы так молоды, – сказал ему настоятель со вздохом. – Сейчас настали такие тяжелые времена... Молодые люди слишком рано старятся. Испытания и ужасные знания, которые им волей-неволей приходится добывать...

– Это моя работа, – отозвался Ринан Сих. – Я сам избрал для себя такую участь, когда вступил в Серый орден. Знать. Добывать знания, какими бы ужасными они ни были. Очищать нашу землю от зла по мере моих скромных возможностей. Бороться с архаалитской ересью, которая зачастую бывает опаснее открытых проявлений Тьмы, поскольку действует под маской добра.

– Добро пожаловать в обитель Алого ордена, – сказал настоятель с отеческой улыбкой. – Я рад вас видеть! Сколько человек мне нужно разместить?

– Двадцать три, – ответил Ринан Сих. – И еще Игинуш. Двадцать четыре.

Настоятель быстро окинул взглядом всех видимых ему спутников Ринана Сиха. Шевеля губами, пересчитал их.

Ринан Сих улыбнулся.

– Со мной еще койяры, – объяснил он. – Их вы не видите.

– О, – кивнул настоятель, – в таком случае все понятно.

Присутствие койяров говорило о том, что Серый орден считает миссию Ринана Сиха невероятно важной. Приложены все усилия к тому, чтобы по пути и во время процесса с инквизитором ничего дурного не случилось. Разумно, разумно.

Маленькая обитель Святого Арвинна неожиданно сделалась центром вселенной – потому что именно в ней поселилась надежда.

Не только детству – поэзии тоже не место в мире после Катаклизма. И все же поэзия вернулась. «Поселилась надежда»! Настоятель хмыкнул, отвечая собственным мыслям, а затем распорядился о том, чтобы приезжие были размещены наилучшим образом. Специально выделенный брат показал Ринану Сиху и Годану-палачу место их будущей работы. Ринану не терпелось приступить к делу, но он понимал, что людям необходимо отдохнуть хотя бы несколько часов. Что ж, такую роскошь они, вероятно, могут себе

позволить.

Игинуш увязалась за Ринаном. Она осматривала все с огромным любопытством и время от времени принималась бормотать, по большей части одобрительно.

В обители Святого Арвинна Ринану Сиху очень понравилось, и инквизитор не считал нужным держать свое мнение при себе. То и дело он начинал рассыпаться в похвалах, а сопровождающий брат в ответ широко улыбался.

Отменно здесь все устроено, в этой обители. Строго, благочестиво и вместе с тем удобно.

– Здесь непременно надо завести домашний скот, – громогласно рассуждала Игинуш. – Разводить лягух и ящериц. Кто не ел ящериц, не знает, как они вкусны! У них чудесное нежное мясо. Лучше сырое. И еще можно держать зябров. Маленькие сочные зябры. Я их ела на болотах. Я ловила их для дочки. Они занимают совсем мало места. Очень удобно. Проводите меня к вашему главному, я ему расскажу!

– Я сам ему передам твои рекомендации, Игинуш, – остановил не в меру ретивую подругу Ринан Сих. – Он непременно их выслушает.

– Только пусть выслушает, потому что я советую дело. Они не будут знать голода. Никогда, никогда! – настаивала Игинуш. Ей очень хотелось оказать любезность таким замечательным, гостеприимным людям.

– Возможно, они последуют твоему совету уже в ближайшее время, – заверил ее Ринан Сих.

Игинуш уже не слушала.

– Тут должны быть замечательные подвалы! – рассуждала она, оглядывая большую башню, выстроенную напротив храма Сеггера. – Просторные каменные подвалы, такие удобные для работы моего мальчика. – Она обратилась к смиренному брату, сопровождавшему их, – Мой мальчик – важный инквизитор, можешь себе представить? Вот какой у меня ребенок! Вырос и стал инквизитором! Он допрашивает и пытается людей. Он загоняет иголки им под ногти, дробит им кости рук и ног, он капает расплавленный металл им на живот... Он даже металла для них не жалеет... Вот какой у меня мальчик. Всегда с душой, всегда с умом. Его очень ценит начальство. Даже поручило ему важный допрос. Разве можно не гордиться таким ребенком?

Подвалы действительно оказались выше всяких похвал. Просторные, низкие, с прочными креплениями в каменной стене. Возможно, когда-то там содержались узники. Палач Годан с одобрением осмотрел кольца, вбитые между булыжниками, прикинул, прищурив глаза, где и как разместит пыточное оборудование. Довольная улыбка блуждала по лицу палача.

– Мне понадобится хороший стол, – сказал Ринан Сих, оглядев подвал, – Такой, чтобы за ним можно было разместиться вчетвером.

– Принесем, – с готовностью сказал брат. – И скамью. Книги для записи допроса вы, полагаю, взяли с собой?

– Да.

– Мы бы хотели... – Брат замялся, но потом все-таки высказался: – Это пожелание настоятеля, но он не захотел говорить его прямо.

– То есть? – нахмурился Ринан Сих.

– Настоятель, очевидно, не считает необходимым высказывать вам это в лицо. Возможно, таково его представление о вежливости и доверии, – сказал брат, – Но я всего лишь смиренный слуга Сеггера. Я не опасаясь за свою репутацию, и мне безразлично, что вы обо мне подумаете. Поэтому говорю прямо: хорошо бы, чтобы на допросе присутствовал кто-нибудь из наших.

– Здесь все – «наши», – ответил Ринан Сих. – Чужих нет.

– Я говорю об обитателях монастыря.

– Разумеется, настоятель будет приглашен, – кивнул Ринан Сих. – Это даже не обсуждается. Поэтому-то ваш настоятель и не высказывал никаких пожеланий на сей счет.

Кстати, принесите для него кресло и скамейку под ноги. В подвале сыровато, а допрос, боюсь, затянется на много часов.

Двое инквизиторов рангом пониже должны были помогать Ринану Сиху вести допрос (хотя сам Ринан считал иначе – обычно ему никакая помощь не требовалась), четверо серых братьев служили помощниками Годана, а пятый был писцом.

Постоянное присутствие Игинуш невероятно смущало настоятеля. В первые часы он не хотел говорить об этом, но когда Ринан Сих со своей неизменной спутницей встретились с ним, чтобы вместе идти на первый допрос, настоятель с сомнением уставился на кругленькое, похожее на говорливую птичку существо, которое суеилось вокруг Ринана, размахивало толстенькими ручками и без умолку вещало на самые разные темы.

– А как здесь симпатичненько все устроено, не правда ли, сыночек? – кудاختала Игинуш. – Какой дворик! Загляденьице! Мне очень нравится. А там дальше – что? Наверное, там они живут.

– Здесь обитель, – строго произнес настоятель. – Здесь живут слуги Сеггера. Его воины. Его аколиты.

Игинуш замолчала с раскрытым ртом, уставившись на настоятеля с таким видом, словно только что заметила здесь какого-то странного человека.

– Ой, кто он? – повернулась она к Ринану. – Он здесь давно? Он все слышал? Наверное, ты хозяин, – заговорила она с самим настоятелем. – Ну так я не стыжусь всего того, что говорила! Я и в самом деле считаю, что у тебя тут очень хорошо и уютненько все устроено! Мне нравится. Как будто я сама поработала. Я ведь умею делать гнезда, знаешь? Я беру тряпки, солому... – Она сделала кругообразное движение рукой, показывая, как именно вьет гнездо.

Настоятель брезгливо морщился, но Ринан Сих слушал терпеливо, и настоятель не решался возражать. Он видел, что у инквизитора имеются веские основания показывать, что странная особа находится под его покровительством.

– Она... женщина? – спросил настоятель вполголоса, кивая в сторону Игинуш. Он мог бы и не таиться – Игинуш мало внимания обращала на него, увлеченная своими исследованиями какого-то «особенного» камушка, вызвавшего ее интерес.

– Что-то вроде того, – ответил Ринан Сих. – По крайней мере, у нее когда-то была дочь. Так она утверждает. Рожденная ею самой дочь.

– Ты веришь этому?

– Почему бы и нет?

Ринан Сих не стал говорить о том, какие предположения у него имеются касательно той самой дочери. Это не имеет отношения к делу. Если у молодого инквизитора получится добраться до королевы умертвий, его карьера взлетит сразу и резко и он сделается по статусу в ордена намного выше своего родственника Рогера. Не то чтобы Ринан Сих был так уж честолюбив, но... Каждый не прочь войти в историю как победитель могучего создания Тьмы!

– Ты предполагаешь, что она будет присутствовать на допросах? – опять спросил настоятель.

– Да, – ответил Ринан Сих твердо. – Пророк тумана в любом случае не скажет ничего такого, о чем она бы не догадывалась или чему не была свидетельницей. Игинуш... это волшебное существо, которое обладает весьма обширными познаниями.

– Только делиться не хочет, да? – усмехнулся настоятель.

– Время от времени она напрочь забывает все, о чем знала прежде, – спокойным тоном отозвался Ринан Сих. – Она теряет память, потом снова припоминает что-то, а что-то так и остается в забвении...

– Весьма удобно, – процедил настоятель сквозь зубы. – То помнит, то нет. Время от времени, то и дело.

– Что-то я никак не возьму в толк, святой отец, – не выдержал наконец Ринан Сих, – что именно тебя не устраивает в сложившейся ситуации?

– Я тебе отвечу, Ринан Сих, – ответил настоятель, бросаясь в откровенность, как в воду, – Эсайас Новер, храбрый воин, рыцарь Тугарда, который захватил и плен пророка тумана, при допросах присутствовать не будет. Более того, о результатах мы ему, скорее всего, ничего не расскажем. Или отделаемся обычными отговорками. Мрак с Темной стороны Лаара надвигается на Тугард... и все такое прочее.

– Разумно, – кивнул Ринан Сих. – И в этом нет ничего трагического, напротив. Незачем лишними сведениями отягощать сознание, для отягощения отнюдь не предназначенное. Испокон веку так было заведено, что воины занимаются своим делом, а инквизиция – своим... На разделении обязанностей и держится мир.

– У святых братьев тоже есть свое ремесло, – закончил настоятель обители Святого Арвинна. – Теперь ты понимаешь, к чему я клоню, Ринан Сих?

– К тому, что я, ты и Игинуш будем знать о пророке тумана существенно больше, чем тот отважный рыцарь, который сумел его одолеть, – подытожил Ринан Сих, – Но это только естественно. Мы ведь только что с тобой договорились о том, что каждый делает исключительно свое дело и не сует нос в чужое. Это поможет нам поддерживать хотя бы минимальный порядок в мире, где все давно и прочно сошли с ума.

* * *

Пророк тумана был не приведен, а принесен в подвал. Это сделали воины инквизиции. Ринан Сих и писец заняли место за столом, который специально был доставлен в подвал по такому случаю. Ринан вел собственные записи, приватные. Обычно такое не позволялось, но сейчас речь шла о слишком уж специфическом пленнике. Каждому из записывающих следует тщательно фиксировать каждое слово допрашиваемого, а если возникнут разночтения, всегда можно будет обменяться сведениями с писцом и в конце концов воссоздать максимально точную формулировку.

Противоположный конец подвала был оборудован пыточным инвентарем, согласно абсолютно точным и скрупулезно подробным указаниям палача Годана.

Для Игинуш Ринан Сих распорядился устроить прямо на полу гнездо из рваных тряпок и соломы, чтобы «мамочка» могла удобно себя чувствовать во время допроса пленника. Возможно, втайне полагал Ринан Сих, в какой-нибудь момент Игинуш скажет или вытворит что-нибудь такое, от чего пророк тумана сделается более разговорчивым, и Годану вообще не придется прибегать к пыткам. Палач будет весьма разочарован!

Годан был мастером своего дела и очень любил пытать. Более того, он с большим уважением относился к пытуемым и всегда заботился о том, чтобы сильные люди не были оскорблены тем, что к ним применяются жалкие, несущественные пытки, выдержать которые мог бы, не изменившись в лице, даже грудной младенец.

Игинуш нервничала.

– Он знает, где моя дочь? – приставала она к инквизитору. – Пусть ответит, где моя дочь! Спроси его об этом! Смотри, какие у тебя есть крючки, и ножи, и тонкие иглы, и превосходные крючья... Пусть ответит. Он наверняка знает.

– Помолчи, – приказал ей Ринан Сих. – Ты умна и мудра, смотри сама, наблюдай и делай выводы. Но молчи! Иначе мне придется вывести тебя отсюда.

– Неблагодарное дитя, – проворчала Игинуш, устраиваясь удобнее в своем гнезде.

Пленника бросили на пол, не снимая с него ни пут, ни кандалов. Годан наклонился над ним, внимательно рассматривая свою жертву. Увиденное понравилось палачу. Пророк тумана был, несмотря на перенесенные испытания, все еще крепок, и дух его не был сломлен. Предстояла интересная работа.

– Его следует приковать к этим кольцам. – Годан указал своим подручным на два кольца, торчавших из стены. Человек, прикованный к ним, повисал над полом на высоте в несколько ладоней. Это создавало натяжение кожи, усугублявшее ощущения при пытках.

В отличие от святых братьев из обители, подручные палача не боялись пророка тумана.

Они живо и сноровисто освободили его руки и ноги из пут. Не успел тот и глазом моргнуть, как уже болтался на стене. Один из подручных принялся срывать с него одежду.

Скоро пророк тумана был полностью обнажен. Как и говорилось, он принадлежал к человеческой расе. У него было суровое, даже грубое лицо, сухое сложение. Годан жевал губами, разглядывая «материал», который ему предстояло обрабатывать. Крови из такого тела вытечет немного – еще один плюс. Годан не любил пачкаться. Вообще – не работа, а одно удовольствие.

– Ой! – завизжала вдруг Игинуш. – Это же мужчина! Только не совсем... Но от этого еще более неприлично!

Под «не совсем» она разумела давнее увечье, которому подвергся пророк. Скорее всего, увечье это проистекало не от каких-либо религиозных причин (фанатики иногда лишают себя половых органов, принося их в жертву своим божествам), а было получено во время давней битвы. Пророк тумана не был оскотен – он был именно покатечен. Шрам тянулся через бедро и заканчивался в паху.

– Мужчина! – верещала Игинуш. – Мне, девушке, нельзя на такое смотреть!

Ринан Сих сказал:

– Замолчи.

– Нет, не замолчу, и ты не смеешь так разговаривать с матерью! – отрезала Игинуш. – Этот человек – мужчина, он перенес немало боли, а вы хотите задавать ему вопросы. Он умеет терпеть. Он ничего вам не скажет.

Пророк тумана едва заметно улыбнулся. Годан сдвинул брови и отложил иглы, которые было взял для начала. Кем бы ни была Игинуш, в этом она права: пленник – крепкий орешек, и разгрызть его будет непросто.

– Крючья, – приказал Годан.

Ему подали «кошачью лапу», которая заканчивалась длинными острыми когтями. Идеальный инструмент для того, чтобы стругать человеческое тело. Остаются глубокие борозды, а когти устроены таким образом, что срывают узкие полоски мяса.

– Назови свое имя, – обратился к пленнику Ринан Сих.

Пленник, как и ожидалось, молчал.

– Меня зовут Ринан Сих, – продолжал инквизитор (он всегда пытался установить доверительные отношения с допрашиваемым, начиная беседу с обмена именами). – Твоего палача зовут Годан. Он постарается сделать так, чтобы ты понял, насколько мы уважаем тебя и твой статус.

– Кто она? – вдруг хрипло спросил пленник.

Игинуш подняла голову и уставилась прямо ему в глаза. Несколько мгновений длился этот поединок воли, а затем пленник опустил веки – он сдался.

– То-то же, – язвительным тоном произнесла Игинуш. – Ты только жаждешь бессмертия, а я его имею.

– Кто ты? – спросил он опять.

– Я, может, и теряю память, но с тобой все будет хуже! – продолжала Игинуш. – Там, под землей, в туманах... Ракштольн...

Она внезапно замолчала.

– Ничего не вижу, – призналась Игинуш спустя некоторое время. – Этот негодяй закрывает от меня свои мысли. Он нарочно это делает! Знает, как мне важно знать... Скажи ему, Ринан Сих, чтобы он открылся!

– Назови свое имя, – опять сказал инквизитор, обращаясь к пленнику.

– Пелам, – произнес тот. – Называй меня Пелам. Я – пророк тумана.

– Кому ты служишь?

– Чуме, Каре богов.

– У нее есть имя?

– Ты недостоин знать ее имя, – ответил Пелам презрительно. – Кто ты такой, чтобы разговаривать со мной о Каре богов? Вы, люди, тролли, троллоки, обитатели болот и

равнин, – все вы только и болтаете о богах, о благочестии, о добре и свете, а когда боги приходят, вы убиваете их, а потом бежите от их гнева! То, что вы творите, – ужасно, и вы будете уничтожены.

– Эй, потише, – остановил его Ринан Сих. – Здесь нет чумного тотема, и ты не проповедник. Побереги свой пыл для другого.

– Я хочу ответить на твой вопрос, но ты не желаешь услышать ответ.

Ринан Сих сделал знак палачу, и глубокие борозды багрово проступили на теле Пелама.

– Я хочу знать имя Кары богов, – повторил Ринан Сих спокойно.

Писец сделал у себя в тетради несколько заметок и уставился на истекающего кровью Пелама немигающим взглядом.

Игинуш завопила и принялась по-птичьи подскакивать в своем гнезде. Ринан Сих, не глядя, протянул руку и схватил ее за нос. Она пискнула и затихла. Он выпустил ее.

– Молчи, – спокойно и доброжелательно приказал ей инквизитор. И опять перевел взгляд на палача.

Годан взял сосуд с узким горлышком и аккуратно вылил содержащуюся там жидкость на обнаженные раны Пелама. Поднялся пар, послышалось шипение, и подвал наполнился зловонием. Пелам закричал, изгибаясь в своих оковах и ударяясь головой о стену.

– Он пытается убить себя! – громко произнес Годан.

Двое подручных сразу же ухватили Пелама за плечи и удержали его в таком положении, чтобы он не мог причинить себе лишнего вреда.

Постепенно дым перестал клубиться над отравленными ранами. Пленник обвис в своих оковах, тяжело переводя дыхание.

Годан снова взялся за «кошачьи когти», и новая борозда возникла на боку пророка тумана. Он опять закричал и забился, но на этот раз слабее.

Годан повернулся к инквизитору, который терпеливо наблюдал за пыткой.

– Странно, – проговорил палач, – я считал его сильнее. Но он явно готов сдаться. Признаюсь, я немного разочарован. Совсем немного. Мне хотелось опробовать новые приспособления, однако я боюсь потерять пленника.

– Что, все настолько плохо? – обеспокоился Ринан Сих.

Годан щелкнул пальцами. Его помощники уже знали, что это означает, и окатили потерявшего сознание Пелама холодной водой, после чего принялись бить его по щекам.

Когда Пелам вновь открыл мутные от боли глаза, он увидел совсем близко от своего лица худощавое лицо Годана.

– Помнишь меня? – спросил Годан. – Я твой палач. Ты разочаровываешь меня, пророк тумана. Я рассчитывал на долгую, интересную игру, а ты просто пытаешься уйти.

– И я... уйду... – прохрипел Пелам. – Ты не успеешь узнать...

Годан негромко рассмеялся.

– Успею, можешь не сомневаться! – отозвался он. – Многие пытались, но никто еще не выходил из моих рук в серые миры по собственному усмотрению. А уж отпущу я тебя или нет – моя воля.

Пелам облизал сухие губы.

– Продолжим? – предложил Годан. – Кажется, у Серого ордена остались кое-какие вопросы к тебе...

Палач разлегся на полу – под локоть ему услужливо иодложили подушечку – и вынул из ящичка, инкрустированного черепаховым панцирем и перламутром, несколько тонких игл. Второй подручный поспешил подать Годану небольшую переносную жаровню, сделанную в виде черепахи, чей панцирь был наполнен раскаленными углями. Годан положил иголки в самый жар и некоторое время наблюдал за тем, как они наполняются багровым свечением. Затем взял одну из них за костяную рукоятку и поднес к босым ступням пленника.

Тот дернул ногой, однако цепь, которой его приковали, держала прочно. Раскаленная игла вошла в ступню между пальцами. Вторая последовала за первой – и так четыре раза.

Затем Годан взялся за вторую ногу своей жертвы.

Все это время Пелам кричал от боли, но не произнес ни слова. И наконец он обвис в цепях, уронив голову на грудь.

Годан поднял руку и замер, поглядывая на своих помощников. Те, в свою очередь, застыли с очередным ведром холодной воды наготове. Годан выдержал короткую, но эффектную паузу и щелкнул пальцами. Вода окатила пленника с головы до ног, раскаленные иглы зашипели, остужаясь.

Пелам закашлялся, отплеываясь, и вдруг проговорил:

– Я... все скажу. Довольно.

Ринан Сих и его писец одновременно взяли за перья.

– Назови имя Кары богов, – в очередной раз потребовал инквизитор. Терпения ему было не занимать.

Пелам вымолвил:

– Кианна...

– Кианна? – переспросил Ринан Сих. – Что это такое? Сообщество магов? Объясни!

Пелам судорожно перевел дыхание. Грудь его то вздымалась, то опадала.

– Мне страшно слышать, как вы произносите это священное имя! Вы не смеете своими грязными языками сквернить его, потому что Кианна есть Кара богов!

– Да, это мы поняли, но кто или что это такое?

– Она – богиня. Высшее существо. Великая сущность... величайшая из всех, что когда-либо появлялись на Лааре, и мы, пророки тумана, служим ей.

Заговорив, пленник больше не мог остановиться. Откровения, одно другого ужасней, исходили из его уст.

– Скованный, – говорил Пелам, – О Скованный! Улгарх – так называют его...

– Он говорит о запрещенном, – всполошилась Игинуш. – Я слышала... один раз. Да, давно. Три кожи назад. Вот сейчас вспомнила. Скованный – страшен. Последняя битва с Архаалем – та, что вызвала Катаклизм... А ведь моя дочь поклоняется Архаалу! Вы не знали? Она у меня большая умница!

Годан безмолвно запустил в Игинуш одной из своих игл, используя пыточный инвентарь как метательный кинжал. Иголочка пронзила ладонь желтокожей женщины, и та заверещала, как подстреленный заяц.

– Зачем ты это сделал? – удивился Ринан Сих.

– Ей пора замолчать, – отозвался Годан. – Игла достаточно тонкая, чтобы не причинить большого вреда. Уж я-то знаю, поверь. Мои иглы болезненны, но безвредны.

Он хмыкнул, глянув на Пелама снизу вверх, и выдернул первую иголочку из ноги пленника.

Тот взвыл.

– Говори дальше, – приказал Ринан Сих. – Ты рассказывал о том, что известно. О Катализме, о последней битве, о Скованном.

– Да... Но для того, о чем я намерен поведать, это важно. – Пелам перевел дыхание, жадно взглянул на воду, еще оставшуюся в ведре у подручных палача. – Я хочу пить!

Тебе дадут пить, когда я прикажу, – резко ответил Ринан Сих.

– Астральная Сеть, которую сплел Скованный, раскинулась надо всем Лааром, и...

Годан выдернул еще одну иглу.

Ринан Сих хлопнул ладонью по столу, так что писец, строчивший рядом, вздрогнул и бросил на инквизитора укоризненный взгляд.

– К делу, Пелам!

– Астральные гончие... – прохрипел Пелам.

– Еще одна сказка, – презрительно оборвал Ринан Сих. – Придумай что-нибудь поновее.

Пелам заторопился, видя, что Годан уже тянется к третьей игле:

– Я не рассказываю глупых историй! Речь идет о моей жизни...

– Твоя жизнь стоит немногого, так что вряд ли... – начал было Ринан Сих, но Пелам с неожиданной силой остановил его насмешку:

– Моя жизнь бесценна, и я могу потратить ее бесчисленное количество раз! Но ты хотел знать – так знай, и не перебивай меня больше... Скованный открыл Астральные врата в другие миры, и его гончие, рассыпанные по всем вселенным, увлекают туда души... Чем мощнее душа, тем нужнее она Скованному, ибо эти души – его пища. Он берет от них жизненную силу.

– Хочешь сказать, что Кианна – такая душа? – Ринан Сих прищурился с подозрением.

Ему, как и многим любознательным и пытливым братьям из Серого, ордена, был известен один весьма странный случай, оставшийся в анналах. Несколько лет назад храбрецы из армии Хигарта – того самого великого героя, которому предназначено спасти Лаар и который бесследно исчез несколько лет назад, – предприняли вылазку на темную сторону. Отчаянный рейд... Они захватили тогда пленника, который по виду напоминал самого обычного человека, но говорил чрезвычайно странные вещи. Тот пленник очень, очень хотел жить, а потому был весьма болтлив. Он назвал свое имя – Асгон. Нашлись также и умники, которые тщательно записали весь тот бред, который он нес. Впрочем, писали они по памяти и наверняка допустили массу ошибок. Что-то про «порталы», из которых на Лаар приходят создания из «других миров»... Разумеется, пленник был сочтен безумным и казнен.

Допрос Пелама сейчас напомнил Ринану Сиху о том случае... Возможно, люди, отправившие на смерть болтуна, совершили ошибку: им следовало прислушаться к тому, что они приняли за безумие. «Забавно, – подумал Ринан Сих, – сейчас я нахожусь в сходной ситуации... Как мне поступить, чтобы не ошибиться? Убить я всегда успею. Нужно выслушать. Да, внимательно выслушать и записать».

Он спросил Пелама:

– Тебе что-нибудь говорит имя «Асгон»?

– Асгон? – Пелам посмотрел прямо в глаза инквизитору, и тот поразился тому, каким ясным, откровенно-злым, полным рассудочной ненависти был этот взгляд. – Асгон, ты сказал? А кто это?

– Так, – пожал плечами Ринан Сих, – один... мертвец.

Пелам рассмеялся и тотчас поморщился от боли.

– Ты находишь ситуацию потешной? – удивился Ринан Сих.

– Ситуация! – воскликнул Пелам. – Ситуация! Отвратительное слово. Слово, которым так легко оправдать подлость, свою или чужую...

– Кто такой Асгон? – повторил инквизитор. Теперь он не сомневался в том, что между Пеламом и этим самым Асгоном существует какая-то связь. Возможно, не прямая, но...

– А как он выглядел, тот Асгон?

– Он был похож на человека. Как и ты, – сказал Ринан Сих. – Припомнил? Или попросить Годана, чтобы он снова поработал над твоей памятью?

– Асгон – не имя, – сказал пленник.

– Кианна – имя, а Асгон – не имя, – повторил Ринан Сих. – Так и запишем.

– «Асгон» – Астральная гончая, – объяснил Пелам. – Их много... и они могут принимать любые обличья. Когда-нибудь ты поймешь. Только боюсь, что тогда уже будет слишком поздно.

– Боишься?

– Боюсь за тебя, Ринан Сих, потому что ты умный человек... умный для инквизитора, – сказал Пелам.

– Что-то давно я не слышал, как ты кричишь от боли, – заметил Ринан Сих, кивая Годану, и тот выдернул из ноги пленника сразу две иголки.

Громкий, отчаянный вопль огласил помещение, и Игинуш вдруг быстро побежала к выходу.

– Я больше не могу, – объявила она. – Здесь слишком шумно. Я пытаюсь заснуть, а мне не дают.

– Заснуть? – переспросил Ринан Сих. – Разве ты пришла сюда для того, чтобы спать?

– А для чего здесь мое гнездо? – удивилась в ответ Игинуш.

И выбежала из подвала. Ей никто не препятствовал.

– Астральные гончие захватывают души и загоняют их на Лаар, – сказал пророк тумана, и слезы текли из его глаз. Кровь медленно капала из ран на ногах. – Кианна была божеством в своем мире. Она попала в коварную ловушку, расставленную слугами Скованного... Она сильно разгневана.

– Она гневается на Скованного? – спросил Ринан Сих.

– Она – сгусток ярости, – объяснил Пелам. – Она наслала кару на тех, кто ей ненавистен. На обитателей мира, где она находится не по своей воле.

– Значит, все, что ей нужно, – это уничтожить Лаар?

– Да, ибо, уничтожив Лаар, Кианна освободится...

Повисла пауза. Ринан Сих обдумывал услышанное.

Что-то во всем этом не сходилось. Но он пока не мог понять – что именно.

Богиня. Изгнанница чужого мира. Полное злобы могущественное создание. Она находится на Лааре против своей воли и выплескивает свою ненависть, насылая туманную чуму на мир, который воспринимает как тюрьму, как место заточения.

Пророки тумана. Вот что осталось неясным.

– Насчет Кианны я понял, – сказал Ринан Сих. – Я даже согласен произносить ее имя с почтением, ибо существо, способное уничтожить мир, несомненно, заслуживает нашего преклонения. Но осталось, кажется, главное.

– Главное? – прошептал Пелам.

– Да, – сказал Ринан Сих и посмотрел ему в глаза.

– Что же ты считаешь главным?

– Тебя, – в упор произнес инквизитор.

– Меня?

– Почему ты и подобные тебе соглашаются служить Кианне? Она ведь разрушает вас. Она поступает с нами точно так же, как с другими. Надеюсь, у вас нет иллюзий: предатели собственного народа рано или поздно останутся такими же жертвами, как и те, кого они предали.

Неожиданно Пелам рассмеялся. И, все еще смеясь, он умер в цепях. Ринан Сих больше не мог получить от него ни одного ответа.

Глава шестая

– Эй, потише!

Скимра набросился на Кусби, грозя тому кинжалом, и Эгертон с трудом поспел вовремя, чтобы разнять их.

В отряде, которым командовал теперь Эгертон, кого только не было! И призраки, и жабоиды, и бородавные клаггеры с гигантскими челюстями и двумя рядами шипов на руках, ногах и спинном хребте... Имелись среди его подчиненных инкубы – демоны, способные к телепортации; смертельно раненные, они забирают силы, нанося опасные раны своим соседям. Внешне инкубы выглядели довольно своеобразно. Их можно было даже назвать привлекательными – по-своему, конечно: бледные, с крепким торсом и длинными ногами. Их отличали лишь длинные, похожие на полосы меха перья, растущие на плечах.

Могучие косматые мертвяки, жирные мясники, пьющие кровь и добывающие ее из тел поверженных врагов огромным мясницким ножом, скелеты с горящими зелеными огнями внутри голых черепов и даже падальщики, лысые, с длинной голой шеей, как у любого стервятника, – всех их можно было видеть в шагате Эгертона.

Он привык не обращать внимания на зловоние, которое они источали. Высшее командование армии Урангрунда снабдило Эгертона золотыми и серебряными кристаллами, и унгар истратил их почти все. Обращенные в пыль, они создали связь между унгаром и

всеми этими омерзительными созданиями Тьмы.

Скимра был когда-то человеком, но соприкосновение с силами Тьмы изменило его до неузнаваемости. Над его телом и личностью явно потрудились соулы, темные маги, и притом самым жестоким образом. Эгертон подозревал, что Скимра был одним из первых, кто подвергся магическим изменениям и едва ли не единственным из своего «поколения», кто оставался еще жив. Во всяком случае, это существо представляло собой человекообразное насекомое, но при этом было покрыто шерстью. Характер у него был вспыльчивый, и при любом удобном случае он кидался с ножом или с голыми руками, готовый рвать, грызть, расчленять...

Особую его ненависть вызывал злополучный Кусби с его рыбьими глазами и непомерно длинными тощими руками, еще одна жертва магов Ковена. Скимра считал его хилятиком, которого совершенно напрасно взяли в отряд.

Скимра подчинялся лишь Эгертону, который полностью подавил его волю (на этого солдата пришлось истратить не менее девяти кристаллов, столько силы и ярости он хранил в душе). Лишенный возможности бунтовать, Скимра тем не менее сохранил свой буйный дух и время от времени поднимал руку на кого-нибудь из своих товарищей. В таких случаях утихомирить его мог лишь Эгертон.

Подчиненные существа были лишены какого бы то ни было выбора. Их воля принадлежала унгару. Только это и делало шагат боеспособным.

В отряде царила ненависть. Здесь все так или иначе желали друг другу гибели. Эгертон ухитрялся силой магического воздействия удерживать дисциплину. Но за время марша к Урангрунду маг совершенно вымотался. Возможно, он переоценил свою способность приспособливаться и проходить, как нож через масло, сквозь любые обстоятельства.

Отправляя нового унгара в армию Шаггона, Вербовщик снабдил его целым мешком крупных кристаллов, которые позволили подчинить сравнительно большое число созданий Тьмы. Но у Эгертона имелись и другие серьезные проблемы, и он вынужден был непрерывно лавировать. Фактически его зажало между двумя огнями: с одной стороны – тупые и строптивые существа, чью волю он подавил и контроль над которыми постоянно удерживал, а с другой – его сложные отношения с магиней Тегамор. Он не только видел ее и чувствовал каждое ее душевное движение – он еще вел с ней ментальный поединок, даже если она сама не всегда отдавала себе в этом отчет. Малейшая оплошность – и она, в свою очередь, подчинит себе его волю. Допустить это, особенно учитывая обстоятельства (сотню вечно голодных, раздраженных, злобных существ поблизости, например), было невыносимо. Утратить контроль над ними означало немедленную гибель.

Выматывали Эгертона и возобновляющиеся боли. Он не знал, нарочно ли Тегамор использует имеющуюся у нее возможность и заставляет своего бывшего пленника страдать или делает это случайно. До сих пор ему не удавалось установить с ней прочную обратную связь и, что называется, поговорить «по душам» – насколько такой доверительный разговор возможен при условии телепатического общения. Но ведь надеяться не запрещено! Возможно, они бы пришли к соглашению, и жизнь Эгертона сделалась бы немножко проще, а Тегамор получила бы кое-что взамен.

Например, образцы от самой крепости Урангрунда... С некоторого времени Эгертон знал почти все о карте, которую составляла магиня. Да-да, ее сокровенная тайна, работа, над которой она корпела много лет, никого не посвящая в эти планы, – все это было открыто Эгертону, человеку абсолютно постороннему для Тегамор, человеку, настроенному к ней едва ли не враждебно.

Интересно, какую гримасу она состроит, когда поймет это? Хотелось бы поглядеть! Разумеется, видеть красивую женщину в миг ее унижения и страха, в миг, когда она делается некрасивой, – весьма опасно. Опасно даже в том случае, если речь идет о самой обыкновенной женщине. Так что говорить о магине!

И все же Эгертон готов был рискнуть.

Но пока что его мечта о маленькой мести Тегамор оставалась только мечтой.

Его выводила из себя ее привычка выражать свою досаду, втыкая между булыжниками кладки своего дома кинжалы, разбивать о стены посуду, в том числе и наполненную алхимическими эликсирами, весьма жгучими и зачастую страшно ядовитыми... Даже простой удар кулаком отзывался в теле Эгертона. А он все еще не придумал, как избавиться от этой связи или, по крайней мере, как извлечь из нее пользу.

Что хуже всего, приступ мог захватить Эгертона в любой момент. Солдаты не должны заставить своего командира в минуты слабости. И уж тем более – такие солдаты, как те, которыми сейчас командовал Эгертон. Ему ни в коем случае нельзя ослаблять контроль над ними.

Но – ничего не поделаешь. И тоаданец преодолевал боль, поддерживал контроль над сотней поработанных воль – и шел, шел, шел. Они продвигались к Урангрунду.

Песок под ногами был черным. Темное солнце призрачно светило на небе. Впрочем, это светило нельзя было в полной мере назвать ни солнцем, ни светилом; скорее, ему подошло бы название «темнило». Эгертон раньше не догадывался о том, насколько темным может быть свет.

Парадокс! Но после Катаклизма мир Лаара полон таких злых и ужасных парадоксов. Эгертон физически ощущал, как с каждым шагом погружается во Тьму. Здесь был некогда эпицентр Катаклизма, здесь в буквальном смысле слова вскипела Вселенная, чтобы, обварившись в адском котле, обуглиться и почернеть навсегда. Самые жуткие существа возникли здесь, когда улеглось всепожирающее пламя, и монстры со всех концов Лаара потянулись на Темную сторону.

Все выше вздымались вокруг горные пики. Антрацитово поблескивала под ногами дорога. Черные, темно-фиолетовые, багровые горы перекрывали друг друга, заслоняя горизонт, и в раскрытых зевах пещер угадывались чьи-то горящие голодные глаза. Впрочем, даже монстры, обитавшие тут, не решались выйти на охоту, когда мимо проходил шагат темных сил, такими жуткими были существа, которых Эгертон должен был считать своими солдатами.

Вербовщик оценил тоаданца по достоинству. Он даже не стал предлагать тому инициацию, хотя многие, кому поручалось командование темными силами, становились вампирами или личами, а кое-кто даже призраками... Эгертону удалось избежать прямого признания в том, кем он является на самом деле. Да Вербовщика это особо и не интересовало. В Темном мире слишком мало существовало тех, кто способен был принимать решения и держать в повиновении разнородное сборище самых разнообразных созданий. Не говоря уже об унगरх – самых настоящих, с мощным даром, об унगरх, способных по-настоящему работать с кристаллами и превращать практически в единое существо целый отряд.

Очередной перевал остался позади. Эгертон смотрел на узкую долину, расстилавшуюся между двумя горными хребтами. Там можно будет передохнуть. По дну долины бежала река, и вода в ней казалась ядовитой. Свинцовые блики мелькали в волнах. Сухая трава, росшая по берегам, напоминала воткнутые в землю кинжалы.

Отряд спускался с горы по крутой тропинке. Здесь следовало хорошенько посмотреть под ноги. Один из скелетов упал, ломая себе кости. Эгертон только поморщился, глядя на груды осколков, которая осталась от его солдата. Армии Тьмы берут чаще численностью и магией, чем силой и умом своих воинов. Неисчислимые полчища заливают равнины и набрасываются на противника. Они способны поглотить любую армию. Даже странно, что тулленцам удается иногда противостоять темным силам.

За следующим перевалом должен был открыться Урангрунд. Эгертон поймал себя на том, что ему не терпится увидеть воочию крепость Шаггона. Он столько слышал о ней от Вербовщика и от других!..

Один вампир из его отряда, некий Сафрур, утверждал, что видел однажды эту крепость издалека. «Она – лучшее, что можно себе представить...» – утверждал Сафрур, нервно облизывая свои желтые клыки.

У Сафрура имелись кое-какие зачатки интеллекта. Эгертон иногда беседовал с ним. По происхождению Сафрур не принадлежал к знати и не получил никакого образования, поэтому и мнения его о многих вещах были весьма поверхностными. Эгертону так и не удалось выяснить, кем был Сафрур в прошлой жизни – и была ли у него вообще какая-то «прошлая жизнь».

Тоаданец отдавал себе отчет в том, что он, возможно, странный командир. Обычно те, кто занимает в иерархии Темных хоть какое-то положение, мало интересуются своими подчиненными и видят в них только материал, орудия для реализации своих замыслов. Но Эгертон никак не мог побороть присущего ему любопытства. Он ни на миг не забывал о том, что его орден прежде всего занимается исследованиями, сбором и систематизацией сведений. Поэтому и руководство отрядом Темных Эгертон воспринимал как своего рода экспедицию с научными целями. Опасную экспедицию, но жгуче интересную. Кроме того, здесь Эгертон впервые применил свой дар унгара по-настоящему. Он не скрывал теперь того, кем является; напротив, пользуясь кристаллом, он наслаждался своей властью над другими созданиями.

Получив инициацию – отдав свою волю Эгертону, – все его солдаты находились в пассивном подчинении у своего командира, и притом не отдавали себе в этом отчета. Эгертон поддерживал такое состояние без особых усилий со своей стороны: все было как было. Солдаты из его шагата также не были марионетками – подобно «бегунам», созданиям магини Тегамор. Они имели собственную жизнь, личное представление о том, что есть хорошо и что плохо. Отсюда и их бесконечные ссоры, кстати, ведь все они были агрессивны. Общим у них оставалось лишь одно: их незыблемая, никогда не оспариваемая преданность командиру.

Они расположились на отдых на берегу мертвой речки. Ее воды журчали, и это было единственным звуком, который нарушал здешнюю тишину. Казалось, сожженный мир не может наслушаться безмолвия после криков боли и отчаяния, после рева пламени и треска погибающих деревьев, грохота разрушающихся скал и грома, с которым обрушивались человеческие жилища.

Эгертон пытался представить себе, каким был этот мир до Катаклизма, но не мог. Ему думалось, что эти горы от начала времен были такими мрачными и черными.

Очередной приступ боли пронзил его левый бок. У Эгертона почернело в глазах, и даже тот слабый свет, который имелся на Темной стороне, померк для тоаданца. Он повалился на землю, стиснул зубы и затих. Спустя миг он решился перевести дыхание.

Ему показалось, что один из солдат наблюдает за ним. Эгертон открыл глаза. Точно. Сафрур смотрел на него, раздувая ноздри, точно принюхивался.

– Что тебе нужно? – Эгертон с трудом нашел в себе силы, чтобы заговорить.

– Ничего... Показалось, что ты помираешь.

Сафрур облизнулся.

– Не надейся, – оборвал Эгертон.

– Да я так... – Сафрур отвел взгляд. – Я ж не убивать тебя собрался. Я сам за тебя умру, мой командир, клянусь! Да здесь все умрут за тебя с радостью, уж ты-то должен это чувствовать. Просто... Если ты умираешь, лучше тебя... ну, употребить в пищу. Пока ты еще жив. Чтобы добро не пропадало.

– Добро не пропадет даже в том случае, если я умру, – ответил Эгертон. – Тут много охотников до падали.

– Да, но я-то падали не ем, – просто возразил Сафрур. – Я предпочитаю свежатину.

– Мои поздравления, – иронически улыбнулся Эгертон. Ему удалось заблокировать боль, и сейчас он разговаривал внешне совершенно спокойно. – У тебя поразительно редкий для Темной стороны вкус.

– Ты неверно меня понял, командир. Я действительно верен тебе. Я мог бы вернуть тебе жизнь, если бы ты вдруг ее утратил, вот что я хотел сказать.

Сафрур разочарованно отошел. Эгертон опять закрыл глаза.

Он попытался вызвать перед внутренним взором образ Тегамор. И снова увидел ее в башне каменного дома в Соултраде. Женщина была обнажена. Кинжалы, вживленные в ее тело, блестели в свете свечи. Она медленно натирала себя ароматическим маслом. Прислужница, недавно вышедшая из рук Мастера Плоти, маленькое существо с длинными шелковистыми волосами и десятком тончайших пальцев на каждой руке, возилась у ног магии, умащая ее ступни и разрисовывая икры темно-зелеными узорами.

Очевидно, Тегамор готовилась к очередному заклинанию. Эгертон даже мог предположить, что оно будет иметь отношение к трансформации живого существа. Постепенно, очень осторожно расширяя свой внутренний взор, тоаданец смог увидеть и помещение магической лаборатории. Ага, а вот и объект магического эксперимента! В углу комнаты сидело, прикованное к стене цепью, существо, похожее на крысу и на человека одновременно. Очевидно, очередной неудачный экземпляр из лаборатории Мастера Плоти. Таких маги скупают по дешевке, чтобы те служили им подопытными животными. Если опыт не удастся – что ж, животное можно умертвить и легко заменить другим.

Внезапно Тегамор замерла и прислушалась. Застыла на месте и прислужница.

Тегамор отбросила ее в сторону ударом ноги и снова окаменела в неподвижности. Прислужница быстро отползла в угол, закрыла лицо волосами и съежилась на полу.

Тегамор больше не обращала на нее никакого внимания. Она принялась озираться по сторонам в поисках незримого наблюдателя. Эгертон понял, что она наконец почувствовала его присутствие. Странно, что этого не происходило раньше. Единственное объяснение подобному обстоятельству могло заключаться в том, что Тегамор была слишком сосредоточена на своих исследованиях.

Магия осторожно приблизилась к рабочему столу и взяла в руки небольшую шкатулку из черного дерева. Эта вещь обладала своеобразной красотой, как и многое в Соултраде, однако красота эта была извращенной и заключала в себе нечто болезненное. Эгертон хорошо сумел рассмотреть фигурки, украшавшие шкатулку: сплетенные не то в единоборстве, не то в любовном экстазе напряженные мужские и женские тела с искаженными пропорциями.

Открыв шкатулку, магия взяла оттуда горстку зеленоватой пылицы и осторожно сдула ее с ладони. Комнату окутало мерцающее сияние. Похожее заклинание было известно Эгертону. Оно позволяло выявить незримое, заставить невидимого соглядатая проявиться. Обычно в магическом сиянии проступает темный силуэт того, кто доселе оставался незамеченным.

Однако в случае с Эгертоном ничего подобного не произошло. Напрасно Тегамор оглядывалась по сторонам, внимательно всматриваясь то в один, то в другой сгусток свечения. Ничего. Это и неудивительно, ведь Эгертон не присутствовал в ее комнате магически; он, скорее, был частью ее жилища, малой толикой своего естества растворенный в стенах, в каменной кладке. Быть может, в нижнем этаже, там, где маг был приращен к стене и где его присутствие ощущалось сильнее всего, Тегамор и смогла бы выявить нежелательного гостя. Но в лаборатории никаких следов Эгертона не оставалось.

Тегамор пожалала плечами. Сияние медленно угасало. Прислужница робко подняла голову и взглянула на свою госпожу. Тегамор посмотрела на себя в зеркало. Мельчайшие светящиеся зеленые пылинки прилепились к обнаженной, смазанной маслом коже Тегамор, и теперь магия представляла собой как бы ожившую ярко-зеленую пылающую статую.

Она вскрикнула в ужасе. Этого только не хватало! Любой маг, который сейчас творит заклинание, позволяющее ему видеть сокровенное (а в Соултраде такое могло случиться в любой момент), в состоянии увидеть Тегамор. Она – как пылающий факел в мире магии, открытая и обнаженная для любого желающего.

Как всякая магия, Тегамор, разумеется, не стыдилась своей наготы. Наоборот. Она гордилась своим прекрасным телом и при возможности охотно выставила бы его напоказ. Ненадолго. Так, на миг. Чтобы у некоторых мужчин перехватило дыхание от приступа похоти, а у некоторых женщин началась чесотка – от зависти.

По собственному желанию, торжествуя – да, конечно, Тегамор легко бы обнажилась перед целой толпой. Но оказаться голой по случайности!.. Быть застигнутой в момент, когда неудачно сработало заклинание! Нет, только не это. В подобном эпизоде Тегамор узрела истинный позор.

Она щелкнула пальцами, подзывая прислужницу, и та принялась соскребать костяным ножичком зеленую густую массу с тела госпожи. Тегамор кусала губы и притопывала босой ногой: скорее, скорее! Девушка старалась, как могла, но все же работала, по мнению Тегамор, недостаточно быстро. Поэтому госпожа несколько раз наносила ей удары – то по плечам, то по животу. Она была недовольна.

Прислужница ничего не могла сказать в свою защиту. У нее не было языка – Мастер Плоти позаботился об этом. Тегамор особо попросила его о таком одолжении – ей надоели служанки, которые то и дело принимаются неловко восхвалять госпожу, да еще так неискренне, так глупо! Лучше уж пусть вообще молчит.

Масло с зелеными пылинками представляло собой густую массу. Тегамор велела служанке складывать ее на отдельное блюдо и следить за тем, чтобы ни одна частичка не пропала. Кто знает, может быть, ей еще пригодится этот состав. Тегамор почти совершенно успокоилась. В конце концов, что ни делается – все к лучшему. А такая опытная магиня, как она, сумеет обернуть себе на пользу любой эпизод. Даже такой, который на первый взгляд сильно пахнет неудачей.

* * *

Черная крепость Урангрунд как будто вырастала из скалы, являясь ее продолжением. Она была сложена теми же камнями, что и гора, служившая ей основанием. Высокие башни вонзались в небо, словно пытались разорвать его в клочья. Тьма как будто сгущалась вокруг крепости еще сильнее, и никакой свет не мог бы найти туда дорогу.

Крепость, главную твердыню Темной стороны Лаара, охраняли бараки – мощные смуглые воины с загнутыми, как у баранов, рогами, с острыми звериными клыками. Элитные воины Тьмы, бараки были чудовищно изменены заклинаниями некромантов замка. Они не ведали усталости, их преданность Шаггону не знала границ.

По дороге Эгертон видел людей и животных, искаженных жестокой магией, и все они влачили жалкое рабское существование. Очевидно, эти несчастные служили пищей для армии Шаггона; они знали о своем предназначении и давно смирились с ним. Во всяком случае, никто из этих бедолаг не смел и противиться, когда их хватали и тащили к солдатскому костру. Некоторых делили между собой вампиры и трупоеды: одни выпивали кровь из еще живой жертвы, другие поедали плоть. Недаром говорится: когда враг пронзит твое сердце и смерть похитит твою душу, когда твое тело падет на землю и ночь настанет в мире, – настанет час трупоедов... и к утру от того, что еще вчера жило, ело, размножалось, надеялось на лучшее, не останется даже малой косточки.

Эгертон довольствовался скудным пайком, который сводился к съедобным кореньям, грибам и – изредка – подстреленным в лесу животным. Во всяком случае, Эгертону хотелось бы думать, что это животные.

Он не знал, как долго еще выдержит подобную жизнь. Конечно, он мог бы воспользоваться магией, чтобы поддерживать в себе жизненные силы, вообще не прибегая к пище, но это была палка о двух концах: чтобы создавать такие заклинания, приходилось расходовать силы...

Когда ворота крепости распахнулись перед Эгертоном, ему показалось, что он вступает в темницу, откуда никогда уже не найдет выхода. Дезертирство, о котором Эгертон помышлял приблизительно с середины похода к Урангрунду, стало невозможным. Впрочем, невозможным оно было и раньше. Придется ждать удобного случая. А пока – пользоваться ситуацией и исследовать Темную сторону и населяющих ее созданий вблизи. Наверное, никто еще из ордена Тоа-Дан не находился так близко от Шаггона. Грех не изучить эту

бесплотную сущность, повелевающую демонами.

Впрочем, никакой особой аудиенции лично для себя Эгертон не дождался. Его самого и его солдат разместили в огромном замке, в казармах, которые занимали весь западный угол обширнейшего замкового двора.

Эгертон не слишком-то беспокоился о собственных удобствах. У него имелось место, где преклонить голову, и этого ему было довольно. Он вполне в состоянии спать на соломе, а то и просто на голом камне.

Урангрунд превосходил всякое воображение размерами и грандиозностью. Это было поистине чудовищное сооружение, настоящий город – лабиринт высоких толстых стен со сложной системой подъемных решеток и ворот. В момент опасности Урангрунд был в состоянии мгновенно изолировать отдельные участки замка и обстрелять вторгшихся врагов с башен и соседних стен.

Само Зло, казалось, обитало в этих черных камнях, темных как ночь, как демонские крылья.

Один только раз Эгертон видел Шаггона, когда тот медленно проезжал по двору на огромном скакуне – существе, похожем на лошадь, но с восемью ногами, выше обычной лошади раза в полтора, с ниспадающей до земли гривой и пылающими, как угли, глазами. Закутанный в плащ гигант не имел ни лица, ни собственно тела; плащ требовался лишь для того, чтобы подчеркнуть, обозначить то место, которое Шаггон, могущественный призрак, занимал на земле. Низкий тяжелый голос слышался из глубины капюшона. Голос этот отдавал команды, и солдаты, охваченные благоговейным трепетом, внимали ему, и ни у кого даже в мыслях не возникало ослушаться. Невозможно было не подчиниться этому великолепному и зловещему созданию Тьмы.

Эгертон вместе с остальными преклонил колени и поднял над головой меч в знак того, что возглавляемый им шагат готов покориться любому приказанию господина.

– Кто наш главный враг? – гудел голос Шаггона. Он не стал дожидаться ответа – да такое было бы и невозможно, никто не смел не то что возвысить голос, даже поднять глаза в его присутствии. – Слушайте! Слушайте, создания Тьмы! Слушайте, отважные солдаты, готовые умереть за Шаггона! Слушайте, те, кому суждено творить волю Шаггона!

Эгертону было известно, что Шаггон, будучи призрачной сущностью, прикован к Урангрунду – прикован в прямом смысле слова: без Урангрунда, который служил для Шаггона как бы якорем в этом мире, могущественный призрак переставал быть. Он не мог покинуть собственную крепость. И потому особенно нуждался в командирах, способных творить его волю за пределами черной крепости.

Естественно, Эгертон не сомневался в том, кого Шаггон назовет в качестве главного врага Тьмы. Тугард. Империя, состоящая из двух государств, Аккении и Туллена. Между ними никогда не было полного единства: они то объединялись, то вновь возвращались к независимости... И все же они совместно представляли единого врага Тьмы. Туллен особенно досадил Тьме, с Тулленом, очевидно, Шаггон намерен расправиться в первую очередь.

Туллен был наиболее уязвим. Во время Катаклизма прервался наследственный королевский род Туллена. Король погиб, наследника после него не осталось. И потому власть в Туллене в конце концов сосредоточилась в руках великого полководца Адриелиана. Именно ему удалось остановить гражданскую войну в государстве и собрать тулленские земли под свою руку. Адриелиан успешно отражал нашествие армий Тьмы. Некоторое время казалось, что жизнь нормализуется: Аккения готовилась объединиться с Тулленом, сам Адриелиан ожидал коронации – он должен был стать императором Тугарда...

И тут произошло неожиданное. Агентам Тьмы удалось выкрасть Адриелиана. Такого никто предвидеть не мог. Пожалуй, похищение полководца, да еще накануне его коронации, было самой дерзновенной затеей Тьмы. И эта затея увенчалась головокружительным успехом!

Адриелиан был обращен в бесплотного призрака, предводителя призрачного воинства

Легиона Смерти. Злая ирония судьбы состояла в том, что именно Духу Адрелиана предстояло вести злое войнство на те самые земли, которые некогда человек Адрелиан считал своими и которые он поклялся защищать.

В Тугарде правил сейчас Орвас, сын Адрелиана, истинный уроженец Аккении, города героев. В своей политике этот молодой человек опирался на церковь Сеггера – умный выбор, потому что опытные в политических интригах сеггерианцы обеспечили ему и силу, и власть, и поддержку.

Государство Орваса переживало сейчас не лучшие времена: на земли Тугарда пришла чума. Полностью поглотив болота, она не миновала и степные районы. Необходимо было принимать меры для того, чтобы остановить бедствие, иначе оно могло бы стать повальным и привести к массовой гибели людей и к бунтам. Кроме того, дополнительной проблемой для Орваса стали архаалиты. Преследуемые как еретики, изгнанные со своей земли чумой, потерпевшие несколько сокрушительных поражений от Теней Исхара, они в массовом порядке уходили в Тугард и пытались расселиться там. Ссориться с сеггерианцами и особенно с Серым орденом, с инквизицией, Орвасу не хотелось, однако и изгонять архаалитов обратно в болота на верную смерть он сейчас не мог. Вряд ли эта мера была бы сочтена популярной.

Поэтому Орвас предоставил Серому ордену действовать относительно архаалитов самостоятельно. И если Серые братья или койяры истребляли архаалитов десятками и сотнями – что ж, на все воля Сеггера. Орвас просто закрывал на это глаза.

– Внимайте мне те, кто создан Шаггоном, кто живет ради Шаггона, кто умрет за Шаггона! – гремел низкий, мощный голос, отражаясь от черных скал и несокрушимых стен. – Наша цель – Тугард! Там прольется кровь людей. Последняя кровь последних людей. После этой битвы люди будут существовать лишь как корм для вас... как ваши слуги и рабы... как живая пища... Сокрушим Орваса!

– Орвас! Орвас! – глухо загудели воины, не поднимая голов. – Сокрушим Орваса!

– Тугард! – выкрикнул Шаггон. – Вы отправитесь туда и убьете там всех! Не щадите никого! Это просто пища, помните об этом!

– Тугард! Тугард! – повторяли за своим владыкой солдаты.

Эгертон, привыкший быть не столько участником сцен, сколько их сторонним наблюдателем, не мог не отдать должного Шаггону: происходящее поистине захватывало. Казалось, все они участвуют в одном из величайших событий истории Лаара. Огромная честь – оказаться там и тогда, где творятся и видоизменяются судьбы вселенной. И от тебя, лично от тебя зависит толика происходящего. Пусть малая, ничтожно малая, но все-таки.

Эгертон был потрясен. Он поймал себя на том, что вместе с другими приглушенно повторяет: «Тугард! Тугард! Орвас! Орвас!» Он прикусил губу до крови и тотчас же поймал на себе взгляд одного из вампиров. Неосмотрительно показывать такому собственную кровь. Эгертон поскорее облизал губы, и вампир со вздохом сожаления отвернулся.

Эгертон знал, что у кровососов имеется такая неприятная особенность: они нанимаются в армию, а потом, стоит их товарищам по строю зазеваться, начинают пить кровь собственных же соратников. Жажда неизменно оказывается сильнее любых других чувств, включая и чувство долга.

Поэтому Эгертон всегда держался на чеку. Кого только не было в его отряде! И вампиры и упыри занимали там не последнее место. Двое вампиров стали младшими командирами. Эгертон уважал их интеллект и способность подчинять себе других. Правда, способность эта была слабенькой – и Эгертон не был уверен в том, что они действительно являлись унгарами. Скорее всего, они пользовались кое-каким уважением среди прочих умертвий лишь потому, что так приказал им Эгертон, держащий их всех в полном повиновении.

Скоро, очень скоро им предстоит выступить в поход навстречу одному из величайших сражений в истории Лаара. Шаггон задумал сокрушить Тугард и собрал для этого гигантскую армию. Поистине непобедимую, в чем легко убедиться, оглядев двор черного

замка: неисчислимые полчища нежити заполнили пространство. Тугард обречен. Об этом можно даже не беспокоиться. Ни одна армия Света не выстоит против Легиона Смерти, умноженного и укрепленного шагатами новобранцев, которыми командуют могущественные унгары.

А повелевать всей этой неисчислимой армией Тьмы будет Адрилиан, король-призрак, король-мертвец, который знает Тугард, свою бывшую вотчину, как никто другой.

Тот самый Адрилиан, который говорил в свое время: «Каждый воин Тьмы – как камешек в горной лавине, что катится, сметая все на своем пути. И кто может сказать, сколько камней увлечет он за собой?» Горькие слова, правдивые слова... Никто не мог предвидеть, какая ужасающая ирония в них кроется!

– Нет пощады, – бормотал Эгертон, зная, что его никто не слышит. – Не будет милосердия. Нет шансов. Нет надежды. Смерть, смерть, смерть...

Иногда он всерьез опасался потерять себя, утратить собственную личность и представление о том, кто он на самом деле такой. Одно дело – завербоваться в армию Тьмы, имея намерение дезертировать при первой же возможности, и совсем другое – та реальность, с которой пришлось столкнуться. Дезертирство оказалось невозможным. Во всяком случае – пока. Даже если удастся выбраться из Урангрунда – куда бежать? Кругом тьма, одна сплошная тьма. Одинокий человек, пусть даже и маг, долго здесь не продержится.

Нет, у Эгертона только один шанс выжить – добраться вместе с Легионом Смерти до Тугарда... а там уж как получится. Может быть, он и сумеет спастись.

Хотя, если уж признаваться себе во всем честно, когда полчища Тьмы обрушатся на Тугард, спасения там не будет уже никому.

* * *

Тегамор проснулась оттого, что ее сердце сдавила дикая, лютая тоска. Она долго лежала в постели, мысленно перебирая свои сны. Она даже заставила эти сны предстать перед ней наяву: несколько ярких картинок, в которых мелькали то лица, то расчлененные тела, то невероятно прекрасные неведомые земли, в которых она, Тегамор, была полновластной королевой... Ничего такого, что могло бы вызвать у нее подобную реакцию.

Нетерпеливым движением руки Тегамор заставила свои сны исчезнуть. Темнота окружала магиню. Безопасная темнота ее собственной уютной спальни, где стояла такая мягкая кровать, где имелось столько чудесных подушек и покрывал.

Что происходит? Почему ей так тоскливо, так страшно?

Она снова опустила веки и ощутила близость постороннего наблюдателя. Опять! Опять все то же самое! Теперь она не стала использовать светящийся порошок, зная, что это бесполезно. Но кто он такой, этот неведомый соглядатай? Почему он вообще шпионит за ней? В гильдии магов и в магических советах Тегамор не считалась сколько-нибудь значительной личностью. Глупцы эти мужчины! Да и некоторые женщины – тоже!.. Они попросту не догадываются о том, с кем имеют дело. Что ж, многие обманывались, видя перед собой чрезвычайно красивую и очень молодую женщину. Не они первые, не они последние. Недооценивать магиню – одна из самых распространенных и самых смертоносных ошибок, на какие только способны люди, и мужчины-маги в первую очередь. Слишком многие из них поплатились за это жизнью. Что, впрочем, абсолютно ничему не научило оставшихся.

Может быть, кому-то стало известно о проекте, над которым работает Тегамор? О магической карте Лаара? Но она еще ни с кем не делилась своими замыслами... Да и в любом случае шпионить за ней имело бы смысл днем, когда она занимается работой, а не ночью, пока магиня изволит почивать.

Нет, здесь явно имело место нечто совершенно иное. Но вот что?!

Новый приступ тоски буквально скрутил Тегамор. Она даже застонала сквозь зубы. Что же это такое, в конце концов! Почему ей так больно, так скверно, так печально? Почему она

ощущает себя оскверненной, хотя ни сегодня, ни вчера не произошло ничего особенного? Что случилось? Что – или, точнее, кого – она чувствует?

Будь у Тегамор по-настоящему дорогой ей любовник, близкий друг, учитель или ученик – тогда, возможно, она встревожилась бы за него. В самом деле, связь между друзьями и возлюбленными бывает очень прочной, и если один попал в беду, другой сразу же реагирует на это – головной болью, беспричинными слезами или еще как-нибудь, вплоть до расстройства желудка. Но у Тегамор не было ни одного близкого существа. Она тщательно заботилась о том, чтобы таковые не возникали, и уничтожала любую привязанность на корню, не позволяя ей развиваться до состояния зависимости.

Так что же это за непонятный «друг»?

Неожиданно перед ней в темноте сгустилось лицо Эгертона. Тегамор не поверила собственным глазам. Такого с ней не случалось. Некто сумел пробиться к ней сквозь толщу расстояния и все магические защиты. Открытый поединок воли начался.

Она протянула руку, чтобы ощупать видение. Как и следовало ожидать, образ Эгертона был бесплотным – лишь светящаяся картинка на стене.

– Ты видишь меня? – прошептал он. Точнее, он говорил обычным своим тоном, не понижая голоса, но доносилась его речь откуда-то из невообразимой дали.

– Да... – Она была так растеряна, что позволила ему вступить в диалог с собой. При любых других обстоятельствах она попросту сотворила бы заклинание, уничтожающее призрака.

В конце концов, он ведь вторгся в ее частные владения, в ее спальню! Он нарушил ее сон, он помешал ее отдыху!..

– Я тоже вижу тебя, – сказал Эгертон. – Отлично вижу. Ты обнажена. На твоём теле остались зеленые разводы... Тебе идет. Ты красива, Тегамор.

– Избавь меня от этих мужских глупостей! – возмутилась Тегамор. – Если я и красива, то не ради тебя и не ради какого-либо другого мужчины, но лишь потому, что так нравится мне самой.

– Ну конечно, – согласился Эгертон, чем разозлил ее еще больше.

– Как ты здесь оказался? – спросила она.

– Я не здесь, – ответил Эгертон. Он ждал, пока она выйдет из себя настолько, что сама предложит ему сотрудничество. Пока что следовало выжидать и дразнить ее.

– Не здесь? – осведомилась Тегамор. – А где в таком случае?

– Ты должна была догадаться.

– Я тебе ничего не должна.

– Ты должна не мне, а себе... Ну, еще не поняла?

– Нет, – отрезала магиня.

– Что ты чувствуешь, Тегамор?

– Злость!

– Неправда, – мягко поправил он, – Ты ведь проснулась не оттого, что...

– Ладно, – сдалась она вдруг. – Ты прав. Меня разбудила какая-то невероятная, дикая тоска. Как будто я умерла... или очутилась в заточении...

– Тебе передаются мои ощущения, – сказал Эгертон просто. – Раньше только я испытывал... некоторые неудобства, скажем так... от нашей с тобой связи.

Тегамор зашипела от негодования. «Связь»! Умеют эти мужчины подбирать слова!

Эгертон, разумеется, и шипение это слышал, и настроение своей собеседницы отлично улавливал, но сделал вид, будто ничего особенного не заметил. Вряд ли ему удастся подчинить ее себе – на такое он и не рассчитывал, – но ослабить ее влияние он попытается.

Он невозмутимо продолжал:

– И тем не менее наша связь становилась крепче с каждым днем. Кстати, теперь страдаю от нее не только я.

– Как это произошло? Я имею в виду нашу... нашу связь. – Она нехотя произнесла последнее слово, негодуя на Эгертона за его вторжение.

– Ты еще не догадалась, Тегамор? – Казалось, он готов рассмеяться. – Ты ведь мастерица соединять несоединимое, делать нечто целое из живого и неживого... Ведь это ты сделала нас нерасторжимыми.

– Дом, – выдохнула она. – Все произошло, когда я превратила тебя в часть моего дома.

– Точно. Ты не напрасно избрала стезю магии и заменила собой своего учителя. Покойник гордился бы такой девочкой. Он даже простил бы тебе ту отраву, которую ты всыпала ему в питье.

– Тебе и это известно?

– Я знаю почти все, что связано с этим домом и твоей жизнью в этом доме, – признался Эгертон. – Впрочем, это не имеет большого значения, ведь я действительно нахожусь далеко от тебя. И вряд ли воспользуюсь своими познаниями тебе во вред.

«Ну разве что самую малость», – прибавил он мысленно.

Но она этих мыслей не прочитала.

– Не дотянешься, – фыркнула Тегамор.

– Точно, – подтвердил он. – Не дотянусь.

– Но все же мы... связаны. – Тегамор покривила губы, произнося это неприятное ей слово.

– Ты умеешь формулировать кратко и точно, Тегамор.

– Кто отрубил тебе руку? Кто помог тебе освободиться и бежать?

– Одно из твоих умертвий. Бывший маг. Очень слабенький, практически развоплощенный, но все же...

– Как тебе удалось подчинить его?

– Долгая история.

– Ладно, не имеет значения... – отмахнулась она. – Не можешь ведь ты быть унгаром! При тебе не нашли ни одного кристалла. Да будь ты унгаром, – она вдруг заволновалась, – ты бы подчинил себе моих «бегунов», заставил бы их сменить хозяина... Так?

– Да, – сказал он. – Я действительно не смог подчинить себе твоих «бегунов». Они не сменили хозяина, поэтому они поймали меня и доставили к тебе, в Соултрад. Я даже не пытался.

Он знал: она сразу почувствует, что он сейчас предельно искренен с ней.

И она и впрямь это ощутила и успокоилась.

– Тот маг-предатель – он ведь уже исчез? Окончательно развоплотился, не так ли? – спросила магия.

По ее тону он понял, что она знает ответ. Поэтому Эгертон сразу заговорил о вещах, куда более важных с его точки зрения:

– Тегамор, мы должны освободиться друг от друга. Каждый из нас является самостоятельным магом, у нас нет общих интересов, мы даже не враги.

– Обещаю тебе, что мы очень быстро станем заклятыми врагами, если не разойдемся в разные стороны, и притом в самое ближайшее время, – сказала она. – Удивительное единодушие царит между нами, не так ли? О Эгертон! И этого человека я держала у себя в плену!

– И эту женщину я проклинал, сидя у нее в подвале! – в тон магии прибавил Эгертон.

– Ты меня проклинал? – неприятно удивилась она.

– Ты же держала меня в плену! – с жаром воскликнул Эгертон. – Это было естественно. Нет такого пленника, который не мечтал бы вырваться на свободу.

– Я знаю множество примеров обратного, – заявила Тегамор.

– Не мой случай, – парировал Эгертон. – Я свободен... и желаю избавиться от тебя навсегда.

– Как и я, – подхватила Тегамор.

– Ты можешь покинуть свой дом, – предложил Эгертон. – Тогда исчезнет то, что нас объединяет.

– Нет уж. – Она покачала головой. – Не дожدهшься. Слишком многое я совершила для

того, чтобы завладеть этим великолепным жилищем. Не говоря уже о том, что оно находится в богатом квартале и содержит в себе множество тайников. Я не все их еще исследовала. Мой старый учитель был простоват, но секреты любил.

– Что ты предлагаешь?

– А чем ты мне заплатишь?

– Торгуешься, Тегамор? – Эгертон хмыкнул.

У магини мороз пробежал по коже, когда она услышала этот недобрый смешок. У Эгертона явно что-то было уже на уме.

– Да, я торгуюсь, – объявила она храбро.

– Я доставлю тебе образцы из Урангрунда, если ты разрушишь чары, привязавшие меня к твоему дому и к тебе, – обещал Эгертон. – А заодно мы с тобой вместе полюбуемся твоей картой...

– Тебе не кажется, что ты хочешь слишком многого?

– Нет, – сказал Эгертон, – Напротив. Я уверен, что делаю тебе большое одолжение. Тебе больше никто не доставит ни почвы, ни воды, ни камней, ни растений из этих мест. Здесь все проклято, здесь все пропитано Тьмой. Даже в большей степени, чем в Соултраде. Таких мест, как это, больше нет нигде на Лааре. Ты могла бы ощутить это, когда мы только-только начали с тобой разговаривать.

Глава седьмая

Ринан Сих возвращался из обители Святого Арвинна в Тугард. Он обязан был незамедлительно встретиться с императором Орвасом и сообщить ему последние новости. Орвас должен в точности знать, какая сила ему противостоит и что на самом деле скрывается за звучным названием Кары богов.

То, о чем успел рассказать перед смертью пленный пророк тумана, потрясло Ринана Сиха до глубины души. Все оказалось так просто – и вместе с тем так трагически ужасно! Некое высшее существо, способное по своей силе соперничать с богами (а может быть, и являющееся богом!), вынужденно покинуло свой мир и очутилось на Лааре... Разъяренная своим пленением – или тем, что она сочла пленением, – Кианна наслала на Лаар эту ужасную чуму. И, что удивительно, нашла адептов своего разрушительного культа! Назвать то, что проповедовали пророки тумана, «учением» у Ринана Сиха не поворачивался язык. Скорее, то были проклятия в адрес людей, погрязших во грехе и заслуживших страшную смерть.

Ничего, в общем-то, нового, ведь человечество всегда было так или иначе виновато перед пресветлым Сеггером. Да, ничего нового – если бы эти проклятия не сопровождались расправами над целыми городами.

Богиня!.. Такое просто не укладывалось в голове.

Ринан Сих ехал в сопровождении отряда из пяти койяров. Остальные остались с прочими инквизиторами в обители – приводить в порядок записи и готовить документ, который можно будет обнародовать перед рядовыми сеггерианцами. Ринан Сих вполне доверял своим сотрудникам эту работу. Что касается палача, то тот заслужил несколько дней отдыха в обители. Инквизитор не сомневался в том, что Годан сейчас вкушает негу, возлежа на мягких перинах и угощаясь молоком, белым хлебом и тертым сыром. Чем-чем, а умением добывать хорошую пищу при любых, даже самых жутких обстоятельствах обитель Святого Арвинна славилась всегда. Такой уж там настоятель.

Вспомнив о нем, Ринан Сих сухо улыбнулся. Настоятель хотел, чтобы Ринан остался в обители – передохнул и заодно помог в работе над составлением документов. Но инквизитор наотрез отказался.

– Новости, которые я узнал, слишком важны, чтобы их можно было доверить письму, – объяснил он. – Мой долг сообщить обо всем Орвасу. лично и с глазу на глаз. Для императора – никаких официальных документов, никаких отредактированных и сокращенных версий

случившегося. Он обязан знать всю правду.

Довод был убедительный, и настоятель кивнул.

– Что ж, собирайся в дорогу, Ринан Сих. Я дам тебе мое благословение, и да хранит тебя рука Сеггера!

– Благодарю, святой отец, – наклонил голову Ринан Сих. – Я не сомневался в том, что найду у тебя полное понимание.

– Твои цели благи, твои намерения чисты, – сказал настоятель.

Честно говоря, в монастыре все, начиная с настоятеля, вздохнули с облегчением, когда Ринан Сих отбыл, забрав с собой вездесущую и болтливую Желтую Игинуш. Все сходились на том, что сам инквизитор – благочестивый, мудрый и отважный человек, но его спутница, какой бы важной ни считал ее Ринан Сих, – просто кошмарное существо. К тому же она все-таки, как ни крути, женского пола! А нахождение особы женского пола в обители Святого Арвинна – это нечто из ряда вон выходящее. Такого не случалось уже пятьдесят лет. С того памятного, записанного в анналах обители дня, когда к святым братьям заехала королевская дочь, заблудившаяся во время охоты. Было признано неразумным оставлять ее за воротами, поскольку наступала ночь, к тому же ненастная. И молодая женщина переночевала в святой обители. Об этом подвиге милосердия, который совершил Арвинн, тогдашний настоятель (а в будущем – святой), рассказывали очень трогательную легенду.

Но одно дело – королевская дочь, и совсем другое – какое-то кудачущее уродливое создание, карлица или гномка. Которая к тому же периодически линяет, как сообщил ее покровитель.

В общем, хорошо, что они уехали. Настоятель с облегчением благословил их в последний раз и закрыл за ними ворота.

* * *

Койяры ни о чем не спрашивали Ринана и по большей части вообще оставались невидимыми, так что ему казалось, что он путешествует один. Это полностью его устраивало, поскольку Ринан Сих любил поразмыслить надо всем, что с ним случилось и чему он, вольно или невольно, сделался свидетелем. Мысленно он писал книгу – летопись собственной жизни.

Такого, признаться, еще никто не делал, и Ринан Сих никак не мог решиться начать переносить на пергамент все то, что уже стройно сложилось в его уме. Слова, несомненно, просились быть записанными: они уже выстроились в правильном порядке и желали, чтобы их прочитали другие люди.

Но кому интересна жизнь отдельного, мало чем знаменитого человека? До сих пор все летописи касались лишь важных событий, значимых для государства. Действующими лицами в них были короли, полководцы, могущественные маги – люди, от которых зависели судьбы многих и многих. Никогда прежде не уделялось внимания частной жизни какого-то одного человека – не полководца, не государя, даже не министра. Обыкновенного инквизитора. Одного из многих.

И все же Ринан Сих не мог отделаться от мысли о своей книге. Инстинктивно он сознавал, что его жизнь на самом деле представляет очень большой интерес. И заключался этот интерес, разумеется, не в личности и не в переживаниях какого-то отдельного, не слишком значительного человека, а в том, что этот человек повидал и к каким подчас парадоксальным выводам он пришел.

Взять хотя бы Игинуш. Ринан Сих не сомневался в том, что мать королевы умертвий рано или поздно сыграет свою роль. Возможно, она сумеет вывести инквизитора на Пенну – точнее, на Тзаттога, – и... Что произойдет дальше – об этом Ринан Сих даже думать боялся. Он догадывался о том, что последствия такой встречи могут быть ужасны.

Он улыбнулся своим мыслям тонкой, сухой улыбкой. В любом случае ему следует находиться поблизости, когда это произойдет. Он должен увидеть все своими глазами... и

описать в книге.

Опять книга! Похоже, мечта о ней становится назойливой.

Ринан Сих посмотрел в сторону и на мгновение заметил койяра: воздух чуть сгустился, заколебался, мелькнула тень... потом опять все пропало, как не было. Свита определенно не докучала инквизитору своим присутствием, но никуда не исчезала. Незримые братья следили за безопасностью инквизитора. Они выполняют свой долг до конца, даже если им придется расстаться с жизнью.

Одиноким странник, сопровождаемый лишь маленькой женщиной, карлицей, может показаться грабителю легкой добычей. А если таких грабителей целая банда – то тем более.

Они выскочили на дорогу и окружили Ринана Сиха в одно мгновение – пятеро крепких, вооруженных кривыми мечами... Ринан таких еще никогда не встречал и даже не знал, как они называются. У них были сморщенные, покрытые язвами, грубые и вместе с тем свирепые физиономии с маленькими глазками. Острые уши серого цвета и длинные серые же волосы придавали им сходство с некоторыми племенами гномов, однако то были не гномы, поскольку ростом они превосходили даже людей. Быстрые, ловкие, они окружили Ринана Сиха и наставили на него оружие.

Игинуш с интересом воззрилась на них.

– Чего они хотят, мой мальчик? – спросила она Ринана. – Почему они показывают тебе свои кривые ножи? Желают, чтобы ты похвалил их?

– По-моему, они пытаются нас ограбить, – хмуро ответил Ринан Сих.

Игинуш закатилась хохотом.

– В жизни не слыхивала ничего глупее! Как это – ограбить? Да что у тебя можно взять, дитя мое, кроме твоей чистой совести! Но совесть невозможно украсть, ее даже не вырезать из тела, так прочно она приросла к твоим внутренним органам. Уж я-то знаю. Я ведь вижу тебя насквозь. Любая мать видит своего ребенка насквозь, – прибавила Игинуш важно, переводя взгляд на грабителей.

Те не обратили на нее внимания.

– Что у тебя есть? – спросил один у Ринана Сиха.

Голос у грабителя был высокий, тонкий, как у женщины. Присмотревшись, Ринан Сих понял, что это и есть женщины. Поначалу инквизитор не понял очевидного лишь потому, что напавшие на него были слишком уж уродливы.

– У меня ничего нет, почтенная сестра, как уже сказала тебе эта особа. – Ринан Сих указал на Игинуш.

– Она не твоя мать? – спросила грабительница.

– Пока она считает себя моей матерью, пусть так и будет, – ответил Ринан Сих.

– Я не об этом спрашивала.

– А я ответил единственно возможным образом, – оборвал он.

– Что ты везешь с собой? – опять спросила старшая из сестер.

– У меня ничего нет, – сказал инквизитор. – Ничего, что заинтересовало бы таких, как вы.

Она громко рассмеялась.

– А что ты о нас знаешь?

– Ровным счетом ничего, – согласился Ринан Сих, – но вы пытаетесь меня ограбить, а грабителям обычно нужны золото, драгоценности, хорошая одежда, еда, лошади, оружие... Из всего перечисленного у меня с собой лишь небольшой запас пищи да скверная лошадка, на которой я сижу.

– Нам сгодится и это, – сказала грабительница. – Слезай и отдавай нам свои припасы, иначе тебе не поздоровится.

– Как вас называют? – спросил Ринан Сих.

Она нахмурилась, отчего все язвы на ее лице пришли в движение.

– Зачем ты спрашиваешь?

– Я никогда не видел таких, вот мне и стало любопытно. Видишь ли, я пишу книгу.

Книгу обо всем, что видел.

Странно. Первое существо, которому Ринан Сих рассказал о своем плане, была уродливая женщина-разбойница, предводительница банды сестер, которая наставила на него меч в попытке отобрать у него последнее. Считается, что обычно человек делится сокровенным с кем-то близким. Но возможно, иногда все происходит прямо наоборот, и человеку для того, чтобы быть искренним, необходим кто-то максимально далекий. Кто-то, кто скоро умрет...

– Нас называют годжерами, – сказала женщина. – До Катаклизма таких не было. Наши лица обожжены, наши тела изменены магией. Так случилось. Мы не жалуемся.

– Годжеры? – переспросил Ринан Сих. – Впервые слышу.

– И впервые видишь. И больше не увидишь.

– Вы бесплодны?

– Разумеется... Но мы хотим жить, и мы намерены прожить еще много лет. Поэтому отдавай припасы... если твое намерение совпадает с нашим.

– Что ты имеешь в виду? Намерен ли я устроить так, чтобы вы прожили как можно дольше? – Ринан Сих усмехнулся. – Милые сестры, в последний раз предлагаю вам убраться подобра-поздорову.

Предводительница годжеров покачала головой.

Ринан Сих поднял руку, и тотчас, повинуясь его призыву, из пустоты выступили койяры. Их появление было таким неожиданным, что разбойницы ничего не успели предпринять. Лишь две из них повернулись настречу врагам и подняли мечи, но это не спасло их от мгновенной смерти. Миг – и все было кончено. Все пять сестер лежали с перерезанным горлом, а койяры, улыбаясь, медленно таяли в пустоте.

Ринан Сих осмотрел тела. На одной из сестер было золотое украшение – крохотный глаз Сеггера.

Неожиданно он вспомнил историю, которую слышал краем уха и которой не придавал значения. В одной из обителей святой Эстер произошел бунт: несколько сестер сочли, что методы лечения, применяемые в обители, малоэффективны, что следует действовать более решительно и прибегать к магии. Эти сестры были изгнаны... Очевидно, неумелые магические практики в сочетании с контактом с больными привели к таким плачевным результатам. И поскольку никаких других источников существования они не нашли, то занялись грабежом. Печальный исход. Печальный, однако закономерный.

Ринан Сих снял с тела убитой женщины – годжера, как она себя назвала, – священный символ Сеггера и повесил его себе на грудь. Золотой Глаз божества вернулся домой.

* * *

Вечером этого дня Игинуш начала вдруг проявлять странное беспокойство. Она буквально не находила себе места, ерзала в седле, озиралась по сторонам, то ощупывала свое лицо, то дергала себя за волосы, то принималась теребить на себе одежду. Наконец Ринан Сих спросил ее:

– Что происходит?

Он предполагал, что Игинуш обладает достаточной чувствительностью, чтобы улавливать близость каких-нибудь магических воздействий. Появление сейчас какого-либо мага было крайне нежелательно. С любым врагом койяры справятся, даже, наверное, с таким, который обладает значительной силой; однако схватка задержит отряд в пути, а допустить этого Ринан Сих не мог. Ему требовалось как можно скорее оказаться у Орваса и поведать императору о том, с каким врагом ему предстоит иметь дело.

– Ты что-то чувствуешь? – спросил Ринан Сих у своей спутницы. – Какая-то близкая неприятность?

– Какой ты заботливый и внимательный! – восхитилась она. – Настоящий сын. Хотя на самом деле ты мне не сын. Думаешь, Желтая Игинуш – сумасшедшая? Думаешь, она не

помнит, кто родился у нее на самом деле – девочка или мальчик? У меня была дочь, доченька, красивая, как куколка, как бабочка, как русалочка... Куда она подевалась, а? Ты, инквизитор! Говори, куда ты ее дел?

– Она ушла...

– Да, да, – заплакала Игинуш, – она покинула и тебя, и меня... Нас с тобой объединяет ее кровь. Ты хотел убить ее, а я желала ей только добра. И вот мы вместе, и ты считаешь себя моим сыном. Хочешь заменить мне дочь. А не знаешь того, что ни один сын, даже самый лучший, не заменит матери дочь.

– Так что с тобой творится? – снова спросил Ринан Сих. – Какая-то опасность? – рискнул он предположить.

– Нет... Да. Мне нужна вода, – сказала она. – Я чувствую близость...

Она замолчала, нервно почесывая бок под лохмотьями. Ринан Сих тревожно смотрел на нее, не понимая, чем вызвано такое странное поведение его приятельницы.

Игинуш, конечно, нельзя было назвать существом обычным, любой ее поступок мог вызвать удивление... Но сейчас она, кажется, пыталась превзойти себя. Потому что даже вытворяя всевозможные чудачества, Игинуш сохраняла глубочайшее внутреннее спокойствие. Она никогда не теряла равновесия. Как бы она ни кривлялась, какие бы странности ни говорила, в глубине души Игинуш оставалась созданием гармоничным. Она существовала в мире с собой и не ведала внутреннего раздрая, как многие другие, и прежде всего – люди. Ее поступки были оправданы и целесообразны – с ее точки зрения, конечно.

А теперь ее глодала тревога. И беспокоилась она за себя саму и за свой собственный мир, а не за кого-либо другого.

– Вода? Зачем тебе вода? Ты хочешь пить? – переспросил Ринан Сих. – У меня осталось во фляге.

– Нет, я... изменяюсь... У меня все чешется, – призналась она. – Так и свербит под кожей, и никак не дотянуться ногтями. Не могу же я рвать собственную шкуру! Это было бы неразумно. Так никто не делает, кроме безумцев, а я вполне разумна.

– Ты разумна, Игинуш, – ласково подтвердил Ринан Сих.

Внезапная догадка осенила его:

– Ты должна поменять кожу! Ты уже делала это один раз на моей памяти.

– Не помню, – призналась она. – А как я это делала?

– Точно не знаю, – покачал головой Ринан. – Ты выгнала меня. Сказала, что это слишком интимный процесс, чтобы позволить кому-либо наблюдать за ним.

– На этот раз можешь последить, – обещала Игинуш. – Должно быть, поучительное зрелище. Ты ведь пишешь книгу.

– Так я сказал той женщине, прежде чем ее убили.

– Напишешь и обо мне, – предположила Игинуш. – Обо всем, что со мной связано. И о том, как я меняла кожу. Ты просто обязан увидеть это! Только раздобудь мне воды.

Ринан Сих повернулся и глянул в пустоту, и скоро там, куда он смотрел, возник воин койяр. С бесстрастным лицом он ответил на взгляд инквизитора.

– Найди ручей или реку, можно и озеро, а в крайнем случае – родник, – приказал Ринан Сих. – Любой источник воды. Быстро!

Койяр и бровью не повел. Он повернул коня и помчался исполнять приказание.

Отряд остановился в ожидании, пока вернется посланец. Игинуш чувствовала себя все хуже. Она каталась по земле, стонала и скребла ногтями лицо и плечи. Ринан Сих с беспокойством смотрел на нее. Если она начнет терять шкуру, не имея возможности как следует смочить ее водой, то на ее новой коже образуются язвы, которые будут плохо заживать, загноятся и в конце концов убьют ее.

Койяр вернулся скоро и показал рукой направление.

– Там есть озеро, – доложил он кратко.

Ринан Сих поднял Игинуш в седло. Она брыкалась, трясла головой, боднула Ринана в подбородок и едва не выбила ему зубы.

– Свяжите ее! – крикнул Ринан, роняя Игинуш с седла.

Пока она, оглушенная, лежала на земле, двое койяров ловко скрутили ее и перебросили через холку одной из лошадей.

Отряд поскакал к озеру.

Водная гладь открылась перед путниками, окруженная зеленью кустов и камышовых зарослей. Койяры опустили Игинуш прямо в воду и там, под водой, разрезали связывающие ее веревки. Затем все они отступили подальше и устроились на отдых на берегу. Ринан Сих, напротив, подошел ближе и стал наблюдать за происходящим.

Он был так увлечен, следя за тем, как Игинуш, извиваясь, выползает из своей старой кожи, что не заметил, как к нему подобралось одно из тех водных созданий, о существовании которых люди обычно не задумываются до тех самых пор, пока не столкнутся с ними лицом к лицу. Точнее, лицом к морде.

В какой-нибудь красивой, но безнадежно далекой от жизни сказке это существо было бы названо русалкой... У него действительно был женский торс и рыбий хвост. Но на этом сходство с русалкой из легенд и заканчивалось. Мордочка существа не имела ничего общего с человеческим: круглые фасеточные глаза, огромная присоска вместо рта и полное отсутствие того, что могло бы быть названо носом.

Помогая себе тонкими ручками – такие могли бы быть у неразвившегося эмбриона – и отталкиваясь от грунта хвостом, русалка подбиралась к Игинуш. Некоторое время она, очевидно, прикидывала, какая добыча предпочтительнее: Игинуш или Ринан Сих; в конце концов она выбрала Игинуш – та, быть может, не такая аппетитная, как здоровый молодой мужчина-человек, зато куда более беспомощна и вряд ли сумеет дать отпор.

Русалка ударила хвостом в последний раз, метнулась вперед и впилась своей присоской в Желтую Игинуш, которая как раз была занята тем, что снимала остаток старой кожи с кончика носа. Эта новая Игинуш практически ничего сейчас не помнила о своих прошлых жизнях, зато хорошо знала – на уровне инстинкта, – что все клочки прежней шкуры необходимо удалить со всевозможной осторожностью.

Она не знала даже о том, что дышать следует воздухом, и поэтому недурно чувствовала себя под водой! Как только воспоминание об истинном дыхании придет к ней, она начнет захлебываться и поднимется поскорее на поверхность.

Когда русалка присосалась к ее бедру, Игинуш даже не заметила этого. Под водой болевые ощущения ослаблены, а кровь сворачивается хуже и выходит из жил легче, поэтому жертве проще истечь кровью. Русалка рассчитывала на то, что Игинуш ослабеет прежде, чем поймет, что происходит неладное.

Своим крохотным умишком русалка не сообразила, что слабая жертва и жертва, способная дать отпор, могут быть как-то связаны между собой и что мужчина-человек, полный сил, бдительный и хитрый, в состоянии защитить глупое, толстое, занятое собой существо, – такое просто не приходило в голову водной охотнице.

Она была очень удивлена – если подобное слово возможно применить к кровососущей русалке, – когда Ринан Сих схватил ее за хвост, оторвал от Игинуш и швырнул о камни. В последний миг русалка испустила пронзительное шипение, похожее на визг. От этого звука у Ринана Сиха заложило уши. А затем он шмякнул ее о булыжники, так что маленькая головка русалки разлетелась на части и кровь брызнула во все стороны.

Игинуш слабо ворочалась под водой. Из ее ляжки вытекала длинная багровая лента – рана, оставленная присоской русалки, оказалась довольно широкой, но неглубокой и, по всей видимости, неопасной.

Ринан Сих вытащил ее на берег и уложил на песке. Некоторое время Игинуш лежала неподвижно. Кровь скоро перестала идти. Ринан Сих с интересом ждал, что произойдет дальше. Память каким-то образом должна вернуться к Игинуш. Она начнет вспоминать о том, что ей необходимы одежда, пища, что у нее были какие-то привязанности. Интересно, в какой последовательности произойдут все эти вещи?

Тело «новорожденной» Игинуш было абсолютно гладким, ярко-желтым, без единой

складочки. Остался какой-то старый шрам – очевидно, он очень глубоко въелся в ее плоть и не мог исчезнуть даже после того, как она несколько раз поменяла кожу. Она не казалась Ринану Сиху похожей на человека в полном смысле слова. Действительно, сейчас, глядя на нее после линьки, Ринан Сих понимал: ничего подобного в Лааре больше нет. Игинуш – единственная.

Он наклонился над ней.

– Что ты помнишь? – спросил он.

Она вдруг забилась на песке, хватаясь пальцами за траву и обломки сухого камыша. Потом зашипела, перевернулась на четвереньки и быстро побежала прочь. Ринан со внезапно подкатившим отвращением, которого не смог побороть, смотрел ей в спину. Она его забыла! Она просто сбежала...

– Ну что ж, – проговорил инквизитор, старательно изображая полное безразличие к произошедшему, – все превосходно. Наконец-то мы от нее избавились. Теперь, надеюсь, она сама сможет о себе позаботиться. Пора в путь.

Койяры обступили его, и отряд двинулся дальше.

* * *

К вечеру Ринан Сих расположился на отдых. Его спутники позаботились о том, чтобы развести костер и поймать на ужин рыбу. Остатки припасов – сухие хлебцы и особым образом приготовленную лапшу, которая набухала во рту от слюны и становилась сладкой и питательной, – решили поберечь: мало ли какие еще трудности встретятся по дороге. Пока есть возможность питаться тем, что преподносит окружающий мир, лучше пользоваться.

Ринан Сих растянулся на земле, заложил руки за голову. Уже завтра в это самое время он, если его расчеты верны, будет находиться во дворце. Император, несомненно, выслушает его. Вместе они обдумают сложившуюся ситуацию. Возможно, Ринана Сиха пригласят на совещание, во время которого решится грядущая судьба всей империи. Странно осознавать, что ты станешь исторической фигурой – из простого инквизитора... ну, может, не совсем простого, но, во всяком случае, не самой главной шишки в ордене... Все равно это не может не потрясать.

Завтра. Все свершится завтра.

Неожиданно Ринан Сих услышал, как поблизости кто-то крадется. Очевидно, койяры слышали это и раньше, но не придавали значения. Или уже приняли какие-то меры. Неизвестно. Ринан Сих уловил присутствие чужака только сейчас.

В первое мгновение он ощутил прилив радости. Неужели это Игинуш вернулась? Вспомнила о нем и разыскала? Было бы неплохо... Кажется, он привязался к ней. Странно, ведь до сих пор он искренне считал Желтую Игинуш обузой, объектом для наблюдений – но и только. А теперь выясняется, что он скучает.

Человеческие эмоции – это роскошь, решил Ринан Сих. Если она действительно вернулась, следует продолжить свое исследование, только и всего.

Но это оказалась вовсе не Игинуш. Ринан Сих успел полностью овладеть своими чувствами и поэтому не испытал разочарования, когда один из койяров выволок на поляну человека в одежде послушника-сеггерианца. Одежда Серого ордена!

– Шпионил, – кратко обронил койяр, бросая незадачливого соглядата на колени перед Ринаном Сихом.

– Я не... шпионил, – пробормотал послушник, дико озираясь по сторонам. – Кто ты? Я – беглец. И прошу защиты. Ты ведь нашего ордена! Я прошу защиты – кругом монстры и заговоры...

Он упал лицом на землю и зарыдал.

Ринан Сих подождал немного, позволяя ему выплакаться и чуть-чуть прийти в себя, а затем толкнул его ногой:

– Ну-ка, прекрати! Хватит реветь и стенать, как женщина! Ты присоединился к Серому

ордену не для того, чтобы пускать нюни по каждому поводу и вовсе без повода.

– Я заблудился... совсем один, – всхлипнул послушник.

– Говорят тебе, это еще не повод. И ты не один, с тобой пресветлый Сеггер. Не смей изрыгать богохульства! – строго произнес Ринан Сих. – У нас сейчас нет ни времени, ни права на эмоции, – прибавил он.

Послушник, конечно, не знал, что эту фразу инквизитор адресовал не столько ему, сколько себе самому. Он жалобно всхлипнул еще раз и наконец вытер лицо.

– Встань, – приказал Ринан Сих.

– Можно, я просто сяду? – осмелел послушник.

Ринан Сих махнул рукой.

– Садись к костру и подкрепись. Но ты должен рассказать мне абсолютно все. Что ты делаешь здесь? Ты действительно один?

– Да... Тут такие монстры! Я видел какое-то круглое голое желтое существо, которое скакало под луной и вопило на все лады! – рассказал послушник.

Он жадно посмотрел на рыбу, жарившуюся над костром. Ринан Сих кивнул койярам, и один из них подал голодному послушнику половину рыбины. Тот вцепился зубами в рыбье мясо, не обращая внимания ни на острые кости, ни на то, что рыба была еще очень горячая. Он и вправду наголодался и заглатывал еду здоровенными кусками. При этом он еще успевал бросать на вышестоящего брата по ордену виноватые взгляды.

Наконец он выдохнул и обтер рот рукой.

– Вы спасли мою жизнь, – молвил он.

– Разумеется, – кивнул Ринан Сих. – А теперь мы, пожалуй, попробуем выяснить, стоила ли твоя жизнь того, чтобы ее спасать. Начнем с имени. Как тебя зовут?

– Брат Халсэбу из обители Святого Флада, – представился тот. – Я послушник. Я всегда мечтал вступить в Серый орден, чтобы бороться с ересями за чистоту нашей веры. Потому что только чистейшая сеггерианская вера способна...

– Да, да, я уже оценил твоё рвение, – кивнул Ринан Сих, бесцеремонно перебивая излияния брата Халсэбу. – Итак, ты вступил в Серый орден и подвизался в обители Святого Флада.

– Точно.

– Расскажи о том существе, которое скакало под луной, – неожиданно приказал Ринан Сих.

Брат Халсэбу явно растерялся:

– А при чем тут то существо?

– Вопросы задаю я! – резко проговорил Ринан Сих. – И поскольку я их задаю уже очень давно и самым разным людям, то, поверь, я научился получать ответы.

– Но я не враг, – промямлил брат Халсэбу. – Я же не хотел...

– А раз не хотел, то отвечай.

– Ну, то существо... – Брат Халсэбу задумался. – Не знаю, почему оно меня так напугало. Наверное, потому, что оно сильно напоминает человека. Но оно не человек, это точно. Ни один человек не станет бегать на четвереньках и так дико завывать! Может быть, в него вселился какой-нибудь демон? Мне доводилось видеть – один раз. Брат Меттер брал меня с собой, когда мы занимались извлечением демона из одного мужчины. Тот мужчина – он был крестьянин и вел какие-то дела с троллоками – вдруг сделался одержимым, вот к нам пришел один троллок и говорит...

– Да, да, я понял, – сказал Ринан Сих. – Троллок попросил изгнать демона из его компаньона, и твой наставник сумел это сделать.

– А вовсе и нет! – возразил брат Халсэбу. – Во-первых, брат Меттер не был моим наставником, а во-вторых, ничего ему не удалось! Тот мужчина – его привели к нам в цепях и привязали посреди круга, чтобы мы могли провести обряд, – в общем, он вырвался и убежал. Ну так вот, он бежал в точности как то существо, которое мне повстречалось. Поэтому я так и перепугался, теперь понятно?

– Ты боялся, что существо одержимо?
– Да.
– Почему? Разве ты не знаешь, что делать при встрече с одержимым существом?
– Ну, есть особые заклęcia и... огонь... и еще священные знаки – они вроде бы сильно действуют... Но я все равно испугался, – безнадежно заключил брат Халсэбу.

– Понятно. И куда оно бежало?

– Не знаю... Оно опасно?

– А этого я не знаю, – улыбнулся Ринан Сих.

Брат Халсэбу просто расцвел от этой улыбки и заулыбался в ответ, как будто хотел сказать: «Я же знал, что ты славный малый, вот ты это и показал!»

– Теперь о тебе, – снова стал строгим Ринан Сих, – Почему ты покинул обитель Святого Флада? По-моему, ты сделал это без благословения своего настоятеля!

Брат Халсэбу поник головой. Это послужило признанием. Разумеется, он сбежал из обители тайно...

– Почему? – еще строже спросил Ринан Сих. – У тебя, очевидно, были веские причины так поступить?

Послушник поднял взгляд.

– Да, – сказал он просто. – Иначе я никогда бы не...

Ринан Сих отмахнулся:

– Избавь меня от предположений – что бы ты сделал и чего бы ты никогда не сделал, сложишь все по-другому. Как сложилось – так и сложилось, ничего в нашей жизни переиграть заново нельзя. Что произошло? Рассказывай, если хочешь получить мое покровительство.

– Сначала я тебя должен кое о чем спросить, – совершенно осмелел послушник.

– Ты – меня? – изумился Ринан Сих.

– Да, иначе я не скажу тебе ни слова, и пусть твои подручные лучше меня убьют.

– Ты не боишься смерти?

– Нет, – сказал брат Халсэбу. – Я знаю, что рано или поздно умру. Этой участи никому не избежать.

«Кроме... некоторых...» – подумал Ринан Сих.

Странная мысль, неоформленная. И как будто не ему самому принадлежащая, а пришедшая к нему извне, нашептанная на ухо. Кто такие «некоторые»? Почему они не умирают? И кто нашептал ему эту мысль?

Ринан Сих тряхнул головой, пытаясь избавиться от наваждения. В конце концов, об этих абстрактных материях можно будет поразмыслить и потом.

Сейчас главное – выяснить в деталях, что же на самом деле произошло с братом Халсэбу. Почему-то Ринан Сих вдруг понял, что это нечто чрезвычайно важное.

– Итак, ты находился на послушании в обители Святого Флада и был послушником Серого ордена... – начал Ринан Сих.

– Да, и на неплохом счету, как говорил настоятель, – кивнул Халсэбу. – Но недавно случилось нечто ужасное. Я подслушал разговор... Наш настоятель получил письмо... Он обсуждал это с кастеляном и еще одним почтенным братом, и все они склонялись к... – Брат Халсэбу запинался все больше и больше.

Ринан Сих решил подтолкнуть его:

– О чем они разговаривали? Что тебя так поразило?

– Ересь! – выпалил брат Халсэбу.

Ринан Сих вздрогнул так, словно его ударили кнутом.

– Ересь? – переспросил он. – Где?

– В Сером ордене! – ответил брат Халсэбу. – В инквизиции.

– Это невозможно, – медленно проговорил Ринан Сих. – Я долго отсутствовал, конечно, и не знаю многих новых веяний... Возможно, возникли какие-то аспекты учения, которые не рассматривались раньше, или...

Брат Халсэбу уныло и безнадежно покачал головой.

– Нет, нет, это ересь, ересь, ересь! Орден инквизиции раскололся... Я пытался узнать у настоятеля побольше, но тот попросту велел отхлестать меня кнутом за то, что подслушивал. «Это выбьет из тебя излишнее любопытство», – так он сказал.

– И ты бежал, убоявшись наказания? – уточнил Ринан Сих.

Брат Халсэбу презрительно сморщил нос.

– Наказание? Ха! Мой отец был сапожником. Он так бил меня – что там нашему настоятелю с его плеткой! Детские игрушки. Я способен вытерпеть и не такое. Говорю же тебе, я не боюсь ни боли, ни смерти. Я боюсь лжи и ереси. Я боюсь прогневать Сеггера. А все идет к тому, что Сеггер будет оскорблен нашей гнусной ложью!

– Не начинай изрекать проклятия людским порокам, иначе ты станешь подобен пророку тумана, – предупредил Ринан Сих.

Опять! «Пророки тумана». Он вовсе не думал сейчас о них, этот образ появился в его уме откуда-то со стороны. Кто вложил соображения о пророках в его мысли? Чья это магия? И магия ли? Ринан Сих вдруг усомнился в себе. Скорее всего, он сам начинает думать о нескольких вещах одновременно – и вот последствия. Переутомление. Скоро он начнет слышать голоса, а там придут и видения... Нужно просто хорошенько отдохнуть и выспаться. Но сперва – добраться до Орваса.

Да. Добраться до Орваса и сообщить ему новости.

– Тебе нехорошо? – озабоченно спросил брат Халсэбу.

Ринан Сих с досадой тряхнул головой.

– Оставим в покое мое самочувствие, тебя это ни в коей мере не касается... Так ты утверждаешь, что наш святой и всеблагий Серый орден, призванный следить за чистотой веры, расколола злокозненная ересь?

– Да.

И брат Халсэбу зарыдал.

– Я не смог вынести этого! Я не мог больше оставаться в обители! Тем более что отец настоятель, как мне показалось, склонялся на сторону еретиков. Он прямо говорил о том, что у ереси есть резоны...

– Резоны? – Ринан Сих так и ахнул. – Да какие же резоны могут быть у злокозненного учения, призванного разрушить единство святого ордена? По-моему, только один резон: чье-то непомерное честолюбие и властолюбие! Только чье-то желание причинить зло и боль!

– Вот и я так подумал, – признался брат Халсэбу, глядя на инквизитора ясными глазами. – А настоятель... Я стал его бояться. Вот и бежал куда глаза глядят. Мне хотелось добраться до монастыря Святого Арвинна. Говорят, тамошний настоятель тверд в истинной и искренней вере. Он принял бы меня. Я бы что-нибудь солгал о себе... назвался бы другим именем, нашел бы себе другую одежду, попросился бы в послушники, скрыв, что уже принял обеты. Все, что угодно, лишь бы подальше от недругов! Потому что еретики меня ненавидят. Они ведь знают, что мне все известно.

Неожиданно брат Халсэбу побледнел и отшатнулся от Ринана Сиха:

– А ты... часом, не еретик?

– Я? – Ринан Сих пожал плечами. – Я верю в то, во что верили основатели Серого ордена. Я оберегаю священную и неприкосновенную веру Сеггера. Я истребляю еретиков-архаалитов, и с помощью законной силы, и собственными руками. Я неустанно преследую монстров и чудовищ, которые оскверняют наш мир, и допрашиваю пленных, которые могут рассказать нам о наших врагах – о врагах нашей святой веры. Если ты придерживаешься тех же воззрений, значит, ни один из нас не еретик.

Брат Халсэбу с жаром поцеловал руку Ринана Сиха.

– Позволь мне остаться с тобой! Я хочу быть твоим учеником. Я буду тебе прислуживать, буду слушать твои поучения...

– То место, куда я иду, находится в противоположной стороне от обители святого Арвинна, – предупредил Ринан Сих. – Тебе придется отказаться от твоего первоначального

плана.

– В этом нет ничего страшного, – заверил его брат Халсэбу. – Ведь основная моя цель – быть с теми, кто придерживается ортодоксальных верований. Чего я только не претерпел на своем пути!..

И неожиданно он заснул.

– Да, – сказал Ринан Сих, укрывая его плащом. – Похоже, ты не врал. Ты действительно натерпелся. Завтра выступим в путь.

Ересь! В ордене инквизиции! Невозможно в такое поверить.

* * *

На следующий день Ринан Сих узнал некоторые подробности о случившемся. Он начал догадываться, что настоятель обители Святого Арвинна знал если не обо всем, то о многом и нарочно ничего не рассказывал Ринану Сиху, чтобы не сбивать того с толку. Что ж, правильное решение. Ринан был бы потрясен и не смог бы как следует вести допрос. Мудро, поистине мудро.

Тот, с кого началась ересь, звался Акир Бен Тагар. Немногие решились выступить против этого могущественного иерарха ордена, но в числе этих немногих были Легдар, известный своей проницательностью, и Габрэмус, рыцарь Храма, – поистине выдающиеся личности. Брат Халсэбу всей душой был на стороне этих двоих, но кому есть дело до мнения скромного послушника! В обители много ходило слухов, однако когда стало известно, что Акир Бен Тагар взял верх... что Легдар и Габрэмус спешно отправились в Тугард, спасаясь от своих противников...

– Ты понимаешь теперь, что мое бегство было неизбежным! – горячо закончил послушник, скромный брат Халсэбу.

Ринан Сих медленно опустил голову. Итак, все правда, и подробности ужасны...

Заговорщикам мало было изгнания двух святых братьев, страдальцев за истину. Они покрыли орден инквизиции позором, наняв для своих целей убийц из тайного сообщества Золотых Скорпионов.

Вот это поистине ужасное известие. Золотые Скорпионы! Так называл себя один широко известный – и в то же время абсолютно никому не известный – орден убийц. Скорпионы соперничали с койярами; их учение и боевые приемы имели много общего и в то же время расходились во многих пунктах; отсюда и соперничество, и взаимная ненависть. Те, кто нанимал Золотых Скорпионов, лишали себя права пользоваться услугами койяров, и наоборот.

Никто и никогда не видел Золотого Скорпиона, ни живого, ни мертвого. То есть, разумеется, члены тайного ордена жили среди людей и даже показывались на улицах городов как ни в чем не бывало, однако догадаться о том, кто они такие, простые смертные были не в состоянии. Тайна ордена очень хорошо охранялась и одновременно с тем способствовала его популярности. Доходило до того, что в некоторых местностях матери пугали Скорпионами непослушных детей, и те в ужасе затихали в своих кроватках, не смея пошевелиться, чтобы не пришел ужасный, невидимый, неуловимый, беспощадный Золотой Скорпион и не съел их вместе с потрохами и любимыми игрушками.

Однако с точки зрения сеггерианцев самым ужасным было то обстоятельство, что Скорпионы не веровали в Сеггера. У них имелись какие-то собственные представления о божествах, и этими представлениями Скорпионы, естественно, ни с кем не делились. Впрочем, их никто и не спрашивал. Ринан Сих, например, был только рад тому, что его мысли не засорены ложью Золотых Скорпионов. Довольно и другой лжи и иных богомерзких ересей, о которых инквизитор знает множество отвратительных подробностей.

И вот Акир Бен Тагар зашел в своем честолюбии так далеко, что согласился прибегнуть к услугам ордена вероотступников. Неслыханно! На пожертвования верующих, собранные в обителях, где обосновались еретики, наняты богопротивные убийцы... От имени святого

храма они будут действовать по всему Туллену. Такого позора святая инквизиция еще никогда не переживала. Синод уже, разумеется, оповещен, но это не многое меняет. Подобно насекомым, чье имя они избрали для себя, Скорпионы уже расплозились, и скоро в сознании людей они будут прочно связаны с именем Серого ордена.

Да, для того, чтобы утвердиться, Акир Бен Тагар действительно готов на все.

Глава восьмая

Император Орвас, занятый подготовкой к величайшей битве в истории Лаара, прервал на время свои приготовления, чтобы лично удостовериться в некоем чуде, весть о котором принесли ему во дворец.

Ему пришлось проехать далеко в степи, чтобы увидеть то, о чем говорили его осведомители.

Император был настоящий аккениец, высокий, стройный, широкоплечий, с широко расставленными серыми глазами и длинными светлыми волосами. При взгляде на него хотелось воскликнуть: «Вот воин!» Весь его облик дышал спокойствием силы. С таким командиром хотелось идти на край света – хоть против самого жуткого и кажущегося непобедимым врага.

Это был истинный сын своего отца... до того, как Адриана постигли столь печально известные перемены. До похищения его силами Тьмы, которые сумели извратить сущность великого человека и полководца, уничтожить одного из тех, кто мог бы спасти Лаар от полной гибели. Орвас имел достаточно ясные представления о том, какие могучие силы собирает Тьма в Урангрунде, готовясь выступить против Тугарда. Ему доносили о тысячах солдат самого жуткого обличья и самых невероятных способностей. О призраках и личах, о скелетах-магах, о зомби и вампирах, о насекомоподобных тварях, о метаморфах и инкубах, мертвяках, немых гуллях, вампирах... даже об оживших артефактах! Вся эта жуть скапливалась в горах на Темной стороне Лаара, готовясь излиться потоками нечистот на степи.

Благополучного исхода быть уже не могло, и Орвас отдавал себе в этом полный отчет. Он и его Империя оказались стиснуты двумя непобедимыми противоборствующими силами: с одной стороны – болотная чума, наползающая из Ракштольна, Кара богов, против которой нет ни лекарств, ни способов борьбы; с другой – армии Тьмы, готовые выступить в свой последний поход на Тугард в любой момент.

Орвасу не победить ни тех ни других. Он обречен с самого начала.

И все же император не сдавался. Он принял единственное возможное в его положении решение: погибнуть с честью. Если ничего другого не остается, выход может быть только один. Как гласит воинский кодекс, «не можешь спасти жизнь – спасай честь».

Только сейчас Орвас применил это правило не к себе одному, а к целому народу. Но в конце концов, разве император не есть своего рода воплощение своего народа? Если император трус и подлец, то и народ не лучше, а если император – отважный воин, человек чести, то и народ его, быть может, падет, но падет со славой.

Так было, и так будет...

Проблеск надежды... Орвас не мог пренебрегать даже малейшим лучиком, даже искоркой, даже намеком на то, что люди называли надеждой на спасение. Он поверил в чудо сразу и без оглядки.

Поверил гонцу, который явился к нему с известием о том, что в степях появилось нечто доселе небывалое. Нечто... светлое!

– На что это похоже? – допытывался император. Он выскочил к вновь прибывшему прямо из-за пиршественного стола, где вкушал трапезу со своими командирами и высшими придворными.

Но гонец, уставший, в забрызганной грязью, запыленной одежде, только качал головой. Его глаза сияли, как у безумца, как у человека, который видел чудо.

– Это ни на что не похоже, повелитель, – ответил гонец. – Такого не было еще в степях! Но это чудо... Это – Свет!

Роскошные залы дворца, отделенные друг от друга занавесами, наполнились суетой. Сразу стало известно, что император готовится выступить в поход немедленно. О традиционной совместной трапезе с императором позабыли, и только самые невозмутимые из обедающих продолжали кушать как ни в чем не бывало. Скоро последняя битва, смертоносная битва, так неужели лишать себя тех немногих удовольствий, которые еще остались в жизни?

А во дворце поднялась настоящая паника. Забегали конюхи, слуги, камердинеры. Государь намерен выйти в поход! Сейчас же! Сию минуту! Немедленно! Где его любимый конь, где его любимый меч, где его любимые соратники? Готовили оружие, конскую упряжь, прикидывали, какие припасы лучше дать его величеству в дорогу.

Но Орвас пресек все эти заботы на корню.

– Я еду один, – объявил он, к разочарованию преданных товарищей. – В обычной одежде, с обычным оружием. И ради пресветлого Сеггера, прекратите причитать! Будет лучше, если я отправлюсь в путь прямо сейчас, без промедления, – и как частное лицо. Не нужно разводить шумихи. Успокойтесь все, иначе я буду в гневе.

Орвас покинул дворец ровно через час после появления гонца, препорученного заботам дворцовых слуг. Остаток дня и всю ночь император Тугарда гнал коня, уходя все дальше в степь, пока наконец не очутился там, где не было никаких поселений и где не паслись стада... Никого. Только трава, клонящаяся под ветром, серая в предрассветной дымке.

Орвас остановил коня, спешился. Он стоял посреди своей Империи, как бы попирая ее мягкими сапогами всадника, сапогами, не предназначенными для долгой ходьбы, но чрезвычайно удобными для езды верхом. Весь мир, казалось, затих в ожидании рассвета.

И вот на горизонте показался свет. Тонкие розовые лучи протянулись к небу и окрасили облака на востоке. Огромный красный шар медленно выкатился на поверхность. Ничто не закрывало обзора – Орвас видел солнечный диск во всем его великолепии. Но постепенно на фоне этого диска проступила фигура, подобная человеческой, но с крыльями.

Орвас не поверил своим глазам. Он и не понял бы ничего, наверное, если бы гонец не рассказал ему о случившемся еще прежде...

Золотой силуэт крылатого человека висел в небе. Багровое солнце казалось тусклым и бледным перед ним, оно могло лишь оттенять его, – так ярко он сиял.

Если бы Орвас видел когда-либо Тзаттога, он решил бы, что перед ним – полная противоположность принцу-упырю. И был бы, наверное, прав... Но Орвас никогда еще не встречал Тзаттога и даже не подозревал о его существовании. Все внимание императора было приковано к светящемуся крылатому созданию.

Оно пылало ярче солнца!

Не может такого быть...

В степи, под этой фигурой, видны были сияющие волны, и Орвас вдруг понял, что это, должно быть, армии. Армии Света!

Он сел в седло и погнал коня навстречу тому, кого люди уже окрестили Ангелом Мщения. Ибо, думалось Орвасу вслед за его подданными, этот Ангел Мщения явился на Лаар для того, чтобы уничтожить Кару богов, побороть чуму и дать измученному населению то, чего никто не знал со времен Катаклизма, – свет и покой.

Орвас мчался все утро и только ближе к полудню увидел, что лишь немного приблизился к Ангелу. Странно – ведь Ангел виден был на горизонте, следовательно, Орвас уже давно должен был встретиться с ним лицом к лицу.

Но чем ближе был император, тем, казалось, быстрее отдалялся от него светозарный муж с крыльями.

– Стой! – зывал Орвас, простирая руки к Ангелу. – Остановись! Выслушай меня! Ты – единственная надежда нашего народа! Кто ты? Желаешь ли ты поклонения? Мы дадим тебе все, что только возможно! Все, что в наших силах! Все, чем мы владеем! Выслушай меня,

ведь у нас одна цель – одолеть зло, что сгустилось над нашим миром и уничтожает его!

Никакого ответа.

Даже Сеггер, который никому из простых людей не являлся (некоторые настоятели утверждали, что общались с ним в духе, но Орвас, естественно, не мог считать себя настолько святым, чтобы Сеггер захотел общаться с ним напрямую), – даже Сеггер иногда давал Орвасу нечто вроде ответа. Случалось, император молился богу долго и истово, и вдруг в его душе возникало ощущение покоя или по рукам и ногам разливалось тепло. И тогда Орвас знал, что Сеггер услышал его пламенные молитвы.

Но Ангел Света, хоть и был зрим, хоть и висел в небе над степью, оставался безмолвным и недостижимым.

– Выслушай меня, о Свет, о крылатый Свет! – продолжал без устали звать Орвас. – Разве не Сеггер послал тебя к нам, дабы вселить в наши сердца надежду? Молю тебя, ответь! Не к тому ли стремишься ты, к чему и церковь наша святая стремится, к чему и мы стремимся все, – искоренить чуму, уничтожить зловещий туман, искупить Кару богов!.. Ответь!

Но не донеслось с небес никакого ответа...

* * *

Орвас возвратился во дворец только через несколько дней, и выглядел император ничуть не лучше того простого солдата, который принес ему весть об Ангеле Мщения. Точно так же разорвана и покрыта пылью была одежда императора, та же странная смесь надежды и отчаяния отражалась на его лице. Он ничего не мог ответить на вопросы своих приближенных. Ни военные командиры, ни министры, ни даже священнослужители – никто не услышал от него внятного рассказа.

По приезду, однако, Орваса ждал еще один сюрприз. Как ему доложили, к нему явился высокопоставленный инквизитор, один из лучших в Сером ордене, который привез важные новости. Инквизитор этот отказывался сообщать свое послание кому-либо, кроме императора. Он был очень разочарован, когда узнал, что Орваса нет во дворце.

– Я проделал огромный путь! – заявил он. – Я рисковал жизнями, своей и, что куда существеннее, других верных слуг Сеггера, ради того, чтобы доставить весть государю. Мы считаем, что Орвас – единственный, кто в состоянии противостоять надвигающейся Тьме. Именно поэтому мои сведения так важны для него.

Однако ничего не поделаешь – от того, что Ринан Сих рисковал жизнями, своей и чужими, и от того, что привезенная им весть обладает невероятной ценностью, император во дворце не объявится. Государь уехал в степь, поскольку у него там появились неотложные дела, – так сообщили инквизитору.

И Ринан Сих вместе со своим послушником, братом Халсэбу, вынужден был сдержать нетерпение и поселиться в отведенных ему покоях в северном крыле дворца.

Покои эти были не слишком просторными, но вполне удобными и простыми. Все здесь было приспособлено под вкус человека, привыкшего к походам, к условиям полевого лагеря. Ринан Сих не жаловался – ведь он тоже был таким человеком. Кроме того, смиренному служителю Сеггера не пристало требовать роскоши и тосковать по мягким перинам... Ему следует довольствоваться матрасом, положенным на пол, тощим одеялом и глиняной плошкой для умывания. Впрочем, плошка была не глиняная, а серебряная, да и матрас был накрыт красивым покрывалом с узорами; что до одеяла, то оно хоть и было тощим, зато шелковым. В общем, простота и роскошь, соединенные вместе.

Послушника устроили во дворце точно так же. Брат Халсэбу пришел в неистовый восторг – он, рожденный в очень простой семье и воспитанный в суровых условиях обители, никогда и не видывал подобной роскоши. Шелк! С ума можно сойти! Брат Халсэбу был готов гладить свое одеяло с утра до вечера и восхищаться изумительной работой мастериц, заткавших покрывало такими красивыми узорами.

– В жизни не подозревал, что существует такая красота! – восторгался он. – Какие вещи существуют в мире! Будет жаль, – прибавил он простодушно, – если Лаар погибнет... Ведь вместе с Лааром погибнет и вся эта прелесть.

– Знал бы ты, каким был Лаар до Катаклизма, – проговорил Ринан Сих.

И тотчас пожалел об этом.

Брат Халсэбу не помнил мира до Катаклизма. Он сразу же принялся умолять старшего, чтобы тот рассказал ему подробнее.

– Отец никогда этого не делал, только начинал плакать, пить и лупить меня, – вздохнул брат Халсэбу. – Что под руку попадалось, тем и лупил. Один раз заехал кувшином, другой – ночной вазой... А то швырнет в меня башмаками. Так я ничего и не узнал. А каким был мир до Катаклизма? Поведай мне, Ринан!

– Я тебя бить не буду, – объявил Ринан Сих, – но и рассказывать тебе ничего не собираюсь. Не следует все время оборачиваться на прошлое. Это ослабляет душу, запомни. Если все мы сядем и начнем скорбеть о том, как прекрасен был Лаар до Катаклизма, какими ясными были его голубые небеса, какими мирными – его океаны... и как маги трудились лишь на благо людей, излечивая болезни и предсказывая погоду... Да, тогда уж мы точно не сдвинемся с мертвой точки, а только ослабеем и уподобимся глупым старухам, что точат сваи жидкие слезы по давно прошедшим временам. Нет, брат Халсэбу, никогда не оборачивайся на прошлое. Мы живем только в настоящем. И наша задача сейчас исключительно проста: дожидаться императора и доложить ему обо всем, что нам стало известно. Государь должен знать все.

– Без прикрас? – озаботился брат Халсэбу.

– Да уж какие прикрасы могут быть у ереси! – вздохнул Ринан Сих.

– Вот и я о том же, – подхватил брат Халсэбу. – Ничего ужаснее того, что затевает Акир Бен Тагар и представить нельзя...

– Можно, – возразил Ринан Сих. – И это – Кианна.

* * *

У Орваса оказались свои новости, и тоже не слишком обнадеживающие. Когда императору доложили о людях, жаждущих встречи с ним, он только переменял одежду, выпил стакан вина и велел подать трапезу в кабинет, где обычно проводил секретные совещания в очень узком кругу. На сей раз Ринан Сих настоял на том, чтобы встреча проходила с глазу на глаз.

Император прищурился, когда увидел рядом с инквизитором брата Халсэбу.

– Кажется, ты не хотел, чтобы на этой встрече был еще кто-либо, кроме тебя и меня, – напомнил император вместо приветствия.

Ринан Сих склонил перед ним голову, а брат Халсэбу простодушно рухнул на колени и простер перед собой руки. Он был готов потерять сознание от восторга. Мог ли представить себе простой сын сапожника, что когда-нибудь он будет стоять – точнее, лежать ниц – перед императором Тугарда, более того, удостоится чести разговаривать с ним? Воистину, велик Сеггер! И стоило уйти от жизни обычного человека и посвятить себя делу Серого ордена, чтобы испытать такое.

– Встань, несчастный, – проговорил император. – Ты ведь служишь одному только Сеггеру.

– И тебе тоже, – пробормотал брат Халсэбу, однако поднялся на ноги, – Мы оба служим Сеггеру. Ты и я.

Император вдруг рассмеялся. Больно уж непохожими друг на друга оказались эти вестники, эта пара инквизиторов, о которых Орвасу уже успели нажужжать в оба уха: что они, мол, и интриганы, и странные, и высокомерные, и ни с кем не разговаривают, и вообще непонятно откуда взялись!..

Ринан Сих – внешне моложавый, но со старыми глазами, светловолосый, стройный; и

брат Халсэбу с грубоватой физиономией, коренастый, с короткими грубыми пальцами простолюдина.

– Я хочу, чтобы между нами была полная ясность, – произнес Орвас. – Мы сейчас находимся в смертельной опасности. Когда я говорю «мы», я имею в виду весь мир, а не только себя и вас двоих. Надеюсь, вы отдадите себе в этом отчет. Поэтому будем кратки в высказываниях, предельно честны – и постараемся ничего друг от друга не утаивать. У каждого из нас есть своя новость. И я предлагаю, чтобы начал говорить старший инквизитор.

В этот момент в дверь постучали. Вошел слуга с подносом, на котором находилась поистине королевская трапеза – жареная птица, мягкие тушеные овощи, густо залитые пряной подливой, а также кувшин вина.

Орвас сдвинул брови.

– Ты помешал, – сурово обратился он к слуге.

– Но, ваше величество, я раньше не мог... – начал он оправдываться и вдруг улыбнулся. – Когда это еда была некстати? Не морочьте мне голову, государь! Кушайте на здоровье и отдыхайте в кругу своих близких друзей.

С поклоном слуга удалился.

Орвас проследил за тем, чтобы тот плотно закрыл дверь, усмехнулся:

– Ну что мне с ними делать!.. Не наказывать же его за любовь!

– За вас, государь, любой из нас умрет с радостью! – воскликнул брат Халсэбу пылко.

Орвас остановил его излишняя, подняв ладонь.

– Мы хотели выслушать Ринана Сиха.

Ринан Сих отметил про себя, что император знает его имя. Ему уже все успели доложить, и он все запомнил. Инквизитор не называл себя, когда вошел в комнату. Интересно, знает ли император также имя брата Халсэбу? Скоро это выяснится.

– Государь, – Ринан Сих откашлялся, прежде чем заговорить, – один из славных рыцарей храма, Эсайас Новер, поистине святой борец за веру Сеггера, совершил невозможное. Он захватил в плен пророка тумана.

Ринан Сих сделал паузу, позволяя Орвасу освоиться с услышанным.

– Действительно – невероятно, – с неожиданным спокойствием подтвердил Орвас.

И разлил вино по бокалам. Кажется, он до конца не поверил в то, о чем ему рассказывают. Инквизитор не осуждал его. И впрямь – слишком уж поразительная история. До сих пор пророки тумана не давались в руки никому...

Ринан Сих взял бокал с легким полупоклоном и продолжил:

– Мне была оказана высокая честь – я лично допрашивал этого пленника. Он назвал имя. Имя Кары богов.

– Разве у нее может быть имя? – Теперь Орвас удивился по-настоящему. – Я думал, это некая бесплотная... пакость, которая возникает на наших землях, как плесень или ядовитый нарост, вроде гриба, ползучая блекло-серая немочь, которая обращает побежденного противника в часть себя... стоит лишь коснуться, и... Я видел, как это происходит с моими воинами, видел много раз.

Он замолчал, не в силах продолжать.

– Мы понимаем твоё отношение к этому, государь, и разделяем твои справедливые чувства ненависти и омерзения, – вздохнул Ринан Сих. – Однако эта сила вполне разумна, и она по-настоящему могущественна. Возможно, теперь, когда мы узнали о ней так много, у нас появится возможность схватить змею и отрубить ее бледную туманную голову! Кианна – вот ее имя.

– И что это за сущность? – осведомился император.

– Богиня, – кратко ответил инквизитор.

Император поднял брови.

– Сеггер – вот истинный бог, и мне странно слышать имя какой-то богини из уст адепта Серого ордена. Впрочем, теперь, когда святая инквизиция больше не свята, когда в ваши ряды прокралась злокозненная ересь...

Ринан Сих прикусил губу. Вот и началось. Золотые Скорпионы сожрали доверие людей к Серому ордену! И даже такие проникательные и умные политики, как император Орвас, перестали смотреть на инквизитора как на человека, абсолютно надежного и твердого в убеждениях.

– Я не имею к этой ереси никакого отношения, – проговорил Ринан Сих. Ему стоило труда сдержаться и не показать Орвасу, какую боль тот ему причинил своим высказыванием. – И передаю тебе лишь слова пророка тумана. Он считает Кианну богиней.

– А ты ее кем считаешь? – поинтересовался Орвас. – В твоем мнении, я полагаю, будет содержаться истина – в отличие от ложных верований пророков тумана.

– Я считаю, что Кианна и в самом деле весьма могущественна... Мы все имели печальную возможность убедиться в этом. Вероятно, в какой-то мере Кианну можно назвать и богиней, хотя ни в коем случае не истинной, – медленно проговорил Ринан Сих. – По какой-то причине она покинула собственный мир. Мир, где у нее были и власть, и сила, и верующие в нее, и поклоняющиеся ей. Возможно, там ей приносили жертвы. Судя по ее кровожадности, человеческие... Я могу лишь строить предположения, государь, – прибавил Ринан Сих. – Изгнанная некой противоборствующей силой, Кианна очутилась на Лааре и была уловлена астральной гончей. Полная ненависти, она попыталась уничтожить Лаар, но затем ей стало ясно, что здесь она может обрести силу.

– И она обретает силу, пожирая наших людей? – переспросил Орвас. – В этом источник ее мощи?

– Боюсь, что так, государь... Туман, в который обращаются тела зараженных чумой, и есть сила Кианны. Ее сущность. Это лишь мои предположения, но не хотелось бы подкреплять их практикой.

– А как это узнать наверняка?

Глаза Орваса блеснули, и Ринан Сих вдруг подумал об императоре: «Он все еще любопытен, как мальчишка. Удивительно!» Сам инквизитор давно уже утратил способность удивляться или испытывать любопытство. Он смотрел, сопоставлял, исследовал. Он любил получать новые сведения, но любил не бескорыстно, не «просто так», «для осведомления», а для какой-то определенной цели. В крайнем случае – с затаенной мыслью о том, что это «может пригодиться».

– Государь, – сказал Ринан Сих, – для того, чтобы целиком и полностью приобщиться к Кианне, следует уйти в туман и раствориться там. Только находясь внутри тумана, можно постичь саму суть тумана. Но, с другой стороны, войдя в туман и постигнув его вполне, нельзя затем выйти из тумана и поведать о своем знании людям по эту сторону. Полагаю, то, что вещают пророки тумана, вообще есть максимум того, о чем можно рассказать.

– То есть пустая и нудная болтовня о Каре богов и о людских согрешениях, – вздохнул Орвас. – По большому счету – ничего.

Ринан Сих угрюмо смотрел на императора. Тот выглядел как человек, переживший огромное разочарование.

Орвас кивнул молодому послушнику:

– Теперь ты. О чем ты хотел доложить?

– О расколе в святом ордене инквизиции... – пробормотал брат Халсэбу.

– Это я уже знаю.

– Откуда? – вырвалось у молодого послушника. Он тотчас покраснел, опустил глаза и задрожал. На мгновение он забыл о том, где и перед кем находится.

Но Орвас лишь тихо рассмеялся:

– Твоя дерзость – наименьшее из зол, какие только могли постичь меня в последние годы. Поверь мне, брат Халсэбу... – («Ага, так император знает и имя послушника!» – подумал Ринан Сих. Его уважение к Орвасу росло с каждой минутой.) – Поверь мне, маленький брат, я отдал бы правую руку за то, чтобы получить возможность гневаться на моих подданных за то, что они забывают об этикете. Я давно уже не сержусь, когда младшие командиры входят в мою спальню среди ночи в грязных сапогах, когда они допивают мое

вино, не спрашивая разрешения, и даже не благодарят потом, когда они отвратительно ругаются в моем присутствии или падают на мою же кровать и в тех же грязных сапогах и мгновенно погружаются в сон... Что поделать! Эти люди сражаются, они приходят после жестокой битвы доложить своему императору о том, что произошло и какие потери он понес, а потом их валит с ног усталость. Мы – на войне. На самой страшной войне в истории Лаара. Мы окружены врагами, и нам не устоять перед двойным натиском. Туман и Тьма сокрушат нас, словно безжалостные каменные жернова, перемалывающие зерно. Так что говори, что хочешь, держись, как тебе удобнее. Забудь о том, что я император. Сейчас мы просто разговариваем. Ты и я. Два человека накануне неминуемой гибели.

– Откуда ты знаешь о ереси? Об этом уже... все знают? – пробормотал брат Халсэбу.

Орвас вздохнул:

– Акир Бен Тагар, возглавивший раскол, набирает силу. Это страшный и честолюбивый человек. Боюсь, он своего добьется. Я получил письмо от Габрэмуса и ожидаю его самого со дня на день.

Император снова взялся за кувшин и налил вина – на сей раз себе одному.

– Теперь послушайте меня, вы оба, вы, преданные сторонники Света и истинной веры. Я расскажу вам о странном видении, которое мне было.

– О видении? – переспросил Ринан Сих.

Император закрыл глаза, затем медленно поднял веки и усмехнулся:

– Возможно, то происходило наяву. Что ж, тем хуже для меня... Я находился в степи, потому что мне сказали о том, что там появился Ангел Света. Солдат, доставивший мне это известие, называл его также Ангелом Мщения, потому что – как надеялись все, кто лицезрел это чудо, – светозарное существо явилось на Лаар для того, чтобы изгнать Тьму и Зло.

– На что оно было похоже? – осведомился Ринан Сих, когда император опять замолчал, собираясь с мыслями.

Орвас неожиданно зевнул. Он действительно очень устал, а разговор его окончательно вымотал.

– Это было крылатое существо, источающее свет, – объяснил император. – Оно летело над землей, и мне показалось, что оно собирает светозарные армии, которые выступят против Тьмы и уничтожат ее. Я помчался ему навстречу, взывая к нему и умоляя о помощи.

– И... он ответил? – тихо спросил брат Халсэбу.

– Нет, – произнес Орвас. – Он остался глух к моим отчаянным призывам.

Глава девятая

Ринан Сих уезжал от Орваса один. Брат Халсэбу остался при государе. Он выпросил дозволение вступить в ряды тулленской армии, и ему это было разрешено. Сейчас каждый солдат был на счету.

Ринан попрощался с молодым послушником сухо и сдержанно. Брат Халсэбу почему-то чувствовал себя виноватым.

– Я хочу служить Сеггеру наилучшим образом, – сказал он. – Я много думал о своем выборе. Клянусь моей душой, я ведь всегда только одного и хотел – служить Сеггеру, – повторил молодой послушник. – Для этого принял обеты, вступил в Серый орден. Самый суровый, самый чистый орден из всех! Так я считал. Ведь инквизиция следит за тем, чтобы вера не искажалась... Наверное, я просто невезучий, – прибавил брат Халсэбу. – Как еще объяснить то обстоятельство, что именно в той обители, где я подвизался, настоятель решил перейти на сторону еретиков.

– Было бы еще хуже, если бы твоим настоятелем оказался Акир Бен Тагар, – заметил Ринан Сих. – Так что не гневи судьбу, есть люди, которым не повезло еще больше.

– Не говоря уж о тех несчастных, которые сами сделали еретиками! – подхватил брат Халсэбу. – Воистину, их участь плачевна. Ты утешил меня, Ринан Сих. Я не устаю удивляться твоей мудрости и благодарен Сеггеру за то, что послал мне тебя на моем

грустном пути.

Ринан Сих успел узнать брата Халсэбу достаточно, чтобы понимать: тот говорит вполне искренне. Брат Халсэбу не лгал, не притворялся, он даже не умел толком скрывать свои мысли.

– Твое решение вступить в армию противоречит твоим обетам, – указал Ринан Сих.

– Я стану воином Сеггера и паду на поле брани, если это потребуется для победы Света, – горячо сказал брат Халсэбу. – Наш полковой проповедник говорит, что мы должны готовиться быть втоптаннами в кровавую пыль и погибнуть с честью в Великой степи и на стенах городов, что наша участь – лечь костями, не отступив и не сдавшись.

– И ты воистину готов умереть? – спросил Ринан Сих.

Брат Халсэбу кивнул:

– Может быть, прямо сейчас еще и нет, но когда настанет час – да, я думаю, что буду готов.

Ринан Сих уезжал с тяжелым сердцем. Ангел Света, о котором в Туллене велось так много разговоров, по-прежнему никак не проявлял себя. Да и глупо было бы ожидать от этой надмирной сущности какой-то реальной помощи. Некоторые наиболее восторженные проповедники утверждали, что появление Ангела Света, пусть даже отстраненного и безразличного к мольбам людей, само по себе есть великое знамение, свидетельство грядущей победы над силами Тьмы.

Но Ринан Сих не верил в это. Не мог поверить, как ни старался. Он неоднократно заглядывал Тьме прямо в глаза и имел возможность самолично убедиться в ее могуществе. Если бы Ангел Света обладал в Лааре хоть какой-то силой, он бы уже явил ее. Нет, надежды быть не может. Надеяться на что-то значит ослабить себя, а допускать такое самоубийственно. Нужно знать правду и быть сильным.

Ринан Сих намеревался вернуться в обитель Святого Арвинна, чтобы переговорить с настоятелем и выяснить, что еще известно о распространении ереси в ордене инквизиции. Еще одна язва на многострадальном теле Лаара! Спаси нас всех Сеггер!..

Путь инквизитора был отмечен потерями. Он с горечью думал об этом. Стоило ему обрести кого-то, кто хотя бы на миг становился ему близок, и это новое существо бросало его в одиночестве, избирая собственную стезю. Впрочем, разве сам он не поступил точно так же, когда принял обеты и облачился в серые одежды инквизитора? Вся его бывшая жизнь осталась позади, с ее привязанностями и интересами, которые теперь представлялись Ринану жалкими.

Он думал о том, что еще не рассказал Орвасу. Когда инквизитор рассуждал о том, что император Тугарда обязан знать обо всем, что происходит, и притом без прикрас, – Ринан Сих, разумеется, лукавил. Кое-что брат из Серого ордена попросту утаил. Из самых благих побуждений, разумеется. Так, например, государю абсолютно незачем знать обо всем, что ожидает его на болотах. Еще одно безымянное зло, которое притаилось там, пока не настал его час. Серебряный обелиск, странное создание, заключенное внутри него... Если Орвас снарядит экспедицию к серебряному обелиску, он попусту растратит силы. Время еще не настало. Об этом оживающем и окаменевающем артефакте следует позаботиться позже. Если такая надобность вообще возникнет, потому что, судя по тому, что происходит в Урангрунде, Орвас может попросту не дожить до лучших времен. Так что пока надлежит сосредоточиться исключительно на первоочередных задачах. На ереси. На Сером ордене. На будущем всей Сеггерианской церкви.

Ринан рассеянно глядел на дорогу. Степь казалась такой благодатной, кругом пестрели цветы, зеленела сочная трава... Но тут и там виднелись черные проплешины – отметины зла, которое прикоснулось к Тугарду, опалило его зловонным дыханием. Целые деревни стояли сожженными; от домов остались лишь каркасы или несколько бревен, обугленных на пепелище. Возможно, некоторые из деревень были сожжены инквизицией – за то, что там дали приют архаалитам и наотрез отказались предоставить этих еретиков святому суду.

Ересь! Слово болезненно отдалось в голове Ринана. Как теперь он будет вершить

правый суд над теми, кто искажает истинную веру? Как посмеет выносить приговоры? Любой негодяй сможет теперь крикнуть ему: «Твой орден сам погряз в ереси, а твои собраты нанимают Золотых Скорпионов, что творят свои темные дела от имени так называемой святой инквизиции! А между тем Скорпионы не веруют в Сеггера, и об этом-то всем известно!» И – да хранит нас от зла всеблагой Сеггер! – это будет чистой правдой...

Раньше Ринан Сих не верил в то, что мысли могут причинять физическую боль. Теперь он убедился в этом на собственном горьком опыте. Ему хотелось кричать и стонать от боли, он скрипел зубами и даже, кажется, сломал один зуб, так сильно стискивал челюсти.

Один только исход казался ему возможным: истребление. Еретики должны быть уничтожены. Физически. Все, до последнего человека. Может быть, невозможно убить ложную идею, но инквизитор отлично знал, что нетрудно убить носителя ложной идеи. И если не станет носителей, то идея отомрет сама по себе...

Погруженный в раздумья, он едва замечал дорогу и однажды утром, проснувшись, с изумлением огляделся по сторонам. Неужели он сбился с пути? Но – да, он отклонился к югу и едва не вернулся на болота Ракштольна. Ему даже показалось, что он узнает местность. Кажется, с этого холма открывается вид на городок Хеннгаль. Точнее, на то, что от него осталось. На городишко, который сгорел в огне гигантского пожара, разожженного саламандрами тоаданца.

Да, виновником этого бедствия стал некий Эгертон, маг-тоаданец, который пытался спасти от заслуженной кары еретичку-архаалитку и выпустил из пальцев огненных ящериц. Ох уж эта знаменитая магия огня, которой по праву гордится орден Тоа-Дан! Огненный вихрь охватил весь город, и Хеннгаль был выжжен, как язва. Что ж, в конце концов все оказалось ко благу, ведь в городе, помимо прочего, завелись умертвия. Хеннгаль был открыт злу. Инквизиция все равно сочла бы правильным предать этот нечестивый городок огню и мечу.

Странно все-таки, что сейчас, в минуту тягостных раздумий, Ринан Сих очутился на старом месте. Обычно инквизитор не возвращался туда, где именем Сеггера и его руками творилось справедливое возмездие богохульникам. Незачем. Там не оставалось камня на камне. А вот сейчас его как будто вынесло сюда.

Ринан Сих не верил в совпадения. Принято говорить, что в жизни мага не бывает случайностей; но Ринан относил эту поговорку также и на собственный счет. В жизни верного служителя Сеггера тоже не может быть ничего случайного. Все закономерно, во всем следует усматривать знак, посылаемый свыше.

Так почему же Ринан сбился с дороги и очутился на старом пепелище? Что хочет сказать ему Сеггер?

Инквизитор спешил и, оставив коня пастись, медленно двинулся к выгоревшему Хеннгалю...

* * *

Города было не узнать. Даже старожил не сумел бы сейчас определить, где и что находилось. Лавки, дома, улицы, площади, колодцы – все было уничтожено ревущей стеной пламени. Здесь Ринана спасла Желтая Игинуш, которая укрыла его и саму себя недавно сброшенной кожей. Шкура этого магического существа обладала чудесными свойствами. В частности, она защищала от огня.

Об этом обстоятельстве, разумеется, не знали в Совете инквизиции. Откуда бы? Поэтому и поверили, когда Ринан Сих сказал, что сжег одну из сброшенных Игинуш кож.

В тот первый раз Игинуш не забыла своего спутника. Она на удивление быстро восстановила память и осталась с Ринаном. А вот на второй раз все произошло иначе... Почему? Этого Ринан не знал.

Он вынул из дорожной сумки кусок сморщенной желтой шкуры, расстелил на земле. Странно, она не съжилась и сохранила форму. Если ее разрезать, получится отличный

огнеупорный плащ. Возможно, этот плащ также позволит отражать магические атаки. Незаменимая вещь для такого человека, как Ринан.

Сейчас он готов был попробовать и надеть желтую кожу... Чем бы это ему ни грозило. А грозить это могло неосторожному любителю надевать первую попавшуюся вещь прежде всего одним: трансформацией. Желтая кожа, скорее всего, необратимо изменяла тех, кто прибегал к ней и пользовался ею как одеждой. Она прирастала к собственной коже человека и как бы пускала корни внутрь его естества... Ринан Сих хотел бы проверить этот эффект на каком-нибудь подходящем объекте. Сейчас он раздумывал над стройной и весьма неординарной теорией, связанной с кожей Желтой Игинуш... Но что-то отвлекло его.

Голос.

Он выпрямился и посмотрел в ту сторону, откуда доносился зов. Женщина, определил Ринан. Голос звучал очень издалека, но, несомненно, был женским, высоким и нежным. Эта женщина окликала его по имени.

– Кто ты? – крикнул он в ответ. – Назовись!

– Какое имя тебе по душе? – прозвучало издали.

– Любое, если оно будет по-настоящему твоим! – ответил Ринан Сих. – Назовись же!

– Я – твое сердце, – ласкал слух певучий голос. – Я твоя душа, твоя любовь, я – та, кто тебя успокоит...

– Не верю! – воскликнул он. – Я не могу поверить в это!

– Так поверь, – прозвучало укоризненно.

Теперь Ринан Сих увидел, как на пепелище медленно за клубился туман. У него похолодело в груди от ужаса. Неужели это начинается опять? Чума! Погибнуть от чумы! Сейчас, когда события начали развиваться с невиданной быстротой! Сейчас, когда каждый честный сеггерианец на счету! Невозможно.

Ринан Сих убедил себя в том, что он тревожится не столько за собственную жизнь, сколько за участь всей Сеггерианской церкви, которой он столь необходим. Ноги его подкашивались, когда он побежал прочь от пепелища.

Длинное туманное щупальце потянулось за ним, как рука.

Ринан Сих остановился, ощутив ледяное дыхание у себя на затылке. Он медленно обернулся.

Щупальце упало на траву, и та, пожухнув, покрылась бледными каплями росы. И в каждой капле отражалось перепуганное, искаженное ужасом лицо Ринана Сиха.

– Кто ты? – спросил он пустоту. – Что тебе надо? Почему ты преследуешь меня?

– Подойди ближе, – прошелестело совсем рядом, невесомо лаская его волосы. – Подойди к пепелищу. Покажи, что не боишься меня. Тогда я продолжу разговор с тобой.

– Но я боюсь! – воскликнул он. – Как я покажу тебе то, чего нет? Это будет ложью!

Голос рассмеялся. В голове Ринана как будто рассыпался звон десятка тонких колокольчиков.

– Напрасно! Позволь в таком случае доказать, что меня не следует бояться.

– Нет, не трогай меня! – отшатнулся он в панике. Ему показалось, что бледное холодное щупальце вот-вот коснется его... и тогда он погиб.

– О, да ты труслив, мой Ринан! – воскликнула она. – Ты воистину труслив!

– Я... необходим Лаару, – пробормотал он.

– Отговорки! – презрительно хмыкнула она. – Конечно, ты нужен Лаару. И я нужна Лаару. Но Лаару не нужны и никогда не будут нужны трусы. Подойди ко мне ближе. Все случится так, как ты захочешь.

– И ты не утащишь меня в туман? – боязливо осведомился он.

– Нет, если тебе этого не захочется.

– Как я могу захотеть такой ужасной смерти? Ты принимаешь меня за дурака!

– Я принимаю тебя за своего растерявшегося подданного... Я ценю и люблю тебя. Но ты не даешь мне шанса показать, насколько сильно я люблю и ценю тебя, Ринан Сих. Дай мне шанс. Клянусь, все будет исключительно по твоему желанию.

– Ладно, – сдался он.

Он осторожно приблизился к пепелищу, следя за тем, чтобы не наступать на капли росы, выпавшие там, где простерлось бесплотное шупальце. Посреди черных головешек и пепла клубились серые облака, и внутри них Ринан Сих с удивлением увидел женскую фигуру.

Женщина была поистине прекрасна – тонкая талия, высокая грудь, пышные светлые волосы и огромные прозрачные глаза... Она улыбалась так лучезарно и вместе с тем так просто, так сердечно! Внезапно Ринану показалось, что он знает ее всю жизнь. Такое случается, когда судьба сталкивает двоих, предназначенных друг другу, и они мгновенно понимают это.

Тяга Ринана к таинственной незнакомке была почти необорима, но он все же отдавал себе отчет в том, что она стоит посреди тумана, возможно, являясь частью чумного проклятия. Поэтому Ринан Сих из последних сил сражался с собой и оставался на самой границе туманного облака, стараясь держаться так, чтобы мутные колышющиеся облака его не коснулись даже случайно.

– Кто ты? – спросил он ее. – Ответь мне!

– А как ты думаешь сам – кто я такая? – отозвалась она.

– Ты – зло в обличье добра, – выговорил он. Ему стоило немалых трудов произнести эти жестокие слова. Он ожидал, что незнакомка сейчас оскорбится и исчезнет – к его ужасу, боли и облегчению; но ничего подобного не произошло.

Она лишь усмехнулась, и светлые лучи разбежались по туману, исходя от ее лица.

– Я не зло и не добро, – промолвила она, – я – это я. Как ты – это ты. Всего лишь ты, и ничто иное. Что делает тебя добрым? Ты. Что делает тебя злым? Ты. Ты – средоточие твоей вселенной, главное, что в ней есть.

– Ложь! – воскликнул Ринан Сих. – Средоточие вселенной – Сеггер, великий и пресветлый Сеггер.

– И для тебя?

– И для меня! – заявил он.

Она засмеялась негромким воркующим смехом.

– Нет, Ринан Сих, для тебя главное – это ты. Ты не готов расстаться с жизнью, столь драгоценной для тебя, лишь во имя идеи сеггерианства.

– Мы говорим о добре и зле, о свете и тьме, о том, что дорого в этом мире и что грозит этот мир уничтожить, – настаивал Ринан Сих.

Она пожала плечами. На миг ему показалось, что она обнажена, но затем он увидел свою ошибку: на женщине было платье из тончайшего прозрачайшего шелка, которое не столько скрывало, сколько подчеркивало ее неземную красоту.

– Поговорим о Сеггере, если тебе так хочется.

«Она не может быть злом, – смятенно думал Ринан Сих. – Сущность, посвятившая себя Тьме, не смогла бы выговорить имя Сеггера с такой легкостью, с таким изяществом... почти с любовью».

– Да, мне хочется говорить о нем, – подтвердил Ринан Сих. – Кто он для тебя? Соперник?

– Для меня? – Кианна – а это была она, в чем у Ринана Сиха не оставалось ни малейших сомнений, – опять рассмеялась. – Соперник? Это невозможно, бедный мой Ринан, просто невозможно... Для меня на Лааре не найдется теперь достойного соперника. Я пришла сюда не по своей воле, но теперь намерена устроиться здесь как можно лучше. Тысячи живых и мертвых существ служат мне – и счастливы. Спроси любого. Тебе ведь доводилось разговаривать с моими пророками? По глазам вижу – да, доводилось. У всех, кто встречался с ними, остается особенный взгляд. Печальный, знающий взгляд.

– Одного из них я даже убил, – сказал Ринан Сих.

– О! – Она не выглядела огорченной. – И какова на вкус показалась тебе его смерть?

– Смерть пресна, – ответил Ринан. – У нее нет привкуса, разве что горький. Но не в

этом случае. Когда умер твой пророк, я ощутил лишь легкую досаду из-за того, что не обо всем успел его расспросить.

– Ты испытывал истинные чувства! – воскликнула Кианна. – А это означает, что ты обладаешь безошибочным чутьем и понимаешь, где находится истинное божество, а где – лишь жалкое подражание, лишь желание божества. Да, мои пророки смертны, а все мои подданные мертвы, но это означает, что все они живы. Живы во мне. Их жизненная мощь напитала мою силу, поэтому и смерть того существа не была напрасной. Ты понимал это и потому не слишком был огорчен, не так ли? Ты понимал, что я вобрала в себя энергию, высвободившуюся при гибели убитого тобой пророка, что я стала сильнее благодаря ему – и, следовательно, он в последний раз принес мне пользу и обрел бессмертие. – Она положила руку себе на грудь. – Он стал бессмертным во мне.

– Для чего ты рассказываешь мне все это, Кианна? – спросил Ринан.

– Я хочу, чтобы ты перешел ко мне, – ответила она. И предупреждая подняла руку. – Я помню наш уговор. Все произойдет лишь по твоему добровольному согласию. Я только отвечаю на вопросы...

– Ты... – Ринан Сих судорожно глотнул, прежде чем спросить о том главном, что тревожило его больше всего. – Ты действительно богиня?

– Я – божество, – кивнула она. – Я во всем равна Сеггеру, ведь он тоже желает называться богом.

– Он и есть бог! – воскликнул Ринан.

– Я тоже, – спокойно сказала Кианна. – Я ведь тоже бог. Ты не можешь не признать этого.

– Я... признаю... – пробормотал он, не в силах оторвать от нее взгляда.

– Когда Лаар будет моим, я начну заботиться о нем так же, как это делал Сеггер. Лаар и сейчас уже почти целиком стал моим, – продолжала Кианна. – Чем же я хуже твоего Сеггера? Это обидно! Я прекрасна, я полна любви, и мои adeпты не знают ни горя, ни нужды – ни в чем. Я всегда рядом. В любое мгновение можно призвать меня – и я появлюсь. Не как Сеггер, к которому вы взываете годами и от которого лишь изредка видите какие-то знамения, которые толкуете вкривь и вкось и вообще ничего в них не понимаете. И все потому...

– Потому что мы несовершенны! – горячо сказал Ринан.

Она подняла руку, заставляя его замолчать.

– Потому что он невнятен в своих знамениях, – заключила Кианна. – Потому что он никогда не дает вам ясных и определенных ответов на ваши больные вопросы. Потому что он далек от вас.

Ринан безмолвно смотрел на нее. Она пугала его, но вместе с тем и притягивала. Ее слова опьяняли. Он чувствовал, как у него кружится голова.

– А я – здесь, рядом, – снова заговорила Кианна. – И всегда буду рядом. Ты можешь коснуться меня... Нет, не делай этого сейчас, – остановила она Ринана, когда тот завороченно потянулся к ней рукой. – Мы с тобой договаривались: ты станешь моим только добровольно. Я не принуждаю тебя. Я не хочу пользоваться твоей растерянностью. Ты должен захотеть меня сам.

– Захотеть... тебя? – пробормотал он, окончательно сбитый с толку.

– Ты войдешь в мою реальность, ты войдешь в мою жизнь, ты станешь частью моей плоти. – Ее ласковый голос вползал в его уши и обволакивал его волю, так что в конце концов Ринан Сих утратил последние силы противиться искушению. – Не думай, что ты предаешь кого-то или что-то. Твои принципы – ничто, пустота, гниль. Твой Сеггер безразличен к людям Лаара и к бедам Лаара. Он остается глухим, когда вы возносите к нему свои молитвы.

Сам собой всплыл в памяти Ринана Сиха разговор с Орвасом и безнадежный рассказ императора о том, как он пытался воззвать к Ангелу Света. Ангел не внял призывам, доносившимся с земли. Молчаливый, светозарный, отстраненный, проплыл он над Тугардом,

и не тронули его мольбы смертных. Все оказалось тщетным, и надежда, вспыхнувшая было в сердцах людей, рассыпалась прахом.

Кианна права! Эта мысль билась в висках Ринана Сиха. Но он еще не вполне был готов предаться ей. Оставалось еще нечто, что удерживало его за краем тумана, на самой границе, но все же еще не внутри.

– Ты уничтожаешь Лаар, – прошептал Ринан.

Кианна покачала головой. Ее чудесные пепельные волосы скользнули по плечам и груди, рассыпались длинными прядями. Никогда еще суровый Ринан Сих не видел столь желанной женщины. Сердце глухо стучало в его груди.

– Я сберегаю Лаар, – отозвалась Кианна. – Я и Сеггер – одно и то же. Я равна Сеггеру. Я лучше Сеггера. Став моим, ты сохранишь верность Лаару, ты сохранишь верность тому, чему присягал на самом деле, когда принимал свои обеты, – добру, свету, жизни, бессмертию, спасению души от греха и скверны...

Правота Кианны сверкнула перед Ринаном, как молния.

– Я иду! – закричал он.

И, не позволяя больше ни страху, ни сомнению вторгнуться в свою душу, он бросился в густой клубящийся туман.

Глава десятая

Тегамор все больше тяготилась незримым присутствием тоаданца. Жизнь магини сделалась поистине невыносимой. Она могла отгородиться от Эгертона, только находясь далеко от собственного дома, но стоило ей войти в тяжелые, окованные железом двери, и все возобновлялось: ощущение чужого взгляда, устремленного ей в затылок, нашептывание чужого голоса в голове, мурашки под кожей... В конце концов она больше не могла ни заниматься в своей лаборатории, ни экспериментировать с материалом, отобранным или закупленным специально для этой цели, ни принимать у себя возлюбленных. Последнее обстоятельство особенно ее раздражало.

Тегамор была молодой и нуждалась в мужских ласках. Ей это было необходимо. Без этого она страдала от головной боли. Разумеется, магиня не позволяла себе привязываться к сексуальным партнерам. Такое понятие, как «любовь», вызывало у нее лишь снисходительную улыбку. «Любовь – для слабых», – любила повторять она. Это ведь не чувство, это состояние сродни болезни. Постыдной болезни, от которой надлежит избавиться любой ценой. Для мага же сердечная привязанность вообще невозможна в принципе.

«Маг обязан быть свободным», – повторял ее старый наставник. Она много размышляла над этим. Свобода. Главная ценность для того, кто посвятил себя магическим искусствам. Все, что ведет к потере свободы и независимости, – зло, которое следует уничтожать не задумываясь, любой ценой и без малейшего сожаления.

Любовь, несомненно, принадлежала к числу таких «злых» вещей. И Тегамор внимательно следила за тем, чтобы ее партнеры исчезали навсегда, если не с лица Лаара, то из ее жизни.

Она находила солдат, подвергшихся магическим изменениям, вампиров или других магов и приводила к себе. Конечно, можно было бы находить другие пристанища и устраивать любовные игры там, но у Тегамор имелось по крайней мере две веских причины предпочитать собственное жилье.

Во-первых, «дома и стены помогают»: если ей встречался какой-нибудь особо опасный субъект, например тот же вампир, она не видела причин отказываться от приятной ночи в его объятиях. Впивающиеся в шею зубы и острые когти, вонзенные в спину, лишь усугубляли ощущения. Однако Тегамор всегда умела остановить увлекшегося кровососа и в конце концов получала от него что хотела, оставив того ни с чем. Вряд ли она управлялась бы так ловко, находясь в незнакомом месте. В собственном же доме она могла пользоваться энергетикой места. К тому же здесь у нее было под рукой множество полезных и

чрезвычайно удобных предметов вроде порошка видимости-невидимости, парализующих капель и жемчужин немоты. Так что Тегамор предпочитала не рисковать и приглашала гостей к себе.

А вторая причина была еще проще. Тегамор попросту любила свои многочисленные спальни, разбросанные по всему жилому этажу. Она и обустраивала их таким образом, чтобы в каждой можно было принимать любовника. В зависимости от настроения она могла предаваться утехам в ярко-красной комнате или же в комнате темно-синей, как бы погружающей обитателей под воду. У Тегамор были комнаты палевые и черные, шелковые и шерстяные, где все одеяла и простыни «кусались»; можно было резвиться на соломе и на голых камнях, а иногда Тегамор приглашала партнеров в каменный зал, где было темно и где гремели невидимые во мраке цепи...

У нее такой чудесный дом, где есть все возможности для приятного времяпрепровождения. Что ж, она будет шататься по тавернам и каким-то лачугам? Да хоть в роскошный дворец ее пригласи – все равно никакого удовольствия Тегамор не получит.

И те, кому хотелось попробовать ее тело на ощупь и вкус, смирялись с этими прихотями магини.

Однако с некоторых пор все было безнадежно испорчено постоянным присутствием Эгертона.

Началось все с того злополучного вечера, когда Тегамор завлекла к себе беловолосого лича с тонкими зубами и длинными, похожими на иглы ногтями на руках и ногах. Лича звали Кодэл. Он был злобной, похотливой, мрачной тварью. Тегамор была от него просто в восторге. Она встретила его на большом приеме у Плегмута, своего давнего компаньона, Мастера Плоти.

Плегмут устраивал большие сборища примерно раз в полгода. Обычно они были посвящены чему-нибудь особенному, например Черному Светилу или Отрубленной Голове. На соответствующие темы велись беседы – нарушителей штрафовали, например на чашку крови или на зуб, что также вызывало немалое оживление, особенно если наказанию подлежала женщина. Одежда тоже должна была отвечать основному сюжету. Поэтому, кстати, Тегамор и явилась тогда в платье с большим вырезом пониже спины: ее округлый зад был полностью обнажен, и на нем красовалось настоящее лицо. Тегамор стоило немалых магических усилий приживить к своему телу чужую физиономию – не говоря уж о том, чтобы отыскать лицо, достойное своей задницы! Заклинание было нестойким, так что к концу ночи лицо должно было отмереть и отвалиться. Но пока что у Тегамор действительно имелась на теле вторая голова. И довольно симпатичная.

Женщина, у которой Тегамор отобрала лицо лишь для того, чтобы проблистать в течение одного вечера, была действительно красивой. По человеческим меркам, разумеется. Вампир нашел бы ее черты грубоватыми, а с точки зрения жабоида они были просто невыносимы: рот маленький, глаза впалые, зато нос торчит – куда такое годится!

Кстати, Тегамор вовсе не убила пленницу. Она просто отобрала у нее лицо, а та продолжала свое существование с кровавой кляксой на голове. Она еще послужит Тегамор для какого-нибудь другого эксперимента. Неплохой материал.

Хотя Плегмут и слышал о затее Тегамор, он пришел в неистовый восторг при виде своей изысканной гостьи и сразу же подвел ее к скучающему личу Кодэлу. Лич попросту снял с себя голову и положил ее рядом с собой на диван. При виде Тегамор он поднес голову к ее платью сзади, обозрел второе лицо и внезапно поцеловал его.

– Вы восхитительны! – проговорил он.

Остаток вечера они разговаривали о разных экспериментах, о неудачах, но больше – об удачах. Лич почти не слушал рассуждений Тегамор. Красивая женщина, с его точки зрения, может говорить, а может молчать, может быть умной, а может оставаться дурочкой – это абсолютно безразлично. Ее предназначение в другом.

Тегамор не собиралась опровергать мнение своего собеседника. Ее это не оскорбляло, не задевало. У нее тоже имелись кое-какие соображения касательно существ, чье

присутствие в Соултраде оправдано лишь способностью удовлетворить похоть магини, и ничем иным. Но у Тегамор хватало сообразительности держать это мнение при себе.

Таким образом, они с Кодэлом договорились о продолжении приятной вечеринки без лишних слов. По правде говоря, они вообще это не обсуждали. Просто обнялись и направились к портшезу, возле которого сидели на корточках носильщики – рабы Тегамор.

Магиня и лич забрались в носилки, достаточно просторные, чтобы Тегамор имела возможность пригласить в них кого-либо по своему выбору. Тегамор нравился путь через ночной Соултрад. Город, где никогда не бывает по-настоящему светло и где никто никогда по-настоящему не спит. Здесь закрывают глаза лишь для того, чтобы мгновенно распахнуть их. Здесь опускаются на ложе лишь для того, чтобы чуть-чуть набраться сил и тотчас же вновь начать их расходовать. Опасность грозила отовсюду, и Тегамор приятно было ощущать себя важным элементом этой непреходящей опасности – для простых смертных, разумеется.

Когда Тегамор и Кодэл вошли в дом, странное и неприятное ощущение слезки усилилось. Оно стало почти невыносимым. Тегамор послала мысленный импульс своему бывшему пленнику, требуя, чтобы он не медленно прекратил. «Уйди из моего дома!» – приказала она в досаде.

«Не могу, – донесся издалека голос Эгертона. – Я слишком слабый маг, прелестница. Моих силенок не хватает для того, чтобы разорвать связь, которую ты сама же и установила. Что это у тебя на заднице? Лицо? Как-то ты его помяла... Впрочем, теперь оно не слишком отличается от того, которое украшает твою хорошенькую многомудрую головку...»

«Эгертон! – Тегамор едва не плакала. Она была так огорчена и раздосадована, что едва не заговорила с ним вслух и лишь усилием воли сдержалась и продолжила диалог мысленно: – Грязный тоаданец, убирайся из моей головы!»

«Я не в твоей голове и даже не в твоей заднице, от чего да спасет меня Дзар!»

И стоило ему упомянуть огненного бога, как Тегамор действительно почувствовала довольно сильное жжение у себя сзади. Этого только не хватало! Он еще и ухитряется накладывать на нее заклятия!

«Вон!» – мысленно крикнула она.

«Слушаю и повинуюсь», – проговорил Эгертон с напускной почтительностью.

Ей показалось, что он действительно отступил. Во всяком случае, она больше не улавливала его близости.

С облегчением Тегамор позволила личу снять с себя одежды. Она знала, что лич непременно сделает попытку обратить ее в не-мертвого мага – личи вообще любят подчинять себе других. Но Тегамор – не смертная, не какая-нибудь обычная женщина... Ночь любви обещала быть интересной, полной опасности и единоборства, магического и сексуального.

Со вздохом наслаждения она, обнаженная, растянулась на черных шелковых простынях. Второе лицо уже начало умирать. Ну и хорошо. Оно ей уже изрядно надоело своими вздохами и попытками строить глазки проходящим мимо мужчинам. Теперь оно было вдавлено в простыни. Тегамор не было до этого никакого дела.

Она могла бы, конечно, сохранить лицо, бережно снять его и потом приживить обратно той рабыне, над которой была произведена эта операция, – но зачем? Лишняя волокита. Поживет и без лица.

При виде кинжалов, вживленных под груди Тегамор, лич даже застонал от восхищения. Он потянул за одну из рукоятей, причиняя Тегамор боль. Магиня выгнулась дугой и провела ногтями по щеке лича.

«Наподдай ему!» – азартно посоветовал неожиданно выскочивший из небытия Эгертон.

Тегамор содрогнулась всем телом. Такого она никак не ожидала.

«Чего ты ждешь? Оторви ему голову!» – предлагал Эгертон. – А потом возьми его за...»

«Убирайся! Тварь!» – Тегамор вскочила, отбросив лича, и заметалась по комнате. – Негодяй! Раб! Ненавистный ублюдок!»

Она хватала то шкатулки с драгоценностями, то инкрустированные кувшинчики, то изящные шары-светильники, бросала их в стену и при этом, позабыв о необходимости блюсти тайну, вопила:

– Вон! Вон из моего дома! Пошел вон! Никогда больше не появляйся! Я же тебя отпустила! Я тебя выгнала!

«Ты издевалась надо мной, – звучал в ее голове голос Эгертона. – Ты пыталась видоизменить меня физически. Ты ставила надо мной свои гнусные эксперименты. Теперь ты поплатишься за все».

Один из тяжелых металлических шаров угодил личу в лоб. Хрустнула кость, лич разъяренно вскочил.

– Это уж слишком! – закричал он и набросился на нее.

Но магиня, обнаженная, разъяренная, вся залитая потом, выбросила вперед руки и прокричала заклинание. Лич не успел поставить заградительный щит, чтобы отразить заклятие, и магиня буквально испепелила его. А затем, вскочив на кучу пепла босыми ногами, принялась расшвыривать останки незадачливого лича и при этом вопить:

– Ты доволен? Ты доволен? Ты доволен?

Но Эгертон не отзывался. Он как будто снова исчез, и это привело Тегамор в состояние полного иступления.

* * *

Эгертон понимал, что не стоит приступать к серьезному разговору с женщиной, которую ты лишил вожаемого секса и которая была тобой разъярена до невменяемости. Он выждал несколько дней, никак не проявляясь и стараясь не напоминать Тегамор о своем существовании. Он не был настолько наивен, чтобы предполагать, что она не знает о том, как он за ней наблюдает. Он ведь не может не видеть ее. Связь, установившаяся между ними, была такова, что ему передавались ее эмоции, он даже получил возможность читать некоторые ее мысли.

Между тем и Тегамор начинала видеть то, что происходило с Эгертоном. Это угнетало ее едва ли не больше, чем его способность присутствовать в ее доме.

Тегамор видела черные, вонзающиеся в низкое небо башни и огромные, титанические стены, мрачные, как ночь. Видела марширующих солдат. Целые орды солдат – умертвий, нежити, скелетов, вампиров, уродов, жабоидов, кваггеров и всевозможных извращенных существ, вроде человеконасекомых. Они носили броню из выделанной кожи чудовищ. Почти все доспехи были украшены острыми шипами – вероятно, когда-то эти шипы принадлежали монстрам, с которых сдирались шкуры для того, чтобы изготовить доспехи для армии Шаггона.

Шагат Эгертона был сравнительно невелик. Укомплектован он был теми же созданиями Тьмы. Эгертон неплохо управлялся с ними. Он считался не то вампиром, не то извращенным магом, как поняла Тегамор. Лишь один раз к Эгертону подошел какой-то офицер с широкой жабьей мордой, коротким мускулистым торсом и кривыми ногами. Офицер этот принялся задира́ть Эгертона, допытываясь, откуда же взялся эдакий красавчик.

– Неужто твои ребята слушаются тебя? – квакал он, издеваясь. – По-моему, они только об одном и мечтают – как бы сожрать тебя на обед.

– Не твое дело, жабье рыло, о чем мечтают мои солдаты, – ответил Эгертон. – Убирайся-ка ты отсюда подобру-поздорову.

– Не то что?.. – осведомился жабоид. – Ударишь меня?

– Нет, – серьезно отозвался Эгертон. – Бить я тебя не стану.

– Боишься?

– Разумеется. Я ведь не смогу тебе причинить вреда простым ударом, – согласился Эгертон. – Поэтому мне придется сразу тебя убить. Подчеркиваю: сразу. Потому что второй попытки у меня не будет, верно?

Жабонд оглушительно расхохотался:

– Верно!

– Рад, что мы пришли к согласию, – сказал Эгертон.

Он щелкнул пальцами... Никто не понял, что произошло. Жабонда окутал огромный огненный шар. Внутри этого шара подпрыгивала, кривлялась и плясала уродливая фигура. Потом кожа на его руках и груди начала лопаться, потекла густая кровавая жижа... и скоро уже на земле осталась стремительно выкипающая лужица. Жабонд исчез.

После такой демонстрации никто больше не пытался задавать Эгертону лишние вопросы. Часть солдат, что подчинялись жабонду, захотели перейти в шагат этого командира, другие были расформированы и повсюду распускали слухи о том, что Эгертон – маг-извращенец и к тому же вампир.

Вампиры, впрочем, к нему не подходили и за своего не признавали...

Гибель жабонда застала Тегамор за обедом среди высокопоставленных магов-соулов. Обсуждались важные проблемы, связанные с предстоящей атакой на Тугард. Заодно говорили об интересных магических экспериментах, замеченных в Соултраде. Тегамор кушала розовое желе, черпая его хрустальной ложечкой... и тут случилась эта жуткая смерть! Когда жабонд закипел внутри огненного шара, Тегамор вынуждена была извиниться перед коллегами и быстро покинула пиршественный зал. Она вынуждена была спешить, так как не хотела, чтобы ее стошнило прямо при ее соперниках и Верховном Магистре. Она едва успела выбежать в сад...

И это – не единичный случай. Тегамор с ужасом думала о том, что ее ожидает, когда начнутся боевые действия. А пока что Эгертон заставлял ее то заглядывать в солдатское отхожее место, то приглашал в казармы, то отправлялся закапывать разложившихся гниляков – не все из зомби были достаточно прочными, чтобы долго продержаться в армии, многие превращались в горы сгнившей плоти прежде, чем армия вообще выступила в поход...

Тоаданец испортил Тегамор еще одно свидание, как будто нарочно показав ей в самый интимный момент двух кваггеров, которые выковыривали друг у друга из ушей и глаз белых жирных червей и с удовольствием поедали их. Тегамор стошнило – на сей раз прямо на ее партнера по постели. Она загубила не только приятный вечер, но и великолепное постельное белье – красный шелк, выкрашенный кровью вампирессы.

Тегамор никого так не ненавидела, как этого тоаданца.

– Ты пытаешься поквитаться со мной? – шипела она.

– Нет, просто убеждаю тебя в необходимости поскорее разорвать узы, которыми ты нас связала. – Эгертон был невозмутим.

Она сдалась:

– Я не буду держать тебя в рабстве. Я думала, ты будешь моими глазами...

– Так и есть, – подтвердил он. – Я – твои глаза. Кстати, сейчас я направляюсь в солдатскую столовку. У нас есть шагат, состоящий из вампиров. Правда, это вампиры-изгои. Они жрут только мертвечину. Для них нарочно выдерживают сцеженную у людей и животных кровь, чтобы та протухла... Хочешь полюбоваться? Мне предлагают взять их в свою команду.

– Нет! – завопила Тегамор. – Это уж слишком! Убирайся!

– Мы с тобой оба опытные маги, – сказал Эгертон. – И уже установили, путем многократно повторяющихся экспериментов, что слово «убирайся» не является достаточно сильным заклинанием для того, чтобы я действительно покинул твой дом навсегда. Поэтому, прости Тегамор, тебе придется постараться получше.

– А образцы почвы и растений из Урангрунда? – простонала она. – Я ведь мечтаю закончить карту! Мои «бегуны» не в состоянии пробраться в твердыню Шаггона... Я потеряла уже десяток моих посланцев. Я не могу позволить себе такие расходы...

– Я ведь, кажется, твердо обещал, что доставлю тебе пару камушков, – заметил Эгертон. – Ты что, мне не веришь?

– Я ничего не сделаю для твоего окончательного освобождения, пока не увижу эти камни, – заявила Тегамор. – Пока не возьму их в собственные руки и не вставлю в предназначенные для них гнезда в моем атласе.

Эгертон заметил, что она как будто стала выше держать голову. Более того, она решительно поджала губы. Ага, ее воля еще не сломлена.

Неожиданно для себя Эгертон понял, что может ведь так и не добиться желаемого. Если он продолжит издеваться над ней и дальше, она в конце концов отыщет, со своей стороны, способ превратить его жизнь в ад. Такие, как эта магиня, никогда не смиряются с поражением. Она привыкла идти к своей цели по головам. И если ей придется раздавить голову проклятого тоаданца – и особенно если она сообразит, как это сделать, – то вряд ли ее что-то остановит.

Пора попробовать найти компромисс.

Эгертон примирительно сказал:

– Я сделаю все, что ты хочешь.

– Не так уж многого я и хочу, – ответила она, все еще сердясь.

– Очевидно, многого, если сама не сумела достать эти вещи.

– То, что для одного человека – много, для другого – проще простого, – заявила она. – Постарайся ради меня хоть немножко. Ты не пожалеешь, тоаданец.

– Скорее, пожалею, если не постараюсь, – пробормотал он. – Когда связываешься с соулами, всегда нужно иметь в виду, что они – отрицательная величина.

* * *

Эгертон давно уже обдумывал проблему, которую поставила перед ним Тегамор. И причина заключалась не только в том, что тоаданцу непременно хотелось вырваться на свободу. Он чувствовал, что его магическому искусству брошен своего рода вызов. Ведь Тегамор не справилась, а она занимает не последнее место в иерархии магов Соултрада. Разумеется, вряд ли Эгертон будет рассказывать всем и каждому, какими вещами он «развлекался» в черной крепости и в великом городе на Темной стороне Лаара. Его за подобные эксперименты не похвалят в ордене Тоа-Дан.

Но если взглянуть на ситуацию другими глазами... О да, всегда нужно помнить об этих самых гипотетических других глазах! Орден Тоа-Дан в своих исследованиях заходил достаточно далеко. Можно вспомнить хотя бы о том, что высокопоставленные лица ордена тайно встречались с пророками тумана.

Впрочем, что значит «тайно», когда речь идет о магическом мире? «Тайно» – когда неизвестны имена действующих лиц, но скрыть само действие, как правило, бывает невозможно.

Если тоаданцы позволяли себе такие опасные поступки, граничащие с безумием, то почему бы одному тоаданцу не помочь магине Ковена с ее замечательной картой Лаара? Тем более что у Эгертона насчет этой карты имелись весьма далеко идущие планы. Он только еще не продумал детали. Но когда ему станет ясно, как осуществить замысел, он будет действовать мгновенно. Как только карта Тегамор будет создана, этот великолепный артефакт следует любой ценой передать ордену Тоа-Дан. Пренебрегать же никакой возможностью в подобных делах нельзя.

Главное сейчас – войти в доверие к Тегамор. Эгертон достаточно раздражил ее. По личному опыту он знал, что в большинстве случаев женщину можно заставить считать себя своим интимным другом, если влезть в ее интимные проблемы, пусть даже и против ее воли, дразнить и допекать ее, давать ей советы по каждому поводу – словом, змеей вползти в ее жизнь. В конце концов она сдастся и, попав в трудное положение, обратится за помощью к старинному врагу. Старых врагов многие предпочитают новым друзьям. Хотя бы потому, что старые враги знают о тебе гораздо больше и им ничего не приходится объяснять.

А вот после того, как Эгертон совершит задуманное предательство и выкрадет карту,

ему придется спасаться бегством. Насмешки над любовниками и испорченные пирушки Тегамор ему простит без всякого труда, но надругательство над самым сокровенным, над ее магическими трудами, – нет, это сделает их настоящими недругами до конца жизни и даже после смерти.

Хорошо, что Тегамор не умеет читать мысли...

Эгертон давно приметил образцы, которые он собирался прислать Тегамор. Сейчас он понимал, что не сможет явиться к ней собственной персоной. Армия вот-вот должна была выступить в поход, в степи, против Орваса и его империи. Времени не оставалось. Вряд ли один из младших командиров Шаггона сможет вот так запросто заявить: «Ах, простите, я должен заглянуть в Соултрад к моей приятельнице – закончить одно частное дело; но вы не беспокойтесь, я потом догоню армию». Эгертона не то что не поймут или накажут – его попросту не услышат. Нет, нужно искать какой-то другой способ.

Эгертон подобрал несколько камушков, взял на ладонь. Они поблескивали в тусклом свете багровых факелов, пылавших на стенах черного замка. Неожиданно Эгертон ощутил заключенную в них мощь. В принципе, каждая вещь, каждый предмет на свете обладает собственной магией – некой способностью к притяжению мистических эманаций вселенной. Но камни из Урангрунда были особенными. Они обладали крохотной толикой черной, злой магии, которая скрепляла саму крепость и делала ее оплотом самых мрачных сил Лаара. В определенной степени это была частица силы самого Шаггона.

Эгертон опять задумался о странной связи, которая подчас возникает между сущностью и ее обиталищем. О связи между ним самим, домом в Соултраде и магией Тегамор. О связи между Шаггоном и Урангрундом. Шаггон сам по себе – призрак, он бесплотен. Просто «некая сущность», как сказали бы изучающие магию специалисты, повелитель демонических созданий. Несмотря на все свое могущество, Шаггон накрепко привязан к Урангрунду и не может покинуть его. Проводить знак равенства между обитателем замка и самим замком, конечно, не следует, но некая закономерность тут прослеживается. И Эгертон как никто другой, наверное, мог бы это подтвердить.

Что же получается? Он намерен отправить в дом, частицей которого является сам, куски замка, которые, в свою очередь, являются частицей Шаггона?

Опасно, чрезвычайно опасно... И вместе с тем – захватывающе интересно.

Эгертон вдруг ощутил, как камни жгут ему пальцы. Еще одно необъяснимое явление. Ведь до сих пор Эгертон жил внутри замка, не испытывая существенного неудобства (если не считать необходимости разделять жилье со всякого рода нечистью). Что же происходит? Эгертон мог найти этому лишь одно объяснение: камни замка обладают своеобразным зачатком эмпатии – они улавливают намерение Эгертона воспользоваться ими в своекорыстных целях. Осталось понять, знает ли об этом Шаггон. Если да – плохо придется Эгертону. Но возможно, в замке столько самых разных, самых противоречивых веяний, что Шаггон попросту не вникает во все.

Эгертон размышлял недолго. Он подозвал к себе одного из своих солдат – это был жабоид по имени Шэрна или как-то похоже. Во всяком случае, Эгертон именовал его Шэрна, и тот с готовностью откликался.

Эгертону не нравилось, что Шэрна не относится к своей воинской службе с должным благоговением. Вот и сейчас, пожалуйста, – развалился и присел на задние лапы, а передними трет морду. И еще вращает глазами.

– Как ты стоишь! – рявкнул Эгертон.

– С позволения вашей милости, я не стою, а сижу! – отозвался Шэрна.

– Как надо обращаться к командиру?! – еще более грозно зарычал Эгертон.

– А как? – удивился Шэрна. Он всегда удивлялся. Словно бы вчера вылупился на свет из крохотного жабьего яйца.

(Кстати, Эгертон так и не выяснил одного обстоятельства, а именно – некоторые жабоиды рождались на свет совершенно как люди, то есть от отца и матери, некоторые – вылуплялись из жабьей икры, оплодотворенной магическим способом, а были и такие, что

появились в результате экспериментов. Разницы между ними Эгертон не улавливал, хотя она, несомненно, имелась.)

– Ты должен стоять передо мной навтыяжку! – сказал Эгертон.

Жабоед встал, сложил лапки на груди.

– Так? – спросил он.

Эгертон только махнул рукой:

– Ладно, будь по-твоему. Раскрой рот да пошире.

Жабоед крепче сжал губы.

– Это еще зачем? – подозрительно осведомился он.

– Ты задаешь вопросы? – грозным тоном осведомился Эгертон.

Шэрна поморгал растерянно.

– Ну да, – сказал он наконец. – А что? Это тоже нельзя?

– Нельзя!

– Ладно, не буду. А зачем я должен раскрывать рот?

– Ты его уже и так раскрыл, чтобы задавать вопросы, которых не должен задавать, – напомнил Эгертон.

– А! – обрадовался жабоед. – Так бы и сказал. Чтоб задавать вопросы, да?

– Да, – ответил Эгертон и, дождавшись, чтобы Шэрна разинул пасть пошире, желая спросить еще о чем-то, положил ему на язык черные камни.

– Ой! – сказал Шэрна. И проглотил их. Он всегда глотал все, что оказывалось на его языке.

– Отлично.

Эгертон взял его за плечо. Шэрна с подозрением посмотрел на руку мага, лежавшую на его плече.

– А теперь вот что. Ты спустишься с этой горы и пойдешь в долину. Помнишь долину?

– Где река? Помню. Оттуда мои родственники, – сказал Шэрна.

– Вот видишь, как удачно все складывается, – подхватил Эгертон. – Ты отправишься к своим родственникам.

– Ой, эта штука жжет мои внутренности! – забеспокоился вдруг Шэрна. – Та штука, которую ты мне дал и которую я проглотил! Она кусается!

– Поэтому ты и не должен останавливаться в долине, – продолжал Эгертон. – Ведь твои родственники не смогут тебе помочь. А эта штука – она и вправду кусачая.

– И грызучая, – добавил Шэрна жалобно.

– И грызучая, – согласился Эгертон. – Вот причина поспешить. Ты должен добраться до Соултрада и найти там дом Тегамор. Она живет в богатом квартале. Тебе понравится.

– Я не понял, – сказал Шэрна. – Кто такой Тегамор?

– Тегамор – женщина, она, – поправил Эгертон. – Магиня из Черного Ковена. Очень могущественная. Младший магистр. Она знает, что делать с той штукой, которую ты проглотил.

– А что с ней делать? – спросил Шэрна.

– Она знает.

– А ты знаешь?

– Может быть, и знаю, но не скажу. Ты должен добраться до госпожи Тегамор. Тогда все решится.

Шэрна молчал некоторое время, как будто обдумывал услышанное. Его маленький жабий мозг с трудом вмещал все эти странности. То есть он понял про Соултрад и женщину по имени Тегамор, но не понял главного: почему все это случилось и что теперь будет.

Наконец ему показалось, что он что-то понял, и он спросил:

– А что решится?

– Важное, – ответил Эгертон, – Иди.

– Куда? – Он заупрямился, – Куда я должен идти?

– В Соултрад.

- Зачем?
- Найти Тегамор.
- Зачем?
- Чтобы все решилось.
- А что решится?
- Все, – сказал Эгертон. – Иди.

Шэрна понял, что человек-маг опять его переиграл. Что ж, это только закономерное. Недаром его назначили командиром. Наверное, он знает. Возможно, узнает и Шэрна. Странно ведут себя эти камни у него в животе. Они нагреваются все сильнее.

Шэрна вышел из замка. Его остановили только один раз, но он сказал, что действует по приказанию командира и что должно решиться нечто такое важное, что никому этого знать нельзя... Сила убеждения жабоида подействовала на стражника, тем более что жабоиды гораздо сильнее скелетов и могут при желании разнести их косточки просто в пыль. И потом челюстями, челюстями!.. Поэтому-то Шэрну и остановили только один раз, понятно?

* * *

Тегамор знала, что ее неразлучный друг-враг задумал что-то необычное. Она улавливала его настроение – странно, давно уже Эгертон не был в таком приподнятом состоянии духа. Обычно он воспринимался ею как нечто подавленное, мрачное. Но сейчас он явно воспрял. Тегамор пыталась понять, как относиться к этой перемене и чего ожидать: очередной серии провокаций или наконец-то удачи. Сейчас ей хотелось отделаться от Эгертона не меньше, чем ему – от нее; и все же она предпочитала держать его в руках. Любой ценой, чего бы ей это ни стоило. Даже если эта цена будет возрастать с каждым днем. Маги – народ ненадежный, эгоцентричный, каждый занят лишь собственным проектом.

Жабоид постучал в ворота ее дома посреди ночи. Тегамор не хотела никого впускать. Слуги долго ходили взад-вперед, то приближаясь к двери, то отскакивая от нее. Госпожа почивала в своих покоях, и тревожить ее вопросами никто не решался. Но стук становился все настойчивее, и в конце концов один из прислужников решился открыть.

То, что стояло на пороге, испугало всех. Мускулистое широкоплечее и кривоногое создание с очень большой, покрытой бородавками головой, сидело на корточках и тихо завывало. Из живота существа валил зловонный дым, как будто внутри у него горели угли.

– Впустите, – потребовало существо.

Слуга, который открыл дверь, теперь горько раскаивался в своем порыве. Он пытался отпихнуть жабоида ногой и при этом изо всех сил тянул дверь на себя. Жабоид безмолвно рвался внутрь дома.

Наконец тупая мощь одолела отчаяние, и существо ввалилось в большой темный зал – на нижний этаж дома Тегамор. Оно прыгнуло, село на задние ноги, которые были непропорционально крупнее рук, дунуло, и сразу же загорелось несколько факелов.

– Где Тегамор? – квакнул Шэрна. – Где эта женщина-маг? Тегамор! Мне надо Тегамор!

– Госпожа изволит отдохнуть, – пролепетал слуга, отступая от огнедышащей твари. – Госпожа не изволит принимать. Она вообще не...

Неожиданно взревев, Шэрна отшвырнул слугу так, что тот ударился головой о стену и затих – бедняга потерял сознание. Жабоид помчался вверх по лестнице, а шлейф вонючего дыма тянулся за ним, так что казалось, будто в доме начался пожар.

– Тегамор! Тегамор! – орал жабоид.

Госпожа изволила проснуться.

Она изволила сильно прогневаться.

Ее рассердил и немножко напугал запах, доносившийся с лестницы. В конце концов, не одеваясь, Тегамор вышла посмотреть – что происходит.

Жабоид налетел на нее со всего маху и обжег ее нежную кожу. Магиня отшатнулась.

– Замри! – крикнула она, наставив на него палец.

То ли она спросонок не так наложила заклятие, то ли на жабоидов подобные заклинания не действовали, но Шэрна и не подумал замирать. Он продолжал скакать, напирая на Тегамор и испуская жуткие, полные ужаса и боли вопли.

– Кто ты? – спросила она безнадежно. Она уже поняла, что это существо ничего ей не ответит – оно поглощено своим страданием.

Надо что-то предпринимать, и притом срочно. Жабоид гнался за Тегамор, распространяя омерзительную вонь, стеная и явно грозя поджечь шелковые занавеси и покрывала. Все это становилось не просто досадным, но и опасным.

Тегамор схватила на бегу шкатулку с магическими порошками и швырнула в своего преследователя. Это оказался порошок, возбуждающий эротическое желание. Жабоид, пожираемый внутренним огнем, внезапно ощутил прилив сил. Его вой приобрел вибрирующие нотки, голос зазвучал на несколько тонов выше – то была брачная песнь жабоида-самца. На беду, Шэрна принадлежал к числу тех, что вылупились из яиц, то есть обладал способностью размножаться. И сейчас эта способность властно заявила о себе.

Шэрна не просто мог размножаться – он этого жаждал! Вообще-то женщина-человек ему совершенно не нравилась. И у него болел живот. Несколько минут назад ему и в голову бы не пришло, что магиня может вызвать в его груди такую бурю эмоций. Но невозможное случилось.

Вереща, жабоид поскакал по анфиладам комнат, а Тегамор, нагая, мокрая от пота, поскальзываясь, удирала от него во всю мочь. Она хваталась за шкатулки, расставленные по всем спальням, но – увы – везде были лишь эротические зелья, и только в одной нашелся парализующий порошок, которого оказалось явно недостаточно.

– Эгертон! – кричала Тегамор. – Эгертон! Проклятие на тебя! Это твоя работа! Будь ты проклят! Будь ты проклят, злополучный маг! Ты еще пожалеешь обо всем, что сделал!

Жабоид уже почти настиг ее.

– Эгертон! – взвизгнула Тегамор так громко, что у нее самой заложило уши. – Помоги мне!

Но если бы Эгертон и хотел ей помочь, то все равно бы не смог. Его влияние на жабоида было весьма ограниченным.

Шэрна уже схватил Тегамор за плечи своими липкими холодными лапами, когда жжение в животе сделалось таким сильным, что жабоид опрокинулся на спину и закатил глаза. Силы оставили его. Пламя вырвалось из его внутренностей и стало пожирать тело несчастного жабоида изнутри.

Тегамор, тяжело дыша, остановилась поблизости. Затем, видя, что ее преследователь больше не двигается, уселась на кровать, поджала ноги, скрестила на груди руки.

Жабоид горел, постепенно превращаясь в гору обугленного мяса. Тегамор скрипела зубами, глядя на эту картину. В ее любимом будуаре! Среди черных шелковых покрывал и серебряных канделябров! Ничего худшего она и представить себе не могла. Эгертон еще поплатится. Он еще выцарапает себе глаза собственными ногтями.

Магиня перебирала в голове различные способы казней, которым намеревалась подвергнуть злокозненного Эгертона за все его проделки, когда вдруг увидела, что в животе бедного жабоида засверкали камни. Три небольших черных камня с гладкими, будто отполированными гранями. Кристаллы. Она наклонилась, чтобы взять их, и отдернула руку: они были раскаленными.

Очевидно, они и сожгли жабоида. Чем бы они ни являлись, эти камни представляли собой могущественные артефакты.

«Понравилось? – прозвучал в ее голове голос Эгертона. – Ты довольна?»

Она вздрогнула от ярости.

– Я? Довольна? – прокричала она, обращаясь в никуда и посылая мощный импульс ярости. – Да я просто места себе не нахожу от злости. Кого ты ко мне прислал?

– Не кого, а что, – невозмутимо ответил Эгертон. – Я прислал тебе то, о чем ты так долго просила. Камни из крепости Урангрунд. Ты ведь хотела использовать их при работе

над своей картой. Или ты передумала?

– Я не передумала, и моя карта... Послушай, но ведь это издевательство! – не выдержала Тегамор. – Что ты себе позволяешь?

– Я выполнил твою просьбу, – повторил тоаданец, – Теперь ты выполни мою. Избавь меня от своего дома и своей жизни.

– Этот мерзкий жабоид... Он... – Тегамор не стала договаривать. Ей вдруг пришло в голову, что Эгертон, возможно, не видел всей этой позорной сцены с преследованием. Хотя бы это хорошо. И незачем рассказывать тоаданцу подробности.

– Так что сделал мой мерзкий жабоид? – заинтересовался Эгертон. – Надеюсь, он тебя не обижал?

– Он сдох, – мстительно произнесла Тегамор, – Превратился в гору паленого мяса прямо у меня на глазах.

– Жаль, – искренне огорчился Эгертон. – Он был довольно симпатичным. Ты не нашла его приятным парнем?

Все-таки он видел!.. Тегамор нахмурилась.

– Твои шутки заходят слишком далеко.

– Но ведь это ты метнула в него порошок, от которого он возбудился, – отозвался Эгертон. – Я-то здесь точно ни при чем. Я заставил его проглотить камни Урангрунда и направил напрямик к тебе. Как видишь, он доставил груз в целости и сохранности.

– Насколько я могу судить, – произнесла Тегамор, – чем дальше эти камни находятся от крепости, тем менее они пригодны для использования... Я хочу сказать, они такие горячие, что способны воспламенить и ткань, и пергамент. Придется вкладывать их в особую глиняную капсулу и окружать дополнительным заклинанием. Что ж, работа непростая, но интересная. И достойная меня, я полагаю.

– Теперь твоя часть сделки, – напомнил Эгертон. – Избавь меня от себя.

– Да, да, – рассеянно проговорила Тегамор. – Я этим тотчас же займусь.

– Я выполнил твою просьбу, – повторил тоаданец. – Теперь ты выполни мою. Избавь меня от своего дома и своей жизни.

Глава одиннадцатая

В густом и плотном коконе тумана все обстояло иначе, чем во внешнем мире. Солнце здесь едва пробивало себе дорогу к земле сквозь слоистые облака. Рассеянный свет придавал миру серый оттенок. Границы между предметами и существами казались смазанными. Все передвигалось, клубилось, смещалось, сливалось, все трансформировалось и перетекало одно в другое.

Другими становились здесь и представления о реальности. Только очутившись среди подданных Кианны, Ринан Сих в полной мере сумел оценить правоту собственных же слов о том, что понять туман можно, лишь находясь в тумане. Но дороги обратно, в «солнечный» мир из тумана, уже не будет. Выбор делают лишь один раз.

Что ж, инквизитор не сожалел о своем выборе! Сейчас это казалось ему весьма логичным. Ведь он принадлежал к Серому ордену – так что может быть естественнее, чем перейти из Серого ордена в серый мир! Он клялся служить Сеггеру, это так, но на самом деле он клялся посвятить свою жизнь верховному и единственно истинному божеству Лаара. Как же слеп был Ринан Сих, когда считал, будто таким божеством является Сеггер! Кианна открыла ему глаза. Кианна в своей бесконечной красоте, в своей невообразимой мощи, в своей потрясающей близости к обитателям Лаара, кем бы они ни были, – вот кто истинное божество Лаара! Поэтому в том, что Ринан Сих вошел в туман, нет никакого предательства. Напротив. Осознанный и закономерный шаг.

Он предавался этим размышлениям постоянно, так что в конце концов они вошли в его плоть и кровь.

Плоть! Ринан Сих с усмешкой смотрел на себя. Его плоть была полна тумана. Туман

шевелился в глазницах и во рту, туман стекал с его волос и пальцев, и Ринан Сих мог, если хотел, сливаться с другими созданиями и отделяться от них, становиться комком одушевленного тумана или вновь обретать очертания своего прежнего тела. Границы плоти больше не сдерживали его. Это было странно... и упоительно.

В туманах Кианны обитали разные существа – слуги, рабы, сподвижники, любимые соратники богини. Там, по другую сторону белесой границы, они обретали облик, зачастую пугающий и отталкивающий. Искривленные, изломанные, гротескные твари, которых, как казалось, не в состоянии произвести ни одна из стихий, – так воспринимались они теми, кто не причастился благодати Кианны. Для лишенных истинной веры слуги великой богини выглядели чудищами из кошмаров, ни на что и ни на кого не похожими, – с непропорционально длинными или, напротив, ужасающе короткими конечностями, с деформированными черепами, выкаченными глазами, челюстями, не способными смыкаться из-за торчащих наружу клыков...

Если бы жалкие создания, что так трясутся за свою плоть и так отчаянно цепляются за свою ничтожную жизнь, – если бы только они знали, какое море спокойствия ожидает их в туманах! Они оставили бы свои жилища, они без сожалений бросили бы все, чем владели, и вошли бы в туман добровольно.

Здесь они навсегда избавились бы от страха, от голода, от потребности в еде и питье, от необходимости укрывать свое тело одеждой, спать, защищаться. Здесь все стало едино, все обрело новый, высший смысл.

Поистине, лишь в туманах Кианны Ринан Сих познал истинное блаженство.

Большинство существ, посвятивших себя Кианне, были лишены самосознания. У них не было разума – в привычном понимании этого слова. Они повиновались и находили в этом наивысшее удовлетворение. Они как бы плавали в животном покое, погруженные в сон Кианны, в мир Кианны, в туман Кианны. Это было подобно нахождению плода в материнской утробе...

Однако имелись и другие формы жизни, обладавшие большей самостоятельностью, и в первую очередь – королева умертвий. Еще одно удивительное создание, которое чаще имело облик ужасного Тзаттога, принца-упыря, и лишь изредка оборачивалось красивой и печальной женщиной, крылатой, как и ее партнер-двойник.

Пенну, королеву умертвий, Ринан Сих увидел вскоре после того, как сделал первый шаг и резко изменил свою участь. В серой полупрозрачной дымке перед ним стала медленно вырастать огромная черная крылатая фигура с пылающими красными глазами. Ринан Сих не испытывал страха. В лоне Кианны ни у кого не может быть страха.

Фигура расправила черные крылья. Теперь бывший инквизитор находился совсем близко и мог разглядеть тонкое белоснежное лицо с печально изогнутым, очень красным ртом. Существо выглядело таким прекрасным, что у Ринана заныло в груди.

Тзаттог проговорил низким рокоучим голосом:

– Повинуйся!

Ринан Сих опустился на колени. Он сделал это с радостью.

– Я возглавлю армию, которая пойдет на богомерзких людишек, поклоняющихся лживому Сеггеру! – продолжал Тзаттог. – Мне нужны солдаты. Если ты вошел в туман добровольно, значит, ты желаешь стать одним из них. Отвечай!

– Я отдам жизнь за тебя, – сказал Ринан Сих.

– Не за меня, – поправил Тзаттог и громко, гулко расхохотался. – Мне не нужна твоя жизнь! Если я захочу, я заберу столько жизней, сколько мне потребуется. Но я желаю, чтобы ты добровольно умер за Кианну. Она больше не тайна для Лаара. Кара богов обрела имя. Пророки чумы почти завершили свое служение. Они призывали жителей стран принять истину, но были отвергнуты. Туман пал на земли и поглотил их, и теперь все поглощенные туманом вошли в благую и истинную участь. Они не пожелали сделать это сами и были приобщены к великому будущему насильно.

– Это так, – согласился Ринан Сих. – Я счастлив, что сделал это добровольно. У меня

были открыты глаза, и я умею слушать, когда со мной говорят.

– Те, кто сумел познать истину Кианны, сохранили свою сущность и в тумане, – продолжал Тзаттог. – Они будут командирами в ее великой армии. У тебя еще осталось время совершить служение. Пусть твои новые заслуги подтвердят твою добрую волю. Сделай то, что должен делать! Сделай то, что умеешь делать лучше всего.

– Я понял тебя, – промолвил Ринан Сих. – Я выйду из тумана к людям. Я продолжу то, чем занимался прежде. Только тогда я служил лживым божествам, а теперь буду трудиться во имя истинного.

Тзаттог сложил крылья за спиной и чуть наклонился вперед. Он вдруг начал изменяться – как будто стал меньше ростом, хотя по-прежнему оставался выше обычного человека, черты его лица смягчились, глаза сделались больше, волосы длиннее... Трансформация происходила так быстро, что Ринан Сих едва мог уследить за ней. И вскоре уже перед ним стояла женщина.

В сером мире такое происходит сплошь и рядом – создания Кианны никогда не удерживают свой облик надолго, если они находятся внутри тумана.

Однако сейчас Ринан Сих понимал, что стал свидетелем чего-то более значительного, нежели обычная нестабильность плоти. Тзаттог был одним из высших творений Кианны. Он не являлся зыбким образом, тварью из ночного кошмара; он всегда оставался неизменным и равным самому себе. И та, в которую он превратился, также обладала личностным бытием.

Ринану стало казаться, что он встречал ее раньше... У инквизитора была хорошая память на лица. Он помнил всех, кого допрашивал, кто умер у него под пытками, кого он обрек на смерть. С ними он сохранял внутреннюю связь, которая, как он знал, оборвется только вместе с его жизнью.

Пенна! Девушка-архаалитка, которая избежала расправы лишь благодаря страшному пожару, уничтожившему целый город. Он нередко думал о ней. Она, несомненно, была виновна. Он осудил ее справедливо. То, что она все-таки избежала казни, – его оплошность... Но сейчас Ринан Сих был рад этому.

Она всматривалась в него, щуя серые глаза. Казалось, его лицо также вызывает в ее памяти какой-то отклик. Потом женщина проговорила тихим мелодичным голосом:

– Кто ты? Я тебя знаю?

– Я Ринан Сих, – ответил инквизитор. – Мы теперь вместе...

– Вместе? – переспросила Пенна. – Что ты имеешь в виду, Ринан Сих?

– Ты не помнишь меня? Мы ведь только что с тобой разговаривали!

Она покачала головой:

– Нет, нет, ты говорил с Тзаттогом, это совершенно другое. Он – совершенно другая сущность. Он – это не я. Хотя мы соединены, отныне и навечно.

– У вас общая плоть?

– Да – и две души, два разума, которые почти не соприкасаются. Здесь, в мире Кианны, это кажется обыденностью, но для тех, кто не привык к текучести бытия, мы представляем собой нечто невероятное. Я повелеваю теми, кто не мертв и не жив. Так считается. Во всяком случае, они повинуются каждому жесту моей руки.

– Ты – королева умертвий! – воскликнул Ринан Сих. – Я с радостью встану под твои знамена!

– Не я буду командовать армией, а Тзаттог, – возразила Пенна. – Когда начнется сражение, я уйду обратно на мой трон. Мне хорошо в моем королевстве. Тихо, там царствует красота. Туда никто не имеет доступа. Никто и ничто не смеет тревожить меня, когда я на моем троне.

Ринан Сих осторожно приблизился к ней. Ему нестерпимо хотелось прикоснуться к Пенне, ощутить под пальцами ее кожу, понять, что она настоящая, живая, что это все не сон, не видение. Ее появление здесь стало для Ринана еще одним чудом, сотворенным Кианной ради верных ее слуг. Еще одним доказательством бесконечного могущества богини.

Словно бы угадав желание собеседника, Пенна протянула руку и дотронулась до его

щеки.

– Ты теплый, – проговорила она с удивлением. – Ты все еще теплый.

– Это потому, что я не мертв, – отозвался он.

– Ты вошел сюда по доброй воле! – воскликнула она. – Вот почему ты не изменяешься так сильно, как все остальные.

– А ты? – спросил он. – Что происходит с тобой?

– Я стала королевой умертвий по доброй воле, – подтвердила она. – Я искала покоя и безопасности, а Тзаттог предложил их мне.

– Скажи, Пенна, – обратился к ней, помедлив, Ринан Сих, – что случится с тобой, если Тзаттог погибнет?

Она сдвинула брови.

– Тзаттог погибнет? – удивилась она. – Почему?

– Предстоит великая битва, во время которой неизбежны большие потери. Конечно, принц-упырь – не такое уж беспомощное существо, и убить его очень непросто, но в бою может произойти все, что угодно.

– Все, кто падет во имя Кианны, войдут в туман. И вместе с ними войдут в туман и погибшие воины-люди, которые надеются, что их лживый Сеггер поможет им, – ответила Пенна. – Во всем мире останется лишь туман. Тзаттог в любом случае не погибнет.

Она отступила на шаг, и туман скрыл ее. Сквозь клубящиеся облака Ринан Сих услышал ее удаляющийся голос:

– В мире останется только туман...

Потом все стихло. Ринан Сих был совершенно один.

Он глубоко задумался над тем, что увидел и услышал от девушки. Сила ее веры потрясла его. Она ни мгновения не сомневалась в победе! Да и кто бы усомнился? Разве что Ринан Сих, привыкший все подвергать всестороннему анализу.

Он лишь предположил... Две души в одном теле. Предположим, тело будет уничтожено. Не туманом, но самым обычным мечом, заостренным деревянным колом, ядовитой стрелой. Превратится ли оно в туман, или же обе души погибнут вместе с ним? А может быть, душа Пенны освободится? Но каким окажется ее дальнейшее существование? Она ведь отказалась от собственной плоти...

Впрочем, это действительно не имеет значения, потому что в главном Пенна права: скоро в Лааре останется один только туман.

* * *

В обители Святого Арвинна открыто обсуждали вести, пришедшие от Акира Бен Тагара. Человек, расколовший Серый орден, одерживал одну убедительную победу за другой. На его сторону переходили монастыри и отдельные деятели Сеггерианской церкви. Габрэмус и Легдар с их смехотворными обличениями выглядели, с точки зрения сторонников Бен Тагара, попросту шутами. Особенно теперь, когда эти двое стали изгнанниками и вынуждены были искать убежища в чужих монастырях. Скоро им ничего не останется, как осесть при дворе Орваса.

Легдар – рыцарь, он найдет себе занятие в армии. А Габрэмус сможет развлекать императора потешными байками. Может даже станцевать и спеть, государю это понравится. Все повелители любят шутов.

Подобные разговоры велись в монастыре Святого Арвинна все чаще и все более открыто. Здесь больше не верили в необходимость соблюдать старинные уставы и держать веру в ее изначальной «чистоте», как выражались приверженцы Габрэмуса. Новые времена – новые веяния. Следует более внимательно прислушиваться к тому, что происходит в мире. Гонимая за архаалитами и проповедуя догматы сеггерианства, инквизиция утратила свой изначальный высокий статус. Она растеряла собственную веру, пока навязывала ее другим.

Что касается Золотых Скорпионов... Использовать их в собственных целях было для

сторонников Бен Тагара остроумным выходом из сложившейся ситуации. Ведь койяры отказались служить еретикам! Что же, спрашивается, оставалось? Только одно – обратиться к их соперникам. Да, конечно, Золотые Скорпионы не веруют в Сеггера... Но, возможно, находясь на службе у сеггерианцев, они наконец проникнутся религиозным пылом и уверуют? Это ведь не исключено. Напротив, бывали случаи...

Как-то чрезвычайно удачно в обители Святого Арвинна нашли подходящее предание. Причем не новое какое-нибудь, а овеянное прахом веков. Оно было записано в старинной книге, в одной из самых ранних хроник монастыря. Странно, что до сих пор никто об этом предании не слышал. Очевидно, потому, что оно очень, очень древнее. К той хронике уже много лет никто не притрагивался, и только по чистой случайности один вдохновенный божеством брат уронил с полки книгу, а она, по промыслу Сеггера, раскрылась как раз на нужной странице.

Говорилось там об одном неверующем, который жил в стародавние времена. Он поклонялся каким-то собственным измышлениям и ничего не хотел знать об истинном божестве, о Сеггере. Во мраке неведения и зле упорства пребывал он много лет. И вот как-то раз нанял его один благочестивый служитель Сеггера, чтобы тот накопил ему травы.

Другие служители Сеггера упрекали его. «Зачем, – говорили они, – нанял ты злого и неверующего человека, когда кругом полным-полно добрых и верующих?» Но тот отвечал им со свойственной ему мудростью: «Другие добры и веруют истинно, но они хуже работают. И мне от них пользы никакой не будет, и я их ничему научить не смогу, ибо они и без меня все хорошо знают. А мы с моим работником составим отличную пару. Он хорошо накопит для меня сено, а я с помощью Сеггера открою ему глаза на истину».

Так оно и случилось. Тот злой работник увидел, как истово молится сеггерианец, какой он благочестивый, добрый и честный, и в конце концов проникся идеями сеггерианства и уверовал.

Почему же мы должны считать, будто и в наше время не может случиться ничего подобного? Напротив, нанимая Золотых Скорпионов, последователи Акира Бен Тагара делают сразу два добрых дела: сбивают спесь с койяров и приобщают неверующих к истинам церкви Сеггера.

Напрасно старый настоятель пытался взывать к рассудку своих подопечных. Казалось, какой-то злой маг околдовал их. Они не слушали увещаний и в конце концов подняли настоящий бунт. Случилось это ночью, когда настоятель почивал. Несколько человек вошли в его личные апартаменты. Настоятель, человек немолодой, спал чутко и потому проснулся мгновенно, достаточно было малейшего шороха, чтобы вырвать его из хрупкого забытья.

– Ну что, святой отец, – глухо проговорила одна тень, – уйдете по-хорошему или вас связать да выбросить?

Настоятель сел в постели. Он отдавал себе отчет в том, как сейчас выглядит: в длинном ночном одеянии, со смятыми волосами, заспанный, – он не мог производить внушительного впечатления. И любые высокие слова о долге, о чести, о необходимости хранить чистоту веры прозвучат сейчас попросту смехотворно. Ну в самом деле! Одно дело, когда подобные проповеди изрекает облаченный в золотые одежды внушительный и маститый старец с посохом в руке – и совершенно другое, когда на ту же тему лепечет разбуженный среди ночи старик с подслеповато моргающими глазками.

Поэтому настоятель даже и пытаться не стал. Он просто спросил:

– Кто вы?

– Мы – адепты Серого ордена, – был ответ. – Вставай, старик, одевайся. Для тебя готова дорожная одежда. Не бойся, мы не станем тебя убивать, если, конечно, сопротивляться не будешь.

– Что с моим монастырем?

Настоятель и не подумал выбираться из-под одеяла. Не хватало еще дрожать перед этими громилами от холода, стоя на полу босыми ногами! Настоятель всегда мерз, особенно под утро. И насчет своих ног он тоже не питал никаких иллюзий: тощие, воскового цвета,

кривоватые. Незачем демонстрировать их посторонним.

– Это не твой монастырь, – был ответ. – Этот монастырь принадлежит Сеггеру.

– Сеггер на небесах, а на земле монастырем распоряжаюсь я, – возразил настоятель.

– Больше нет, – ухмыльнулся один из вошедших.

Этот был шире в плечах, чем остальные, подчеркнуто груб и вместе с тем властен. В нем можно было угадать человека невысокого происхождения, но все-таки привыкшего командовать. Если он и является орденом братом, то совсем недолго. Остальные предпочитали помалкивать и лишь следили за тем, чтобы настоятель не поднял шума или не совершил какого-нибудь необдуманного поступка.

– Обитель Святого Арвинна переходит к Серому ордену, – объявил широкоплечий. – К истинному Серому ордену, – прибавил он.

– То есть к еретикам из числа инквизиторов, – вздохнул настоятель. – Как это все некстати и не вовремя!

Он рассматривал вторжение и переворот как досадную помеху – и не более того! Широкоплечего это изрядно разозлило.

– Ты еще не понял, святоша? Ты здесь больше никто! Благодарим нас за то, что мы оставляем тебе твою никчемную жизнь и даже готовы усадить тебя на телегу, чтобы ты катился отсюда подальше!

– О, я благодарен... Благодарен всеблагодарному Сеггеру за то, что мне осталось жить совсем недолго! – возразил настоятель. – Я уже стар, и лучшие мои годы миновали. Я видел настоящее счастье и исполнял истинное служение. То, что происходит теперь, – печальное завершение моей жизни. Что ж, я ни о чем не жалею. Очевидно, все хорошее, что было отпущено на мою долю, уже иссякло, и мне пора уходить из нашего бренного мира.

– Хватит болтовни! – зарычал широкоплечий. – Если не хочешь одеваться, ступай себе голый, тебя никто не заставляет облачаться. Кстати, можешь оставить мне свои сапоги, они у тебя, кажется, из очень хорошей кожи.

– Убирайтесь из моей спальни, – твердым тоном приказал настоятель, – Немедленно! За вашу наглость вы завтра будете наказаны плетью.

– Да как ты смеешь!.. – вскрикнул вдруг другой громила.

Этот негодяй доселе молчал. Очевидно, ярость копилась в нем на протяжении всего разговора и наконец выплеснулась наружу.

– В моей обители я смею все, – спокойно сказал настоятель.

Длинный кинжал с изогнутым лезвием вонзился в грудь старика. Тот пробормотал: «Благодарение Сеггеру» – и рухнул на свою постель бездыханным. Темное пятно крови расплылось по одеялу. Совсем небольшое пятно. Убийца выдернул нож и буркнул:

– Так будет проще для всех.

Широкоплечий гулко вздохнул:

– Я хотел с ним по-доброму. Что ж, своим упрямством и злобой он заслужил такой конец. Заверните труп в одеяло и выбросьте в реку. Скажем завтра остальным, что настоятель срочно отбыл. Где писака?

Человек, умеющий составлять документы, выскочил вперед. Его затрясло, когда он взглянул на убитого настоятеля.

– Хватит изображать из себя неженку! – прикрикнул на него широкоплечий. – Трупов не видел? Не лязгай зубами!

– Видел, конечно, видел, но все-таки это... настоятель... святой отец... как-то мне не по себе, – признался писарь.

– Был святой, да весь вышел, а теперь это просто труп, – сказал широкоплечий. – Как говорят наши друзья-трупоеды, кусок пищи. – Он грубо хохотнул и сразу же сделался серьезным. – Садись, бери его личную печать и пиши распоряжение по монастырю. Что, мол, обитель Святого Арвинна переходит к Серому ордену истинного образца, то есть – Акира Бен Тагара...

Все воины церкви, подвизавшиеся в обители Святого Арвинна, сейчас находились в

войске Орваса. Сама обитель осталась в руках исключительно духовных лиц. Настоятель, словно предчувствуя приближение конца, отправил в армию также всех монахов, какие выказали желание сражаться с оружием в руках. Лишь немногие остались, дабы возносить молитвы к Сеггеру.

Этим-то и воспользовались захватчики.

Серый орден вступил в обитель Святого Арвинна наутро следующего дня. Перед монахами Алого ордена зачитали последнее письмо настоятеля – составленное наемным писакой.

«Коль скоро именно инквизиция является сейчас самой действенной силой церкви всеблагого Сеггера, мною, – писал лженастоятель, – было принято решение передать вверенную мне обитель Святого Арвинна в руки Серого ордена. И именно той его части, которая исповедует веру истинную, веру наиболее сильную, веру, в которой не устарел ни один догмат. Поэтому я прошу и требую, чтобы вы, братья, приняли нового настоятеля, преподобного отца Раверу, который поведет вас по пути веры Сеггера и защиты ее от злостных ретроградов и мракобесов, которые тянут Серый орден назад, на дно, к замшелым и давно устарелым принципам, которые в наши дни ничего не стоят. Отец Равера научит вас всему, как прежде учил вас я. Меня же неотложные дела срочно отзывают к Орвасу, нашему великому и славному императору, который желает, чтобы я стал наставником солдат и руководил их душами, дабы они двинулись к победе...»

– Ты что-нибудь понял? – шептались святые братья.

– Только то, что прежний настоятель уехал.

– Странно он как-то уехал. Никому ничего не сказал.

Настоятель не покидал обители много лет, поэтому братья не имели представления о том, как бы он это сделал. Устроил бы сам себе торжественное прощание? Прочитал бы особую проповедь во время богослужения? Неизвестно. Но все же, думалось монахам, вряд ли он скрылся бы тайком, в ночной темноте, оставив своей пастве одно только письмо, полное трескучих малозначащих слов...

– А наш монастырь теперь, стало быть, принадлежит Серому ордену, – вздыхали братья. – Нам-то куда деваться?

– А нам куда деваться? – выкрикнул один из братьев, сильно вытягивая шею.

Отец Равера ответил звучным голосом:

– Вы останетесь здесь. Никто не гонит вас из вашей обители. Будете прислуживать братьям из Серого ордена. Заодно воспитаете в себе большое смирение. Это очень полезно для души!

– Стало быть, мы теперь люди подневольные и обслуживаем еретиков из Серого ордена, – пробормотал один из старых монахов. Он никогда не умел держать язык за зубами и славился тем, что вечно резал правду-матку. За что потом нередко получал взыскания. – Это ведь разбой, а? – заключил старый монах почти весело. И заорал: – Разбой!

Но на него никто не обратил внимания. Слишком многое случилось – и слишком быстро. Проще было сделать вид, будто не происходит вообще ничего.

* * *

Ринан Сих торопился. Мир нуждается в очищении. Мир следует очистить во имя Кианны. Бывший инквизитор вышел из тумана – во всяком случае, так могло показаться со стороны, – но на самом деле какая-то важная часть его души оставалась по-прежнему в тумане, с Кианной, его истинной повелительницей. И именно поэтому Ринан Сих ничего не боялся: ни лишений, ни трудностей, которые ожидали его в пути, ни гонений, которыми, возможно, встретят его люди. Все это не имело значения, коль скоро он служил той единственной, которая и есть истинное божество Лаара.

Он обязан открыть людям глаза на все их заблуждения. Он всегда хотел служить другим. Его единственное желание – пожертвовать собой, отдать свою жизнь на благо

других. Сейчас, когда он узрел наконец истинный путь, настало время выполнить свой долг.

Ринана сопровождала лишь одна гончая тумана – покрытое шипами тощее белое создание с очень длинными руками и ногами. Оно напоминало чрезвычайно худого человека, но передвигалось прыжками на четырех конечностях. Лопатки на голой спине так и ходили ходуном, а позвонки топорщились, и из каждого рос особый костяной гребень.

Гончая тумана не обладала развитым интеллектом, но повиновалась приказаниям и в случае нападения разбойников на одинокого странника могла оказать своему господину существенную помощь.

Ринан направлялся в обитель Святого Арвинна, где, как он знал, поселилась злая ересь.

Ересь должна быть искоренена. Ринан Сих не может убить идею, но он в состоянии убить носителей идеи. Истребить их физически.

Так Ринан Сих думал раньше, когда был обычным инквизитором, смиренным братом Серого ордена. Теперь же он понял, что все обстоит намного лучше – и намного проще. Он не будет истреблять носителей идеи, он превратит их в адептов истины, и притом не причиняя им боли и страданий. Инквизитор пытал людей и обрекал их на смерть во имя спасения их душ; пророк Кианны увещевает людей и дарит им новую жизнь во имя спасения их душ.

Обитель Святого Арвинна внешне совсем не изменилась, как показалось Ринану Сиху. Гончая тумана обежала ее кругом, обнюхала все углы и осталась довольна. Она сочла, что место подходящее. Отлично. Ринан и сам так думал, но все же никогда не мешает выпустить вперед гончую. У таких существ обостренный нюх на то, что правильно и что неправильно.

Источник тумана должен располагаться таким образом, чтобы утренний ветер нагнал туман прямо на стены. Следует прокопать колодец. Небольшой колодец тумана.

Ринан Сих засучил рукава и взялся за дело так рьяно, словно всю жизнь только и мечтал быть копателем и строителем. Его нежные, не привыкшие к физическому труду руки быстро покрылись мозолями, кожа на них лопалась и кровь текла прямо на землю, но Ринан Сих не обращал на такие мелочи ни малейшего внимания. Ему следовало создать емкость, куда мог бы поместиться туман.

В конце концов он вырыл ямку глубиной в два локтя. Он наклонился над ней, раскрыл рот пошире и принялся выдыхать туман. Ринан Сих делал это впервые, поэтому многие вещи оказались для него новостью. Например, он не знал, что туман будет исходить из него неудержимым потоком, постоянно, без всякого его участия. Ему просто нужно держать открытым рот и быть готовым к самопожертвованию. Ринану Сиху казалось, что из него вытекает сама жизнь, что сейчас он извергнет из себя в яму внутренности, что вслед за туманом хлынет его кровь и он падет мертвым на краю... Туман все шел и шел. Само естество Ринана Сиха истончалось, превращалось в туман и заполняло яму.

Наконец усилием воли он закрыл рот и отвалился на спину. Он тяжело переводил дыхание, глядя в пустое небо вытаращенными глазами. Слезы текли по его щекам, но он не замечал этого. Вся его утроба болела нестерпимо, как будто он надорвался, поднимая тяжести. Наверное, так нельзя. Наверное, следует вести себя более осторожно и не отдавать так много тумана за один раз!

Что ж, теперь он знает. Пригодится на будущее. Боль и тяжесть задачи не отвратили Ринана Сиха от идеи продолжать служение.

Он отлеживался несколько часов. Гончая тумана принесла ему воды в открытой пасти, и Ринан Сих с благодарностью позволил существу перелить жидкость из своей пасти в его рот. Он почувствовал, как туман снова заполняет его тело, и ему стало намного легче.

Однако яму, полную тумана, надлежало укрыть от дождя, ветра и недобрых людей. Туман еще слишком слаб, ему надо укрепиться, думал Ринан Сих. Эта горстка тумана, которую он породил, представлялась ему чем-то вроде ребенка, слабенького, нуждающегося в защите.

Ринан Сих поднялся на ноги и начал собирать палки и прочий мусор, какой только находил поблизости. Он трудился неустанно всю ночь, и к утру сооружение было готово.

Высотой в полтора человеческих роста, увенчанное роскошным черепом какого-то животного, который гончая принесла из болот, скрепленный глиной, грязью и слюной, чумной тотем красовался перед самыми воротами обители. Скоро пагуба будет побеждена, и все жители монастыря волей или неволей войдут в благой туман Кианны.

Ринан Сих ушел подальше, так, чтобы его не было видно со стен, и улегся на мягком мху – передохнуть. Гончая устроилась поблизости, чтобы сторожить его сон.

К полудню Ринан Сих пробудился. Он вскочил так, словно его толкнули, и сразу распахнул глаза. Дело уже началось. Туман созрел внутри чумного тотема, он поднимался, как тесто у домохозяйки, выпекающей хлеб. Очень хорошо, просто превосходно. Ринан видел, как в щелях нижней части тотема начинает уже шевелиться белое...

Между тем монахи вышли из обители и с ужасом уставились на чумной тотем. До Ринана доносились их изумленные голоса:

– Вчера здесь этого не было!

– Братья, вы видели эту вещь? Откуда она взялась?

– Не иначе, поблизости объявился пророк тумана! Это к беде!

Появление чумного тотема означало для этих глупых, непросвещенных людей только одно: скоро их обитель будет поглощена Карой богов. И поскольку они не имели ни малейшего понятия о том, как блага, велика и прекрасна Кианна, они, конечно, перепугались. Ринану Сиху смешно и больно было за ними наблюдать.

Однако он выжидал и не спешил показываться из своего укрытия. Люди должны хорошенько испугаться, чтобы можно было выйти к ним и начать призыв к покаянию. Пусть еще немного посмотрят на происходящее. Им полезно. Тот, кто испытывает сильный страх, более восприимчив к проповеди, ибо проповедник приходит с рассказом о том, как спастись и в чем спасение.

– Я слышал о таких вещах, – доносился звенящий от страха голос. – Это верная смерть. Мы обречены, братья. И произошло это из-за того, что мы были нерадивы...

– Чушь! – загремел святой отец Равера, расталкивая толпу и выскакивая вперед. – Мы были благочестивы и смиренны, мы трудились на благо Сеггера – и вот как нам отплатили!.. Кто защитит нас? Алый орден? Нет, братья, только инквизиция, и притом истинная инквизиция, зрячая, не цепляющаяся за старое и отмирающее...

– Ну, пошло-поехало, – безнадежно махнул рукой неделикатный старик-монах, который всегда говорил то, что думал. – Сейчас начнет нам рассказывать, как мы всю дорогу ошибались и только они одни такие тут умные.

И опять никто не посмотрел в сторону старика. Никто даже не шикнул на него, чтобы он помолчал и не губил ни себя, ни других своими неосмотрительными речами. Теперь, спустя несколько дней, уже ни у кого из братьев не было сомнений в том, что настоятеля постигла какая-то беда и что покинул обитель он вовсе не по доброй воле. Однако же все помалкивали.

Ринан Сих наконец выступил вперед.

Они сразу замолчали и уставились на него. Гончая тумана уселась на землю у ног инквизитора и тихо взвыла.

Ринан был закутан в длинный, до земли, плащ с низко опущенным на лицо капюшоном. Он не боялся, что его узнают, – сейчас, находясь под покровительством Кианны, он уже вообще ничего не страшился, – нет, плащ был ему необходим лишь для того, чтобы слушатели не смущались, видя его новое лицо.

Лицо Ринана Сиха было туманом. Оно представляло собой клубок белой взвеси, которая медленно кружилась, образуя спираль. Центр этой спирали находился приблизительно там, где на обычном лице располагался нос. Ни рта, ни глаз в привычном понимании слова у Ринана Сиха больше не было. Однако голос он сохранил, и звучал этот голос достаточно громко, чтобы его слышали.

– Вы предатели! – провозгласил пророк тумана. – Вы изгнали из обители Святого Арвинна Алый орден и отдали ее еретикам! Акир Бен Тагар разрушает все, во что верили

адепты Серого ордена, а вы покорились тем, кто идет на поводу у Бен Тагара! Такого не должно было случиться. Где ваш настоятель? Где почтенный старец, который много лет достойно руководил обителью? Его нет! Вы убили его!

– Точно! – завопил из толпы неделикатный старик-монах. – Точно! А мы-то все гадали, что с настоятелем случилось! Они его прибили, вот и я говорил, а теперь пришло и подтверждение!

– Не смей его слушать, – одернул старика более осмотнительный брат. – Разве ты не видишь, что перед тобой – посланец зла?

– Так я и говорю, – ничуть не смутился старый монах. – Уж если само зло прислало сюда своего посланца и посланец этот во всем сознается, – значит, точно, все так и есть, все плохое случилось. Прибили настоятеля, как есть прибили, а письмишко, которое нам зачитали, – фальшивое. Я всегда это утверждал.

– Вы совершили множественные и ужаснейшие преступления! – гремел Ринан Сих. – Но истинное божество ступило на землю, чтобы призвать к себе верных и покарать коварных. Если вы поверите, если вы примете ту участь, которую несет Кианна... – Теперь он свободно выговаривал имя своей богини, потому что люди узнали его и не было больше нужды таиться. – Кианна несет добро! Она покарает лишь тех, кто достоин кары, но даже в своей жестокости она милосердна. Растворитесь в тумане, войдите в благой туман, и вы почувствуете на себе силу Кианны, мощь ее покровительственной руки.

Из чумного тотема начал выступать туман. Ринан Сих засмеялся, а гончая тонко взвыла.

– Прочь! – завопил широкоплечий отец Равера. – Убирайся отсюда, смутьян, растлитель душ! Ты не будешь смущать моих монахов.

– Они не твои, – крикнул Ринан Сих. – Они принадлежат Кианне! Как и ты, как и все мы! Кара богов обрушилась на людей, но люди не услышали, хотя смерть подстерегала их за каждым поворотом дороги. Узнайте милосердие Кианны и войдите в ее туман.

– Убить его! – распорядился новый настоятель Равера. – Схватить и убить! Я знаю, здесь уже содержали в плену одного из таких пророков, и у него была плоть, и он оказался вполне пригодным для того, чтобы его пытали.

– Я видел его, – загремел голос Ринана Сиха. – Я разговаривал с ним, когда он был еще по эту сторону тумана, и я зрел его душу по ту сторону. Она была окутана сиянием и красотой. Вы никогда этого не поймете, если не примете истинную веру. Покайтесь, несчастные, войдите в туман, оставьте ваши заблуждения... и уничтожьте Акира Бен Тагара!

– Бросайте ножи! – сквозь зубы приказал отец Равера.

В пророка тумана полетели ножи. Золотые Скорпионы из личной охраны отца Раверы не промахивались – все их метательные лезвия точно вошли в цель. Ринан Сих был пронзен сразу четырьмя кинжалами, но это не произвело на него ни малейшего впечатления. Он даже не почувствовал боли.

Из прорех в его одежде начал струиться туман. Длинные тонкие струйки этого тумана смешивались с теми, что вытекали из чумного тотема. Внезапно тотем буквально взорвался, и густое облако окутало всех собравшихся. Ринан Сих смеялся от счастья. Ему не придется теперь проделывать долгий и трудный обратный путь к Кианне. Кианна сама пришла к своим новообращенным, чтобы заключить их в материнские объятия.

Глава двенадцатая

Император Орвас собирал огромную армию. Он призывал под свои знамена всех, кто был готов взять в руки оружие и выступить против сил Тьмы. О том, что Ангел Света остался глух и равнодушен к призывам императора, знали очень немногие. Большинство же считали, что само появление подобных существ на Лааре предвещает близость какого-то великого чуда, неслыханного поворота к лучшему. Поэтому, невзирая на то, что Ангел не совершил ровным счетом никаких деяний, которые можно было бы считать началом битвы с

Тьмой и Карой богов, люди все-таки обращали взоры к небу с радостью и добрыми предчувствиями.

Сам же Орвас не строил никаких иллюзий. Ему было известно, что он ведет свои войска на гибель. Он давно принял это решение, коль скоро никакого другого просто не дано. В какой-то мере Орвас ощущал личную ответственность за происходящее, поскольку одной из самых значительных фигур в армии Шаггона был собственный отец нынешнего императора, Адрелиан, развоплощенный, превращенный в призрака, в жуткую сущность, в которой не осталось ничего от прежнего Адрелиана... если не считать искусства полководца, которым тот владел в полной мере.

Эсайасу Новеру представили очередную партию новобранцев. Он с грустью осматривал их, попутно раздавая советы – кому какое оружие предпочесть, какой доспех будет надежнее и так далее. После битвы на болотах Новер чувствовал особенную ответственность за каждого человека, вверенного его командованию. Некоторые солдаты изображают дело так, что, мол, командирам все равно, сколько человек будут убиты в бою, лишь бы выиграть сражение да сохранить в целостности собственную шкуру.

Что ж, может быть, для иных командиров так дело и обстоит. Но только не для Новера. Он достаточно пережил ужаса, чтобы понимать: каждый солдат представляет собой огромную ценность. Каждый. И любая потеря оставляет на сердце оставшихся в живых незаживающую рану.

– С таким отношением ты много не накомандуешь, братец, – заметил Эсайасу Легрис, его старший брат.

Все Новеры были в армии, даже отец пришел предложить императору свой меч. Они видели в этом дело чести, а честь свою Новеры из Тугарда берегли свято.

Эсайас прикладывал немало усилий для того, чтобы Легрис встречался с ним пореже. Общение с братом было ему в тягость. Когда молодому Новеру впервые сообщили о том, что прибывают его старшие братья, он скорчил недовольную гримасу. Этого только не хватало! Он ведь и из дома-то ушел для того, чтобы находиться подальше от родственников. Надо было оставаться в обители. Сделаться монахом и умерщвлять свою плоть до такого состояния, чтобы мать родная не узнала, даже столкнувшись нос к носу.

Увы, времена настали слишком суровые и требовали совершенно другого... И вот все Новеры собрались, и избежать встречи никак не удастся.

Эсайас до сих пор морщился, вспоминая, как наткнулся на Легриса в лагере, разбитом под стенами Аккении, города отважных: воинов собралось так много, что все они в городских стенах бы не поместились, да и для тренировок требовалось много открытого пространства.

– Вот где привелось увидаться, братишка! Неужели ты не рад своему брату, Эсайас? – Легрис широким шагом шагал ему навстречу.

Эсайас кисло улыбнулся:

– Разумеется, очень рад.

– У меня припасена хорошая выпивка. Пойдем, младший братишка, выпьем, посидим, как мужчины, а не как детки на маминой лавочке. Помнишь, как бывало?..

Эсайас с удивлением понял, что Легрис на самом деле считает, будто у них было счастливое время – там, в родительском гнезде. Будто наличие старших братьев обеспечило Эсайасу прекрасное детство. И если сам Эсайас вздумал вдруг пойти в святыне отцы, то это было вовсе не обдуманное решение взрослого человека, а дурацкая выходка младшего братика, который и всегда-то был чудаковат.

Ну теперь все их былые детские шалости и маленькие разногласия вроде как остались в прошлом, началась великая война, оба брата в армии – так что самое время им встретиться и посидеть за выпивкой по-мужски, как выражается Легрис.

Неужели никто из Новеров так ничего и не понял? Не догадался, каким тяжелым, скучным и мрачным было из-за них детство Эсайаса? Как неприятны они ему – они сами, их шутки, их улыбки, все их разговоры? Эсайас был потрясен. Он не стал ничего объяснять

Легрису. Если тот и сейчас предпочитает оставаться в неведении, глупо надеяться, что Легрис или другой из братьев догадается обо всем когда-нибудь потом. Может быть, завтра их всех убьют, и сложные отношения Эсайаса Новера со всем его семейством вообще не будут иметь никакого значения. Да, так, скорее всего, и случится. Поэтому незачем расходовать слова и душевные силы.

Эсайас рассказал Легрису о походе, в котором потерял две трети отряда. О пророке тумана, которого они захватили. И о том, как пленником заинтересовалась инквизиция.

История вызывала у Легриса живое участие. Еще бы! Младший Новер оказался героем. Кое-что Легрис уже знал, кое о чем слышал впервые.

– И что же, они даже не передали тебе, что там твой пленник рассказал инквизиции? – недоверчиво переспросил Легрис.

Эсайас пожал плечами:

– Я особенно их и не спрашивал. В конце концов, я рыцарь церкви, практически священнослужитель, я не должен задавать вопросы вышестоящим. Все, что необходимо для моего служения, мне сообщили, а остальное меня не касается.

– Да уж, в монастыре хуже, чем в армии, братишка, – согласился Легрис. – А я вот слышал, что обитель Святого Арвинна, где ты подвизался, впала в ересь Серого ордена.

– Невозможно! – воскликнул Эсайас. – Эта обитель принадлежала Алому ордену. Там не могло быть никакой ереси, потому что в Алом ордене нет...

– Серые захватили ее. Поговаривают о злодеяниях, которые там творились. Настоятель бесследно исчез и якобы оставил письмо, в котором призывает всех братьев обители перейти под покровительство Акира Бен Тагара, принять Серых как начальство – ну и прочие глупости. Даже я не верю в то, что старый настоятель из Алого ордена мог завещать своей пастве такую чушь! А в обители Святого Арвинна сделали вид, будто поверили каждому слову. Очевидно, совсем плохи там дела, если им пришлось поддержать такую вопиющую ложь...

Эсайас слушал с возрастающим ужасом. Мудрый наставник, настоятель обители Святого Арвинна бесследно исчез! И вдобавок написал то, чего написать никак не мог.

– Он мертв, – выговорил Эсайас с болью. – Вот что произошло. – Он покачал головой. – Какие жестокие времена!

– Да ты здесь совсем отстал от жизни! – вздохнул старший брат. – Никакие слухи до тебя не доходят. Чем же ты занимаешься целыми днями?

– Всяко не сижу в офицерском борделе и не сплетничаю. Тренирую солдат, – угрюмо ответил Эсайас. И прибавил в порыве откровенности: – А сам гляжу на них и все думаю: кто из них погибнет, кто выживет. И поможет ли им хоть немного вся эта тренировка? Мы ведь стараемся, подбираем доспехи, чиним оружие... Будет ли толк? Устоим ли мы?

– Ты слишком много беспокоишься о солдатах, – отозвался Легрис. – С такими мыслями войны не выиграть.

– Я видел, что такое – большие потери, – сказал Эсайас. – Упаси тебя Сеггер пережить такое!

– Лично я готов пережить и не такое, лишь бы пережить, – парировал Легрис. – Да что с тобой творится, в конце концов! Твой монастырь все равно уже пропал. Возвращаться тебе некуда.

– Вот разобьем силы Шаггона и выгоним Серых еретиков из Алой обители, – ответил Эсайас. – Если буду жив, сам лично и займусь. Я уже сейчас в состоянии командовать сравнительно большим отрядом, – не выдержал и прихвастнул он.

– Обители-то больше нет, спасти нечего, – сказал Легрис. И присвистнул, увидев, как вытянулось лицо Эсайаса, – Ты и этого не знал? Да, брат, ты точно сделался настоящим воякой. Видишь только то, что у тебя перед носом, а нет чтобы поднять голову да поглядеть по сторонам... Да хотя бы к сплетням прислушаться, ведь не помешает. Ладно, расскажу тебе, как все случилось. Вскоре после того, как Серые утвердились у Святого Арвинна, там появился чумной тотем. И... ты ведь знаешь, что происходит, когда возле какого-нибудь

злополучного поселения возникает чумной тотем?

– Все... все погибли? – тихо спросил Эсайас.

Легрис энергично кивнул и допил вино.

– Точно. Ни одного человека не осталось. Они умерли быстро, в течение полутора дней... Как говорят. И обитель полностью поглощена. Там теперь только туман. Ни стен, ни собора... Говорят еще, в безлунную ночь сквозь туман видно, как ярко и мертво горит золотой Глаз Сеггера, что был изображен на главном монастырском храме.

* * *

Когда армия Шаггона спускалась с гор, казалось, будто это сходит лавина. Поток кошмарных существ, облаченных в темные доспехи, двигался под сумеречным солнцем Темной стороны. Эгертон возглавлял отряд, который насчитывал почти пятьдесят самых разных существ. Сам унгар пребывал в странном состоянии, похожем на транс. Его разум словно бы вытеснил сознания всех подконтрольных созданий. Управлять отрядом для Эгертона означало фактически то же самое, что управлять собственным телом. Приказал руке: «поднимись», рука поднялась; приказал ноге: «топни», нога топнула... Только вместо одного тела выступало некое коллективное тело, сложенное из подавленных и подчиненных личностей довольно мерзких с виду чудовищ. Эгертон не воспринимал их как подчиненных, как кого-то, кто представляет ценность сам по себе и обладает личным бытием. В этом Эгертон полностью отличался от Эсайаса Новера. Потеря любого из подчиненных не станет для тоаданца большой бедой и уж точно не оставит в его душе никаких шрамов.

Другое дело, что, повелевая своими монстрами, Эгертон переставал в полной мере осуществлять контроль над собственным телом. Он был погружен в своего рода медитацию и постоянно созерцал множество энергетических и ментальных нитей, за которые нужно было тянуть. Если бы какой-то недруг захотел убить Эгертона, он совершил бы свое преступление с легкостью, поскольку отреагировать вовремя на обычное физическое насилие Эгертон бы сейчас, вероятно, попросту не смог.

Поэтому Эгертон поступил так, как обычно и делают унгары в подобных сложных ситуациях. Он избрал одно из подчиненных существ для того, чтобы оно защищало своего командира.

Выбор оказался простым – вампир Сафрур. С ним пришлось побороться, и кристаллов на него унгар израсходовал больше, чем на кого бы то ни было другого из своего отряда, но зато потом, когда воля Сафрура оказалась полностью подчинена Эгертону, все пошло просто как по маслу. Сафрур оберегал персону командира с ревностью влюбленного. У вампира оставалось лишь одно желание – находиться рядом с Эгертоном и слышать его голос. Угодить ему, сдуть с него пыль, отгонять от него мошек – все это приносило Сафруру неизъяснимое блаженство.

Тегамор в своем черном доме в Соултраде теперь научилась видеть Эгертона. Прежде только он подсматривал за ней, теперь же и она время от времени вторгалась в его жизнь насмешками.

«Что это у тебя там происходит? – веселилась она, в то время как Сафрур вертелся возле Эгертона, предлагая тому отполировать ногти. – Ты завел себе личного чистильщика ногтей? Ах ты грязнуля!»

«Отвяжись, Тегамор. Я же в армии. Мы выступили в поход, – вяло огрызнулся Эгертон. Не хватало еще, чтобы она забрала часть его воли или вообще переподчинила себе всех этих уродов. – Меня могут убить. Неужели ты за меня ничуть не боишься? Ведь тогда мы с тобой никогда больше не увидимся!»

«Моя заветная мечта! – ворчала она. – Но такие, как ты, к несчастью, не погибают».

– О господин, если мы слегка подточим тебе ногти на ногах, ты сможешь носить открытые сандалии, и я... – заливался Сафрур.

«Черное небо! – захохотала Тегамор. Ее смех отозвался неприятным эхом в голове

Эгертона. – Кажется, ты изменяешь мне с этим вампиром...»

«Между нами ничего нет... Небеса, что такое я говорю! – спохватился Эгертон. – Ты добьешься своего, Тегамор, и переманишь к себе всех моих солдат. Если ты этого хочешь, я отпущу их. Но что ты будешь делать со всей этой ордой зомби, гниляков, скелетов и прочей пакости? Они ведь начнут разлагаться прямо у тебя на пороге, изъывая тебе свою преданность!»

Угроза подействовала, и Тегамор временно исчезла из мыслей Эгертона.

Поход был тяжелым с самого начала. Армия растянулась на много миль. Для того чтобы прокормить такую орду, требовалось много мяса, крови, дичи, сухой соломы. Все это сжиралось, поглощалось, переваривалось и потом испражнялось. Дорога казалась Эгертону бесконечной.

Среди черных воинов шныряли нелегальные продавцы кристаллов. Они предлагали купить у них кристаллы, в которых всегда ощущалась нужда, особенно учитывая необходимость управлять сознанием большой группы разнородной нечисти. По преимуществу товар был так себе, кристаллы довольно мелкие и в основном серебряные, менее сильные. Тем не менее торговля шла довольно бойко.

На шестой день похода связь Эгертона с Тегамор неожиданно оборвалась. Тоданец воспринял это как большое облегчение. Теперь он мог все силы сосредоточить на управлении своим отрядом и не беспокоиться больше о магине из Соултрада.

С другой стороны, его постоянно грыз червячок сомнений: он ведь так и не понял, что она сделала для того, чтобы их связь, так ее раздражавшая, разорвалась. Или, возможно, это он сам предпринял какие-то магические действия и даже не понял, какие именно?

Ох, не хотелось бы, чтобы это оказалось так. Неосознанные магические действия – это самый верный шаг к полному провалу. Маг обязан полностью осознавать, что именно он делает и почему.

Однако если бы Эгертон знал о том, что происходит с Тегамор на самом деле, он понял бы, что такое настоящая тревога.

* * *

Тегамор решила покинуть Соултрад. «Бегуны» больше не оправдывали себя, и контролировать их оказалось делом слишком хлопотным. Поэтому она ликвидировала их всех. Взяв с собой лишь носильщиков – не столько для того, чтобы они несли портшез, сколько для охраны своей драгоценной персоны, – госпожа Тегамор выехала из города.

Об ее предполагаемом отъезде не знал даже ее ближайший друг Племут, Мастер Плоти. (Если такие понятия, как «дружба», вообще применимы к соулам!) Не знали об этом и в ордене Ковен. Незачем. У Тегамор имелись собственные далеко идущие планы.

Она отправлялась на Светлую сторону Лаара – на поиски тьмы такой мрачной и густой, что даже в Соултраде содрогнулись бы, ее увидев.

Она отправлялась на поиски Кары богов. Столько слышать о колдовском тумане, о чумных тотемах – и не иметь возможности полюбоваться на это лично! Да разве можно упустить такое!.. Кроме того, Тегамор предполагала, что скоро мир изменится. Тугард обречен, император Орвас будет убит или инициирован и превращен в призрака, вроде Адрилиана, а Тьма воцарится по всему Лаару. И тогда самое время будет выйти вперед и заявить о своих правах. Потому что тот, кто будет владеть магической картой мира, – тот будет владеть и самим миром.

Необходимо добыть надлежащие образцы с места появления Кары богов как можно раньше – до того, как состоится грандиозная битва, которой предстоит изменить облик мира. Если Тегамор опоздает, она не добьется своего уже никогда. Она так и останется младшим магистром Черного Ковена в Соултраде, женщиной, которая занимается магией время от времени. Как будто магия может быть чем-то вроде рукоделия. Нет, для того чтобы заставить других ковенцев считаться с собой, магине необходимо поторопиться.

Рассчитывать на помощь Эгертона она больше не могла. Тоаданец застрял в армии Шаггона. Если он сейчас попытается дезертировать, то все те создания, что находятся у него в подчинении, очнутся от транса и набросятся на своего командира-неудачника. Они попросту разорвут Эгертона на части.

Следовательно, Эгертон попадет к тому месту, где можно встретить чумные тотемы, только к моменту начала битвы. Слишком поздно. Тегамор должна завладеть образцами раньше.

Она путешествовала верхом на лошади, носильщики бежали справа и слева от госпожи. Эти неумолимые и крепкие существа не ведали усталости, не знали сомнений, и единственной целью их жизни было угождать госпоже. С такой охраной Тегамор могла быть спокойна за свою жизнь.

Она обогнала армию Шаггона на несколько дней, и с каждым днем разрыв увеличивался. Путешествуя налегке, Тегамор останавливалась в день лишь на пару часов, чтобы поспать. Магия поддерживала ее силы, а также силы ее верных спутников: они не нуждались в пище. Это было очень удобно, ибо не только сберегало время, но и служило безопасностью: ведь любая пища, с виду самая безобидная, могла оказаться смертельным ядом. Организм Тегамор настолько был насыщен всевозможными экстрактами и препаратами, которыми она пользовалась с юных лет для тех или иных магических целей, что отравой для нее мог стать какой угодно непривычный продукт.

Разумеется, поддержание подобных чар также требовало от магии определенных усилий и в свою очередь забирало у нее энергию, но все же десяток дней в подобном режиме она могла продержаться.

На Светлой стороне Лаара Тегамор испытала настоящий шок. Солнце показалось ей нестерпимо ярким, так что ей пришлось завязать лицо шарфом. И все равно лучи проникали сквозь ткань и жгли чувствительную бледную кожу магии, а из ее глаз непрерывно текли слезы. Ее охранники страдали еще сильнее, и Тегамор позволила и им скрыть лица под покрывалами. Теперь все они видели намного хуже, хотя полностью зрение не утратили.

Жара и ослепляющий свет – это было хуже всего. Имелись и другие отличия, и Тегамор, чувствительная к магическому фону, мучилась из-за них. Здесь в воздухе была растворена немного другая магия. Другая на вкус, если можно так выразиться. Впрочем, ощутить это в полной мере дано лишь такой тонкой натуре, как Тегамор. Существа с более грубым душевным устроением, вроде Эгертона, подобных ощущений наверняка не испытывают.

Эгертон! Она усмехнулась, подумав о тоаданце. Давно уже Тегамор не слышала его голоса, не видела мир его глазами и не впускала его, хотя бы и против воли, в свою жизнь. Внезапно она поняла, что соскучилась. Странно. До сих пор она была уверена в том, что жаждет избавиться от его назойливого присутствия.

Впрочем, времени на анализ ее сложных чувств к Эгертону у Тегамор не оставалось. Если верно все то, о чем она слышала в последние дни, то скоро начнется грандиознейшая битва – и как раз в тех краях, куда направилась магия.

Она безжалостно подгоняла и лошадь, и рабов. В конце концов, почему она должна жалеть их, если не жалеет саму себя? Они обязаны разделить участь со своей госпожой!

...Чумной тотем Тегамор увидела издалека. Возле темной бесформенной массы камней высилось богомерзкое рукотворное чудовище. Какой извращенной ум изобрел эти формы? Тегамор поневоле восхитилась зрелищем. Поистине, ничего более отвратительного ей не встречалось! А у магии из ордена Ковен было немало возможностей повидать мерзости. И все же чумной тотем превосходил все.

Она спешила и осторожно приблизилась к груде камней, перекрученных веток, связок травы и комьев липкой грязи. У всего этого могли быть только одно наименование и только одна цель – богохульство.

– Ах, как прелестно! – воскликнула Тегамор.

Она присела на корточки, рассматривая тотем. Ей определенно нравилась эта вещь,

хотя было в тотеме и нечто абсолютно чуждое магине. «Другой источник силы, – поняла она. – Силы, несомненно, темной, густой, правильной силы... но незнакомой». Так гурман, глотнув вина, вдруг понимает, что оно с чужого виноградника. Так вампир, испробовав крови, угадывает, что его партнер в смертельном танце ел чеснок или выпил до встречи с судьбой слишком много дрянного алкоголя.

Кровь прекрасна, но привкус все портит...

Несколько минут Тегамор раздумывала. По заведенной очень давно привычке она тщательно анализировала все свои ощущения. Маг никогда не должен действовать вслепую, а чувства, которые он испытывают, – самый надежный проводник. Так учил Тегамор ее наставник.

Что же она чувствует?

Желание, вдруг осознала Тегамор. Ей нестерпимо хотелось прикоснуться к тотему. В конце концов, ее намерением было завладеть образцом из областей, захваченных туманом, и вживить этот образец в карту.

Она взяла двумя пальцами небольшой камень и сжала его в кулаке. Затем выпрямилась и быстрым шагом направилась к своей лошади.

Носильщики побежали следом.

Предстоящая битва, очевидно, стянула на себя всех наемников, праздношатающихся убийц, бродяг и прочих жителей большой дороги. На протяжении всего пути Тегамор ни разу не встретилась мало-мальски приличные разбойники, которых можно было бы развоплотить или даже подчинить. Тоска – никаких развлечений. И Эгертон недосыгаем, не с кем даже словечком перемолвиться.

Она двигалась обратно к Соултраду. Путь назад был гораздо опаснее, поскольку скоро уже ей предстояло встретиться с армией Шаггона. А армия, независимо от того, какие у нее цели, близкие тебе или бесконечно от тебя далекие, всегда представляет некоторую угрозу для одинокой путницы. У Тегамор, как она сильно подозревала, не будет времени объяснить голодным и разъяренным вампирам и трупоедам, что она, Тегамор, не пища, а верный союзник. Магических сил отбиться от сотни таких воинов у нее попросту не хватит. Она в состоянии уложить десять, ну пятнадцать вампиров. Если же их окажется сорок, то тридцати пяти из них гарантирован обед.

Ах, как это будет неприятно! Следует соблюдать крайнюю осторожность.

Она вынула из дорожного мешка свою драгоценную карту и приложила камень к пергаменту. Вот здесь он будет лежать, символизируя собой связь хозяйки карты и болот Ракштольна. Через этот камень Тегамор сможет повелевать силой, которую суеверные люди именуют почему-то Карой богов. Забавно!..

Ей вдруг показалось, что в глубине камня клубится что-то белое. Наклонившись над образцом, Тегамор внимательно всмотрелась в него. Да, она не ошиблась: маленькая мутно-белая спираль медленно закручивалась прямо внутри камня. Могильным холодом повеяло оттуда. Тегамор отпрянула.

Странно, ведь раньше этой спирали там не было! Тегамор могла бы в этом поклясться. Она потрогала камень пальцем и увидела, как палец проваливается внутрь, так, словно твердый доселе камушек внезапно превратился в комок бесплотного тумана.

А вот это уже совсем нехорошо! Тегамор быстро отдернула руку. Теперь она поняла, почему «бегуны» не сумели доставить ей камни из Ракштольна. Очевидно, часть ее посланцев превращалась в туман, а остальные спешили избавиться от опасной ноши и выдумывали небылицы одну другой краше: напали тролли и все камни отобрали и съели; камни превратились в жаб и ускакали; пришлось бросаться этими камнями в войско врагов, поскольку под рукой не оказалось никакого другого оружия...

Тегамор ни мгновения не верила всей этой нелепой лжи, но поделать ничего не могла и только скрежетала зубами от ярости.

Да, теперь, когда она все увидела собственными глазами, многое стало яснее.

Несколько раз Тегамор казалось, что она теряет связь с реальностью. В глазах у нее все

мутнело, она начинала видеть как будто сквозь туман, но потом все опять прояснялось. Она считала, что все это – из-за шарфа, которым она завязывала лицо, и из-за непривычно яркого света. Но затем она взглянула на свою руку и увидела посреди ладони все ту же спираль: белые бесплотные нитки вращались, словно их закручивала какая-то неведомая сила.

Тегамор дунула на свою ладонь, и нитки разлетелись в стороны. Вновь открылась бледная кожа магини. Бледная, чистая и не затронутая никакими посторонними явлениями.

Определенно что-то здесь происходит.

Неожиданно мерный ход мыслей магини был нарушен. Она увидела на земле некий предмет, который мгновенно и полностью завладел ее воображением.

Это была желтая ткань, на вид очень прочная и, что еще интереснее, по форме повторяющая человеческое тело. Как если бы с какого-нибудь человека очень аккуратно и чрезвычайно умело, без единого повреждения, сняли кожу целиком.

Вот это да! Тегамор остановила лошадь и спрыгнула на землю. Ее слуги повалились рядом в траву. Они тяжело дышали – их силы были на исходе. Им следовало бы поесть, потому что магиня растратила почти все свои ресурсы на себя лично и с некоторых пор перестала кормить охранников.

Разумеется, она отдавала себе отчет в том, что ослабевший охранник ни на что не годится. Но, рассуждала Тегамор, с другой стороны, если с голоду умру я, им вообще некого будет охранять и их никчемное бытие вообще лишится какого бы то ни было смысла.

Желтая кожа! Тегамор протянула к ней руку, убрала, снова потянулась... Наконец она решилась и дотронулась до предмета.

Теплый, как будто живой, но в то же время абсолютно неживой. Ни присутствия собственной воли, ни каких-либо ментальных сигналов магиня не улавливала.

Просто кожа.

Но какое существо способно на это? Тегамор о подобных вещах никогда не слышала, а уж она-то слышала и читала немало. Ей уже хотелось владеть этим артефактом. Она не знала его происхождения, понятия не имела о том, как его использовать, но упустить вещь подобной силы и фактуры магиня попросту не могла.

«Кто же оставил тебя здесь? – думала она, ощупывая кожу так, как покупатель в лавке ощупывает материю на плащ. – Может быть, это ловушка? Западня, расставленная охотником? Растянутая на земле кожа очень похожа на ловушку. Ступишь на середину, а кто-то невидимый дернет за веревку, и мешок захлопнется... Но нет, я не чувствую здесь никаких „веревочек“... Может быть, владельца этой вещи убили? Но где его тело? И где кровь? Если бы здесь пролилась его кровь, мои носильщики давно ее почуяли бы и начали бы вылизывать землю... Странно все это».

В конце концов жадность все-таки взяла верх. Тегамор взяла свою карту и положила ее на желтую кожу. По размеру как раз подходило. Очень удачно, потому что пергамент нужно было подшить. Да, желтая кожа идеально подойдет для такого дела. А вот сюда нужно вживить камень из Ракштольна...

Тегамор вынула камень и вдруг вскрикнула: камня больше не было. Сгусток тумана пополз у нее между пальцами, пятная белым ее грудь, руки, живот... Туман медленно разъедал плоть Тегамор, развоплощал магиню, превращал ее в нечто бесформенное, грязновато-серое, не имеющее четких очертаний. Обычно заражение чумой заканчивалось развоплощением дня через два, но только не в этот раз. Тегамор столько раз экспериментировала над собой, что ее плоть поддалась чуме практически мгновенно.

Тегамор закричала – и продолжала кричать даже после того, как у нее не стало гортани и голос ее стих. Вопль гнева и отчаяния продолжал звучать в ее потрясенном сознании.

* * *

Ринан Сих плавал в тумане. Он отталкивался ногами от земли, и туман подхватывал его, позволяя медленно пролетать низко над серой травой. Неожиданно перед инквизитором

возникла женщина — точнее, клочья плоти той, что некогда была женщиной. Под ее несуществующими, похожими на два перьевых комка грудями тряслись серебряные кинжалы. Очевидно, когда-то эти ножи были частью ее облика. Впрочем, в тумане ничего нельзя сказать наверняка.

Женщина была охвачена ужасом и гневом. Ринан Сих понял, что обязан успокоить ее. Он приблизился и коснулся ее руки. Их пальцы сплелись и стали единым целым.

— Кто ты? — спросил он. — Почему ты испытываешь страх?

— Я Тегамор, — прошелестело в ответ. — Я не хочу... Не хочу...

— Ты в самом лучшем из миров, — отозвался Ринан Сих. — Ты находишься в благом лоне Кианны.

Жуткое чудовище выдвинулось из тумана. Казалось, его приманило имя Кианны, произнесенное вслух. Вытаращенные фасеточные глаза с интересом впились в незнакомку, огромные щупальца шевелились у жвал, а туловище с искаженными пропорциями женского тела изгибалось, как водоросль в сильном течении реки.

Тегамор метнулась в сторону, подальше от ужасного видения. Странно было видеть, как волосы оторвались от ее головы и спокойно поплыли сквозь туман, постепенно сливаясь с более густыми участками. Ринан Сих повернулся к монстру и с обожанием пал перед ним на колени.

— О Кианна! — воскликнул он. — Великая и благая Кианна! Дай же нам свое благословение!

Казалось, он совершенно не замечает того, какой уродливой, какой жуткой с виду стала его богиня. Ему, собственно, это было абсолютно безразлично, потому что в туманах форма не играла ровным счетом никакой роли. Важна была лишь сущность.

Ринан Сих преклонялся перед той, что наполнила его жизнь смыслом. Он хотел, чтобы и Тегамор, растерянная и обозленная, увидела этот смысл и исполнилась радости. Ринану было все равно, что он никогда раньше не встречал эту женщину. Он желал объять любовью Кианны всех без исключения.

Поэтому он так огорчился, когда Тегамор беззвучно завизжала и бросилась бежать, теряя по дороге руки, ноги, волосы и свои серебряные кинжалы, сделанные из такого прочного магического материала, что их не сумел растворить даже чумной туман.

* * *

Перекасти-поле бежало по степной дороге, а за ним бежала маленькая и толстенькая, похожая на курицу женщина. Она смешно размахивала короткими ручками и все приговаривала:

— Догоню! Догоню!

А перекасти-поле отвечало ей:

— Не догонишь!

И ветер гнал его все дальше, а Игинуш, подпрыгивая, торопилась следом.

Она встретила перекасти-поле далеко в степи. Эти создания иногда бывают разумными, а иногда — нет; но в любом случае разум у них маленький, слабенький. Все, на что они способны, — этот недолгий разговор. Перекасти-поле совершенно безобидны, если, конечно, не пытаться догнать их, не разбирая при том дороги.

Сама того не ведая, Желтая Игинуш оказалась возле погибшей обители Святого Арвинна. Место ей очень не понравилось. Перекасти-поле, похоже, полностью разделяло мнение своей преследовательницы, потому что оно вдруг жалобно пискнуло и откатилось в сторону. Здесь уже ощутимо было близкое дыхание болот Ракштольна. Оттуда тянуло сыростью, а ни одно перекасти-поле не любит влаги. Набухшее от воды растение утратит легкость, и ветер не сможет больше вольно гонять его по свободному пустому пространству степи.

Игинуш поняла, что ее веселый спутник по путешествию напуган. Неосознанно она

даже догадалась, чем именно. А ветер, как назло, затих. Перекати-поле слегка колебалось на кочке и поскуливало, как испуганный зверек.

Игинуш взяла его в руки и прижала к себе.

– Ты не бойся, – объявила она торжественно. – Я тебя отнесу обратно в степь и там как следует на тебя подую. А потом, глядишь, поднимется настоящий ветер, и ты снова будешь кататься взад-вперед, милый мой пустышка.

Существо издало еще один тихий звук, как будто всхлипнуло. Игинуш ужасно растрогалась. При своих превращениях она, быть может, зачастую и теряла память, но одно оставалось в ней крепким и незыблемым: могучий материнский инстинкт.

– Ну, ну, малютка, – пробормотала она и, держа притихшее перекасти-поле на своей могучей груди, быстро побежала в обратном направлении.

Ей чудилось, будто из тумана некто разочарованно следит за ней. Впрочем, Игинуш это совершенно не пугало и не волновало. Ведь у нее имелось дело посерьезнее, чем оборачиваться назад, на какой-то там туман!

Отбежав на довольно большое расстояние от туманного клубка, окутавшего погибшую обитель Святого Арвинна, Игинуш вдруг увидела нечто весьма странное. Оно напомнило ей... ее саму.

«Это» – непонятно, одушевленное или нет, но по ощущению родственное – было расстелено прямо на земле. И никого не оказалось поблизости – ни живого существа, ни убитого, ни даже следов крови.

Игинуш отпустила перекасти-поле и подула на него. Оно благодарно завохтало и побежало дальше, навстречу открытой степи.

– Так-то лучше. – Игинуш проводила его довольным взглядом. – Теперь ты свободен...

Она сразу же выбросила маленького дружка из головы, потому что предмет, ею найденный, вызывал материнские чувства гораздо сильнее. Это была часть Игинуш, в чем она совершенно не сомневалась. Такая же желтая и прочная, такая же толстенькая и красивая.

Что с того, что она вся внутри была разрисована какими-то картинками? Что с того, что в нее были вклеены, вложены и вживлены камни, листья, клочки чьих-то окровавленных шкур? Должно быть, то – украшения. А если это существо сделано из плоти самой Игинуш и если оно украшено, то объяснение возможно только одно: это – ее дочь. Ее потерянная и вновь обретенная дочь.

– Доченька! – завопила Игинуш, хватая магическую карту, утраченную Тегамор. – Доченька! Теперь мы с тобой никогда не расстанемся!...

– Никогда... – глухо отозвалась карта.

Кожа Игинуш обладала множеством свойств. Например, она не горела в огне. А еще она, будучи надета на живое или магическое существо, прирастала к нему и совершенно изменяла его природу. Об этом Тегамор, естественно, не знала.

– Какие у тебя красивые бусики и сережки, – продолжала Игинуш, поглаживая пальцем инкрустации, выполненные Тегамор в «теле» карты. – Только странно они у тебя расположены. Не там, где у всех обычных девочек.

– Так надо, – ответила карта.

– Надо так надо, – покладисто согласилась Игинуш. И коснулась изображения Аккении. – Это что?

– Аккения, город героев, место сбора воинов Орваса, которые готовы выступить против сил Тьмы и погибнуть, – ответила карта.

– Ух ты, здорово! – восхитилась Игинуш. – Там, наверное, много красивых мужчин? Красивых, изголодавшихся по любви мужчин?

– Наверное, – сказала карта.

– Может быть, мы найдем там мужа для тебя, доченька?

– Нет, нет! – Карта задергалась в руках Игинуш. – Я не хочу замуж за героя, мама. Я хочу быть просто одинокой картой. А больше всего мне нравится, когда ты держишь меня в

руках.

– Если тебе нравится, я тебя никогда из рук не выпущу! – поклялась Игинуш. – Но ты знаешь... – Она вдруг наморщила лоб. – У меня, кажется, была еще одна дочь, другая. Твоя старшая сестричка. У нее красивое имя, только я его потеряла. И ее саму потеряла.

– А я ее знаю, – похвасталась карта. – У нас с ней общая кожа. Только она свою кожу изменила. Но это ничего не означает. У нас с ней твоя кожа, мама, это-то и делает нас сестрами.

– Ты сможешь мне отыскать ее? – спросила Игинуш. Она ничуть не удивилась тому, что карта знает гораздо больше, чем она сама. В конце концов, это ведь часто так случается: детки вырастают умнее матери.

– Если ты назовешь мне место, я помогу тебе попасть туда, – сообщила карта.

– Но я понятия не имею о том, где твоя сестра, – огорчилась Игинуш.

– Мы будем искать ее, – обещала карта.

Желтокожая толстая женщина свернула карту в трубку, сунула под мышку и широким шагом зашагала по степи. Она хотела во что бы то ни стало отыскать город Аккению. Потому что если там собираются герои, то и ее дочь рано или поздно окажется поблизости.

* * *

Разведчики докладывали Орвасу о том, что армия, предводительствуемая призраком Адриелианом, приближается к Аккению. Теперь до передовых отрядов сил Тьмы оставалось всего несколько дней. На стенах города спешно заканчивали возводить дополнительные укрепления. Кипятили смолу, таскали воду, собирали большие булыжники и поднимали их на стены, откуда можно будет бросать их в штурмующих. Разумеется, убить вампира или лича камень не сможет, а вот раздробить кости скелета – запросто. Зомби можно воспламенить и сжечь, вампира проткнуть деревянной стрелой или дротиком... На каждую гадину найдется какая-нибудь управа.

Орвас страшился увидеть отца – точнее, то существо, в которое был превращен Адриелиан. Щадя чувства молодого императора, ему ничего об этом не докладывали. Все старательно закрывали глаза и уши, когда речь заходила о полководце сил Тьмы.

Лишь те клинки, которые были особым образом закалены благословением Сеггера, могли поразить призрачных воинов Адриелиана, Немых Стражей. По слухам, Немая Стража присоединилась к войску, что двигалось сейчас на Аккению.

Во всех церквях под сенью Золотого Глаза возносились непрерывные молитвы к Сеггеру. Орвас знал, что сила церкви велика. Когда в первые дни после исчезновения Адриелиана судьба Тугарда висела на волоске, именно церковь Сеггера поддержала Орваса и помогла ему занять императорский трон. Но не только политической силой обладали служители Сеггера, как хотел бы верить Орвас. По их молитве, возможно, сам Сеггер выступит на стороне сил Света.

Орвас получил из рук первосвященника сеггерианской церкви, святого отца Нессиана, клинок, трижды благословенный именем Сеггера.

– Помни, – сказал при этом святой отец Нессиан, – тот, против кого ты выступишь, – не твой отец. Твой отец, храбрый полководец, отважнейший из отважных, давно пал. Твой недруг – дух, прикрывающийся лишь именем Адриелиана. И когда настанет решающий миг – рази без всякой мысли. Ты должен будешь лишь поднять меч и опустить его. Священная сталь все сделает сама. Она развоплотит призрака... И не думай, что тебе придется легко. Не бойся угрызений совести, ибо тьма сомкнется вокруг тебя и поглотит тебя. Ты освободишь мир от чудовища ценой собственной жизни.

– Все мои воины готовы пасть с честью, и любой отдаст свою жизнь, если это поможет спасти Лаар, – ответил Орвас, благоговейно принимая меч и поднимаясь с коленей. – Чем я хуже их?

– Ты надеешься на Ангелов Света? – помедлив, спросил Нессиан.

Орвас покачал головой:

– Ни минуты. Тот, которого я видел, и пальцем ради нас не пошевелит... – Он вдруг смутился. – Я говорю о высшей сущности так, словно она подобна человеку. Но я не умею мыслить иными категориями. Для меня сейчас все создания нашего и любого другого мира разделились на две половины: те, кто готов нам помочь, и те, кто желает нас уничтожить.

* * *

Эгертон никогда не предполагал, что будет так взволнован, когда покинет Темную сторону Лаара и снова окажется под солнечным светом, да еще в степи, на берегу великой реки Карангар. Степь, как бы обласканная солнцем, с колышавшимся под ветром ковылем, золотистая и бескрайняя, расстилалась перед воинством Тьмы. Черная лавина катилась по ней, выжигая траву, сметая с лица земли все поселения и ставки кочевников, какие только встречались по пути. Воды реки были осквернены, источники загрязнены. Это зрелище наполняло сердце Эгертона болью.

Но он не мог позволить себе страдать. Это ослабило бы его контроль над подчиненными ему существами. Поэтому Эгертон снова погрузил себя в транс и больше не смотрел по сторонам. Он как будто пребывал теперь в нереальном сумеречном мире и видел все словно бы из-под толщи воды. Там, где находилось сознание Эгертона, имели значение только чужие воли, сломленные и безгласные, и мощное излучение магического кристалла.

Вдоль всей черной колонны взад и вперед скакали разведчики. Несколько раз вдали замечали верховых из армии Орваса. Чаще всего их даже не преследовали. Войско Тьмы вошло в Тугард и не собиралось делать из этого тайну.

Они двигались на юг по великой реке Карангар. Уже миновали город Лемангар. Там заранее приготовились к вторжению: часть жителей бежала далеко в степь, часть заперлась в городской цитадели и запаслась оружием и пищей. Но орда не стала тратить время на осаду. Черное воинство обтекло город и устремилось дальше. На вылазку лемангарцы не решились, и правильно сделали: силы были слишком неравны, тугардцев бы попросту раздавили.

Днем позже в армии Шаггона видели, как вооруженный отряд мчался по степи параллельно той дороге, по которой двигались силы Темных. Очевидно, это были воины из цитадели Лемангара. Увидев, что для их родного города опасность временно миновала, они решили присоединиться к армии Орваса в Аккении. Скоро они свернули на восток и пропали из виду.

Темные не преследовали их. Даже внимания на них не обратили. Как шли, так и шли по берегу, по-прежнему разоряя все, что лежало на их дороге, но не уклоняясь в сторону.

Орвас со своей армией уже полностью вышел из Аккении. Он готовился встретить недруга в степи, и открытом бою. Каждый новый отряд, который присоединялся к нему в последний момент, император встречал с неподдельной радостью. Надежды на победу по-прежнему не было, но, по крайней мере, оставалась надежда отстоять Аккению и весь Тугард.

Дозорные докладывали Орвасу о перемене обстановки почти каждый час...

Император верхом на белом коне, с красным плащом за плечами, с развевающимися золотисто-русыми волосами, был виден издали. Орвас нарочно не надевал шлема, чтобы показать воинам свое лицо: открытое и спокойное. При виде своего государя солдаты исполнялись гордости, их боевой дух поднимался и решимость сражаться крепла.

Хотел бы сам Орвас обладать такой твердой верой в какого-нибудь человека! Но, увы, единственный человек, в которого он верил, как в божество, был его отец, ныне – его заклятый враг, командующий Немой Стражей, призрак и Дух Тьмы. Единственным прибежищем для Орваса был Сеггер. Однако божество молчало, сколько бы император ни возносил к нему молитв. Лишь меч, благословенный жрецами Сеггерианской церкви, ярко сиял в руке государя.

И вот случилось неожиданное...

– Государь! – Задыхаясь, дозорный не спрыгнул, а рухнул с лошади. Глаза его были выпучены и блуждали, по обожженному солнцем лицу бродили красные пятна, какие выступают только от сильного волнения.

– Что случилось? – Орвас подошел к солдату и сам подал ему вина из фляжки. – Выпей, переведи дыхание. Ты ничего не сможешь мне сказать, если задохнешься. Я долго ждал известий, подожду еще минуту.

Дозорный в несколько глотков осушил фляжку, даже не заметив, что оставил своего императора без питья. Он обтер губы, вздохнул и тихо проговорил:

– Они...

Его лицо задрожало, он не смог продолжать.

– Они идут? – настойчиво спрашивал Орвас. – Они уже близко? Где они?

– Они... – повторил дозорный. И вдруг в его обезумевших глазах появились лучики. Орвас почти воочию видел, как свет исходит из просиявших зрачков. – Они повернули на запад!

Орвас отшатнулся, как будто ему нанесли удар.

– Куда? – глухо переспросил он.

– На запад, государь! Они повернули на запад!

– Этого не может быть... Ты ошибся! – воскликнул Орвас. Он стукнул себя кулаком в грудь, словно каялся в каком-то ужасном преступлении. – Этого не может быть. Ты безумен! Тебе почудилось.

Но дозорный уже взял себя в руки. Почти весело он повторил в третий раз:

– Нет, я не ошибаюсь, я не сошел с ума, я не безумен, и они действительно повернули на запад, к болотам Ракштольна! Они не идут на Аккению! Их истинная цель – не Тугард. Мы спасены!

* * *

Так вот оно, чудо, которое предвещало безмолвное появление Ангела Света! В последний миг армия, пришедшая с Темной стороны Лаара, обнаружила свои истинные намерения. Намерения, которые скрывались от всех, даже от командиров, принявших сторону Шаггона и Духа Аджелиана. Кианна с ее умертвиями, с ее смертоносным туманом и, главное, – с ее целью подчинить себе весь Лаар и превратить его в источник собственной силы, показалась слишком опасной. Зло готово было схлестнуться со Злом, и подлинным местом величайшей битвы стали болота Ракштольна.

Ринан Сих узнал об этом от королевы умертвий. Пенна прилетела из степей и ворвалась в туманы. От ее черных крыльев, от ее кожи все еще пахло солнцем и травой, а глаза ее сверкали такой яркой изумрудной зеленью, что у Ринана Сиха потекли слезы, так сильно раздражал его этот свет.

Пенна опустила ресницы, а когда подняла их, в ее глазах уже стояла ночь.

– Они идут на нас, – сказала королева умертвий. – Я видела их при свете солнца. Они собрали неисчислимую армаду. Сначала Тзаттог и я – мы оба считали, будто их цель – Тугард. Но это было бы слишком просто. Сожрать Тугард сейчас под силу любому. Несмотря на то что там собралась большая армия, Орвас не в состоянии сражаться по-настоящему. Он слишком слаб, и доблесть ему не поможет. О Кианна, берегись!

Женщина невероятной красоты выступила из тумана. Она была худой, гибкой, как змея; ее лицо было темным, а глаза и губы – чернее самой тьмы; длинные густо-синие волосы ниспадали до самой земли. И это тоже была Кианна.

Ринан Сих был благоговейно и фанатично влюблен в свою богиню. Он не замечал разницы в ее внешнем облике. Но Пенна – другое дело. Представать ей в облике мерзкого чудовища Кианна не желала.

– Шаггон хочет войны со мной? – прошипела Кианна. – Что ж, он увидит такую страшную битву, какой никогда не знало его темное величество! Мои умертвия, мои

создания, мои верные слуги – они защитят меня. Пусть тьма сойдется с тьмою, пусть зло попытается одолеть зло! Армия Шаггона черна, но я чернее, Дух Адрилиана – зло, но я страшнее самого зла, ибо я не принадлежу к этому миру.

Туман вскипел и начал рассеиваться. Умертвия одно за другим поднимались с земли. Тысячи их становились под знамена высокой и тонкой женщины с раскинутыми, точно крылья, руками. Она стояла, замерев, и на ее черных губах застыла улыбка. Кианна с жестокой радостью созерцала своих мертвых солдат.

Невообразимые чудовища не нуждались в дополнительном оружии. Длинные когти, клыки, шипы, ядовитые зубы, бронированная чешуя, истекающая отравой, парализующий взгляд – все было к их услугам. Пенны больше не было – вместо нее рядом с Кианной стоял Тзаттог и с довольным видом следил за тем, как монстры выстраиваются перед ним, как растет орда чудищ, шипящая, рычащая, ревущая, готовая убивать в любой момент и в любых количествах.

Все было готово для того, чтобы схлестнуться с войсками, пришедшими с севера, с Темной стороны.

Тзаттог поднялся в воздух, чтобы посмотреть, далеко ли еще находится враг. Он мчался над степью, озирая окрестности. Степи выглядели пустынными, заброшенными: обитатели городов и поселков Тугарда либо бежали дальше на восток, за Аккению, либо остались в армии Орваса.

Мрачные орды под водительством Духа Адрилиана медленно двигались от истоков реки Карангар к болотам Ракштольна. Их путь можно было проследить с высоты по широкой черной полосе, выжженной на земле. Нескоро там вырастет трава – вся почва отравлена невообразимым ядом, которым сочились многие создания Тьмы.

Тзаттог помчался вдоль реки к озеру, на котором стоял Туллен, и в этот момент перед ним открылась странная картина: рядом с мертвым участком степи на воде тихо покачивался белоснежный лотос. Цветок казался совершенством. Его очертания были безупречны. Отраженный в воде, как бы удвоенный, он напоминал две ладони, сложенные вместе и развернутые в ритуальном жесте: одна вверх, другая вниз.

«Лотос!» – подумал Тзаттог, и вдруг сознание Пенны рванулось наружу. Архаалитка хотела видеть священный символ Архааля, воплощенный с такой полнотой в этом цветке, выросшем, словно бы всей Тьме назло, рядом с оскверненным местом. Ничто не могло противиться этому порыву. Внезапно Тзаттог с пронзительным диким воплем, похожим на крик подстреленной птицы, сложил крылья и бросился вниз. Он падал с огромной высоты, падал, не выказывая ни малейшей воли к сопротивлению. Смерть летела ему навстречу – черная земля, чистая вода, белый цветок.

И пустота...

* * *

Девочка сидела посреди степи и играла цветком, сорванным в озере. Большой город – он назывался Туллен, но девочка этого не знала – находился поблизости, его башни отражались в озере, однако малышку не интересовало и это.

Она была всего лишь ребенком, маленькой девочкой, и у нее имелась интересная игрушка.

У нее не было ни имени, ни прошлого, ни будущего. Одно только настоящее: черная колючая трава, белые лепестки, сквозь которые просвечивают ее тоненькие пальцы.

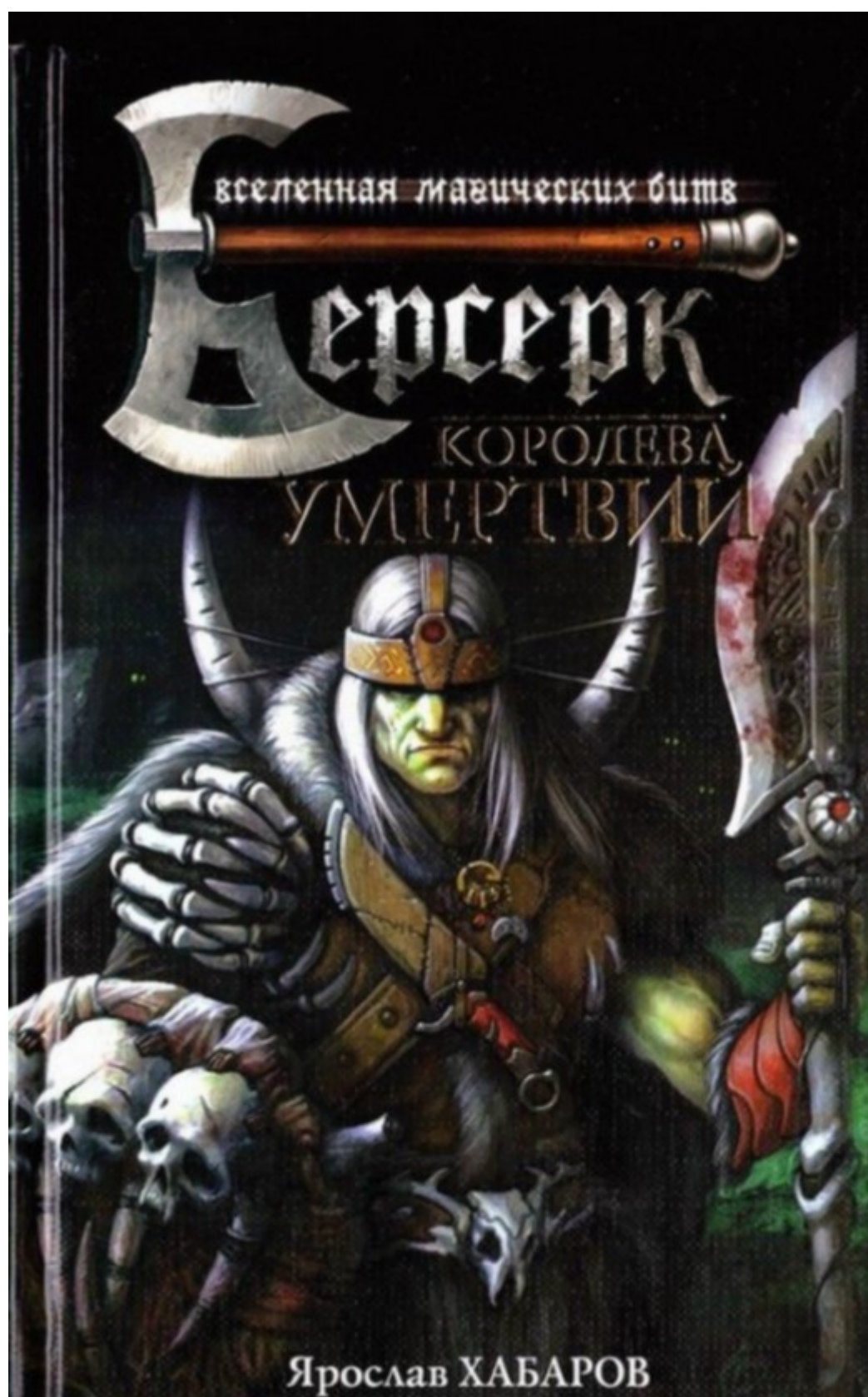
Рядом с девочкой на той же траве лежало изломанное мертвое тело, принадлежавшее крылатому мужчине. Скомканные черные крылья, белоснежное лицо с маленькой, изящной каплей крови, вытекшей из блеклого глаза. Один из клыков влажно поблескивал у него во рту. Девочка не обращала на него никакого внимания. Ее не пугала близость мертвеца.

Ведь она находилась на своем троне, там, куда никому нет доступа, там, где никто с дурными намерениями не посмеет прикоснуться к ней, там, где все происходит так, как ей

хочется, – и никак иначе.

Королева умертвий вступила в свое царство...

...И не слышала, как откуда-то очень издалека доносятся звуки, от которых содрогается весь мир: глухой, вибрирующий рокот, топот тысяч ног, рев, вырывающийся из тысяч глоток... Великая смертоносная битва между порождениями Кианны и силами Тьмы, пришедшими из Урангрунда, началась.

вселенная лавицеских битв

Берсерк

КОРОЛЕВА,
УМЕРТВИИ

Ярослав ХАБАРОВ